

Федор Ибатович Раззаков
Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179517
Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12406-3*

Аннотация

Время – истинный судья поэта. Владимир Высоцкий прошел испытание временем. Четверть века минуло с тех пор, как страна простилась со своим Певцом. Но число тех, для кого его творчество не просто стихи, а жизнь и судьба, не становится меньше. Перед вами подробнейшая хроника жизни Высоцкого. День за днем, час за часом. Без купюр и без прикрас. Как и многие великие поэты, он рано надорвался. За этим, наверное, скрывается его подлинная сущность – не жалея себя, хриплым голосом кричать правду, недоступную многим. Он при жизни стал легендой, а после смерти перешагнул и эту ипостась. Стал просто частью души...

Содержание

Часть первая	4
1938–1964	4
1965	34
1966	41
1967	51
1968	65
1969	88
1970	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Федор Раззаков Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...

Жене и дочери посвящаю

Часть первая

1938–1964

Владимир Семенович Высоцкий родился **25 января 1938 года** в Москве. Его родители – Нина Максимовна Серегина и Семен Владимирович Высоцкий – познакомились в 36-м, за два года до рождения Володи. Какое-то время жили в Новосибирске, а незадолго до появления на свет сына переехали в Москву, в коммунальную квартиру на Первой Мещанской, дом 126.

Где-то в полтора года у Володи сильно заболело горло. Сводили мальчика к врачу, и тот обнаружил увеличение миндалин. Их потом пришлось вырезать. Операция в общем-то легкая, но у Высоцкого она прошла тяжело – миндалины были такие большие, что даже стесняли ему язык. Но операцию он перенес хорошо.

Вспоминает Н. Высоцкая: «Володя был покладистым ребенком, без особых капризов. Я с работы звонила узнать, как идут дела, он сам подходил к телефону. Я спрашиваю:

– Что ты делаешь?

– Играю.

– А тетя Надежда что делает?

– Она ничего не делает, только говорит: «Ой-ой-ой!» (У нее было воспаление среднего уха, и она очень страдала)...

Игрушек у Володи было хоть и немного, зато они были очень хорошие. Двести с лишним штук больших кубиков деревянных с картинками. Он строил из них замки, потом были машинки, а гаражом была тумбочка – он «р» не выговаривал и произносил «га-аж». Потом подарили ему лошадку – теперь уже таких не делают. Она была покрыта шкуркой настоящей, со стеклянными глазами и на очень больших колесах, даже взрослые на ней катались. Володя сам мыл ее, кормил понарошку.

К двум годам он уже говорил хорошо. И большие стихи знал. «Почемучку», «Детки в клетке» Маршака. Стихи он любил читать, стоя на табуретке. Он отбрасывал волосы назад, как настоящий поэт, и читал: «Климу Ворошилову письмо я написал...» И он обязательно должен был встать на что-то высокое...»

Когда началась война, Семен Владимирович ушел на фронт, а Нина Максимовна и Володя эвакуировались из Москвы на Урал, в село Воронцовка Бузулукского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области. По словам Н. Высоцкой: «Я приняла решение поехать в Казань... Но пришлось ехать не в Казань, а на Урал, в город Бузулук, вместе с детским садом парфюмерной фабрики „Свобода“, в котором некоторое время воспитывался Володя... Володя с обидой говорил: „Ты все обещала: в Казанию, в Казанию, а сами едем в какой-то Музулук!“ Город Бузулук расположен между Куйбышевом и Оренбургом. В 15–18 километрах от Бузулука, в селе Воронцовка, находился спиртзавод № 2 имени Чапаева. В этом селе все мы и разместились: московский детский сад, дети школьного возраста и

родители... Жили мы в крестьянских семьях. У меня были прекрасные хозяева: Крашенинниковы – мать, дочь и девочка Тая...»

Между тем Семен Владимирович на фронте встретил другую женщину – Евгению Лихолатову. И когда **в июле 43-го** жена и сын приехали обратно в Москву, на Первую Мещанскую, он пожил с ними всего ничего и ушел к Лихолатовой, на Большой Каретный. Вскоре Нина Максимовна тоже вышла замуж – за Григория Бантоша. Но маленький Володя чуть ли не с первых дней не принял отчима. По этому поводу вторая жена Высоцкого Людмила Абрамова позднее скажет: «Володя про Жору рассказывал. Со злостью и хохотом. Рассказывал как про преодоленное. Терпеть он его, конечно, не мог. Но опять же как рассказывал? Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну (соседка Высоцких по Первой Мещанской. – Ф. Р.). Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, – бежала, кричала на него, махала кулаками, тряпками, – приходила обратно, поднимала котлету и продолжала дальше ее валять. То есть не без смеха рассказывал. Я от него никогда не слышала, что «вот, бедная мама...»

Надо сказать, что отчим оставит в душе юного Володи Высоцкого непроходящую зарубку на всю жизнь. Из-за него родной дом для юного Высоцкого станет местом, куда он меньше всего будет хотеть вернуться. А истинным домом для него станет двор, сначала на Первой Мещанской, а позднее и на Большом Каретном. Не имея практически никаких точек соприкосновения со своим отчимом, предоставленный самому себе (мама с утра до вечера работала), маленький Володя целыми днями пропадал во дворе, где взрослые пили, резались в карты, стучали в домино, пели блатные песни и не стеснялись выражать свои чувства крепкой бранью.

В конце 1946 года отец Володи Семен Владимирович, будучи офицером Советской Армии, получил назначение в Германию и перед отъездом заехал к своей бывшей жене и восьмилетнему сыну. Зная, в каких условиях они живут (у Нины Максимовны была мизерная зарплата, и они с трудом сводили концы с концами), Семен Владимирович предложил ей на время отпустить с ним в Германию Володю (в город Эберсвальде-Финов). Нина Максимовна согласилась. Отъезд состоялся **2 января 1947 г.** Так Володя Высоцкий оказался в далекой и чужой для него стране, в городе Эберсвальде. К сожалению, и это трехлетнее пребывание в Германии не принесло ему настоящей радости. И хотя отношение к нему отца и Евгении Степановны (Володя называл ее «мама Женя») было самым благожелательным, несмотря на то, что впервые в своей жизни Володя получил настоящий велосипед и обучился игре на рояле, однако жизнь в закрытом военном городке для энергичного московского мальчишки была скучна и однообразна. Позднее он расскажет об этом Марине Влади, и та напишет в своей книге воспоминаний следующее:

«Ты в Германии, в маленьком городке, где стоит гарнизон советских оккупационных войск. Тебе 7 лет... В своем замкнутом кругу десяток офицерских семей живет под перекрестным наблюдением. От них несет лицемерием и водкой... Все, что разрешалось бы русскому мальчику в твоей стране, тебе совсем или почти совсем запрещено. Ты не можешь сам себе выбирать товарищей для игр – только приятелей из твоей касты, равных тебе по привилегиям. Никаких прогулок в одиночку, контролируется каждый твой шаг, тебя ежеминутно проверяют, опасаясь покушения или детских шалостей, которые всегда плохо кончаются...»

В августе 1949 года служба Семена Владимировича в Германии закончилась, и он с семьей вернулся на родину. Учиться Володя Высоцкий был определен в 5-й класс 186-й мужской средней школы. Но первый учебный день запомнился ему не самым лучшим образом. Высоцкий пришел в школу в новенькой оранжевой курточке, которая на фоне серых и небогатых одежонок его новых одноклассников смотрелась как нечто экзотическое. За это новичку приклеили прозвище Американец. Но чуть позже отношения с одноклассниками у Высоцкого наладились. Самым близким другом для него стал Володя Акимов.

Однако во дворе Высоцкий предпочитал дружить не со своими сверстниками, а с ребятами постарше. Один из таких его друзей – Анатолий Утевский – вспоминает:

«Разница в возрасте у нас была довольно солидная – четыре года. Но надо отметить, что ни тогда, ни впоследствии „возрастной ценз“ нашей дружбе не мешал. У Володи была удивительная тяга к взрослым и старшим по возрасту. В нашей компании он не был „шестеркой“, „мальчиком на подхвате“. С ним держались на равных, и он отвечал тем же... Володя в нашей компании имел прозвище Швани (Хвостик), поскольку всюду за нами бегал. Но это было не обидное прозвище, а скорее домашнее, ласкательное, как бывает в добрых семьях, где в шутку дают подобные прозвища. Я не помню, чтобы кто-то из нас мог обидеть Володю. Он же не допускал амикошонства, фамильярности и всегда держался с достоинством...

Скажу откровенно, я никогда не относился к Володе с благоговением. Для меня он всегда был тем Володькой, который звал меня Толяном и приходил в наш дом, когда ему заблагорассудится. Он мог позвонить в дверь и рано утром, и поздно вечером, и ночью. Молча усесться в углу комнаты или завалиться спать, тем паче что места в квартире было достаточно. Вспоминая то время, понимаю, он был одинок. Родители, бабушки, друзья, любимые женщины, работа – все это маленькие норки, в которые он на время прятался, а потом «вылезал» и стремительно мчался куда-то, словно хотел убежать от самого себя...

Володю наш дом привлекал уютом, теплом и добрым к нему отношением моих родителей... В наших семейных походах иногда участвовал и Володя. Обычно это случалось тогда, когда мне было лень одному ехать за билетами. Он охотно соглашался, выторговывая порцию мороженого. После кино мама обычно приглашала Володю на чашку чая. И это была ее маленькая хитрость. Дело в том, что мы с отцом пытались под разными предлогами улизнуть от обсуждения увиденного фильма. Володя же с радостью принимал участие в таких разговорах. Они подолгу сидели в столовой, несколько раз подогревали чайник, добавлялось варенье в вазочки... Я удивлялся терпению друга и пытался вытащить его из столовой. Он отмахивался, а потом сердито выговаривал: «Не суйся, твоя мама дело говорит...» Теперь я понимаю, почему они находили общий язык. Оба принадлежали искусству – два романтика, два мечтателя... Володя сказал как-то с восторгом: «Господи, какая же у тебя мама!» В семье Владимира Высоцкого, видимо, не было такого взаимопонимания между взрослыми и детьми. И хотя мачеха Высоцкого, Евгения Степановна Лихолатова, по словам Марины Влади, «нежная и любящая», но она была человеком чужим, так же, как и отец, всегда мало разбиравшийся в душевных терзаниях своего сына.

В марте 1953 года умер Сталин. Хоронила вождя всех народов вся Москва, в том числе и 15-летний Володя Высоцкий. Вот как об этом вспоминает приятель Высоцкого В. Акимов: «Умер Сталин. Три дня открыт доступ в Колонный зал. Весь центр города оцеплен войсками, конной милицией, перегорожен грузовиками с песком, остановленными трамваями, чтобы избежать трагедии первого дня, когда в неразберихе на Трубной площади многотысячная неуправляемая толпа подавила многих, большей частью школьников.

Особой доблестью среди ребят считалось пройти в Колонный зал. Мы с Володей были дважды – через все оцепления, где прося, где хитря: по крышам, чердакам, пожарным лестницам, чужим квартирам, выходявшим чердачными ходами на другие улицы или в проходные дворы, под грузовиками, под животами лошадей, опять вверх-вниз, выкручиваясь из разнообразнейших неприятностей, пробирались, пролезали, ныряли, прыгали, проползали. Так и попрощались с Вождем».

В 1956 году на Большой Каретный, в квартиру своей молодой жены Инны Крижевской переехал коллега Утевского по учебе в МГУ Левон Кочарян. Утевский об этом вспоминает следующее: «Итак, Лева переехал к Инне, на Большой Каретный, в ее трехкомнатную квартиру на четвертом этаже. В это время это было роскошью, большинство москвичей жили в коммуналках, в одной комнате. Дом Кочарянов – гостеприимный, хлебосольный, душевный,

можно сказать, открытый для всех – обладал удивительным притяжением. И даже после рождения Олечки вся наша компания продолжала там собираться. Привел я туда и Володю Высоцкого, потом там появились и его самые близкие школьные друзья – Володя Акимов, Игорь Кохановский, Яков Безродный, Аркадий Свидерский».

В компании, в которой вращался Высоцкий, спиртным баловались все, что неудивительно: вино и водка в те годы стоили дешево и были чуть ли не главным атрибутом приобщения молодежи к взрослой жизни. Как вспоминает писатель Василий Аксенов: «Пьянство, вообще-то, не особенно возбранялось, если ему предавались здоровые, концентрированные люди в свободное от работы или отпускное время. Напитки были хорошего качества и имелись повсюду, вплоть до простых столовых. Даже глубокой ночью в Охотном ряду можно было набрать и водок, и вин, и закусок в сверкающем чистотой дежурном гастрономе. К началу пятидесятых годов полностью возродились московские рестораны, и все они бывали открыты до 4 часов утра».

«Гораздо позже я поняла, – пишет в своей книге Марина Влади, – из-за всего этого – отца, матери, обстановки и уже тогда изгнания – ты начал с тринадцати лет напиваться».

Надо сказать откровенно, что немалое значение (если не первостепенное) в столь раннем приобщении Высоцкого к алкоголю играла и унаследованная им от предков болезнь головного мозга. Это неблагоприятное генное наследие пришло к Высоцкому от родного деда (тетки со стороны матери умерли от туберкулеза). Дед Высоцкого – Максим Иванович Серегин – был уроженцем села Огарево Тульской губернии, в четырнадцатилетнем возрасте он приехал в Москву на заработки и сначала подносил чемоданы на вокзалах, а позднее устроился швейцаром в гостиницу. Его чрезмерное увлечение алкоголем передалось через поколение внуку.

В пяти минутах ходьбы от дома № 15, в котором жил Высоцкий, в 1-м Колобовском переулке, раскинул свои владения построенный еще при последнем российском монархе винный завод. Поэтому окрестным жителям вино доставалось чуть ли не даром – рабочие выносили. Может быть, поэтому свои первые эпиграммы Высоцкий называл соответствующим образом: «Напившись, ты умрешь под забором» (написана в 1962 году и посвящена Игорю Кохановскому, с которым Высоцкий сидел за одной партой), «Кто с утра сегодня пьян?» (написана в 1962 году и посвящена лидеру компании Левону Кочаряну), «В этом доме большом раньше пьянка была» (написана в 1963 году и посвящена однокурснику Высоцкого по Школе-студии МХАТа Георгию Епифанцеву, в 1968 году сыгравшему роль Прохора Громова в телефильме «Угрюм-река»).

Артур Макаров позднее вспоминал: «В нашей компании было принято – ну как вам сказать – выпивать. Сейчас я пью немного, но не только по причине того, что я старше и болезненнее, а по причине того, что редко наступает в тебе такой душевный подъем, такое созвучие души с компанией, когда хочется это делать дольше, поддерживать в себе, дабы беседовать, развлекаться и для этого пить, иногда ночи напролет.

Мы не пили тупо, не пили для того, чтобы пить, не пили для того, чтобы опьянеть. Была нормальная форма общения, подкрепляемая дозами разного рода напитков».

Но как бы романтично ни звучали слова Макарова об идейной основе юношеского питья, все же факт остается фактом: именно те шумные застолья приучили Высоцкого к спиртному. Ведь в той компании он и Акимов были самыми младшими, и поэтому желание подражать, ни в чем не уступать своим старшим товарищам толкало Высоцкого в объятия спиртного. Даже за вином в ближайшую «Бакалею» на углу Каретного и Садовой бегали именно они, салаги – Высоцкий и Акимов.

Между тем окрестности вокруг Каретных улиц – Малюшенка, Косая, Бутырка – были буквально напигованы хулиганскими компаниями. Вечерами, а то и днем, приличному человеку там было пройти опасно – легко можно было нарваться на какого-нибудь уркагана

или отмороженную шпану. Например, в соседнем с Большим Каретным Лиховом переулке «мазу держали» братья Долбецы, а в помощниках у них были персонажи с весьма колоритными кликухами: Мясо, Фара, Бармалей. Вспоминая о знакомых Левона Кочаряна, тот же А. Утевский пишет: «Круг Левушкиных знакомств был весьма пестрым, полярным и многоплановым. Некоторые его приятели составляли далеко не самую интеллектуальную часть его общества. Скорее они примыкали к криминогенной, авантюрной его части. Со многими из них я был знаком. Кое-кого знал и Володя, которому тогда весьма импонировал их авантюрный образ жизни, возможность разными путями легко зарабатывать деньги и так же лихо, с особым шиком и куражом прокутить их. Днем они занимались какими-то сомнительными делишками, а вечером собирались в модных тогда ресторанах „Спорт“, „Националь“, „Астория“, „Аврора“. Эти ребята, несмотря на принадлежность к блатной среде, были фигурами весьма своеобразными, добрыми по своей натуре и обладавшими чертами справедливых людей. Авторитет Левы был у них огромен...»

Таким образом, двор на Большом Каретном сформировал большинство привычек Высоцкого: как хороших, так и дурных. Чувство товарищеского локтя, чувство справедливости, смелость, душевную щедрость. Первая сигарета, первый стакан вина, первая женщина – это тоже Большой Каретный с его глухими подвалами и подворотнями.

В своем, по многим приметам, автобиографическом «Романе о девочках» Владимир Высоцкий писал: «Особых, конечно, вольностей не было, потому что стеснялись девичества девушки, и юноши боялись ударить в грязь лицом и опозориться, да некоторые просто и не знали, что делать дальше после объятий. На практике и не знали, хотя теоретически давно изучили все тонкости из ботаники, зоологии и анатомии, которая в 9-м классе преподается под хихиканье и сальные шуточки. Знали они про первородный грех Адама и Евы и последующие до нынешних времен, ибо жили они по большей части в одной комнате с родителями, и родители думали, что они спят, конечно же... но они не спали и все слышали. Справедливо все-таки замечено древними: во всем виноват квартирный вопрос».

Желание познания сексуальной практики в каждом мальчишке-подростке возникает гораздо раньше условий, могущих это желание удовлетворить. В случае с Высоцким все обстояло несколько иначе. В той компании, где находился он, хватало места и девушкам, бывшим на несколько лет старше Высоцкого. И хотя тот не отличался ни отменным ростом, ни какой-то особенной красотой, но девушкам нравился его веселый, темпераментный характер и дар отменного рассказчика-юмориста. Многие из этих девушек были даже более раскованны, чем ребята, и свой богатый сексуальный опыт передавали легко. Ведь многие из них росли в таких семьях и дворах, где все было проще и грубее, чем писалось в книгах и показывалось в кино.

Но для Высоцкого приобретение практического сексуального опыта пока выражалось в пассивном наблюдении за действиями старших товарищей. В откровенных воспоминаниях двоюродного брата Высоцкого Павла Леонидова есть строчки и об этом: «Однажды потащили на моей первой „Победе“ шестнадцатилетнего Володю в Машкино: Гена, Володя, я, три девочки. Заехали куда-то в кусты, расположились. Володя застенчив. Мы с Генкой занялись делом, а Володя „смотрел телевизор“. Так мы называли процесс „глядеть и не участвовать“».

И все же грубое дворовое воспитание, через которое прошел Высоцкий, так и не убило в нем мужского благородства. И если одна из любимых женщин Сергея Есенина Галина Бениславская в 1925 году написала в своем дневнике: «Сергей – хам. При всем его богатстве – хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. И ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь чем он для меня отличается от Приблудного? – такое же ничтожество, также атрофировано элемен-

тарное чувство порядочности», – то ни одна из женщин, которых любил Владимир Высоцкий, не захотела сказать о нем ни одного дурного слова, хотя всякое бывало в их отношениях с ним.

Иза Высоцкая: «Мне просто повезло: в моей жизни было большое счастье. И когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что женщины должны быть с ним очень счастливы. Потому что у него был такой дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно».

Людмила Абрамова: «Пусть меня найдет и плюнет мне в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать».

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь...
Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит – я люблю!
Я люблю, и значит – я живу!

Зимой 1956 года Высоцкий бросил МИСИ, куда его заставил пойти отец. Чтобы не попадаться на глаза разгневанным родителям, он чуть ли не дневал и ночевал у Утевского. Однако объяснение все равно случилось, причем вышло оно весьма бурным. Друг семьи Высоцких Н. Киллерог, жившая в 50-х годах в Киеве, позднее вспоминала:

«Вдруг зимой звонит мне Евгения Степановна и говорит: „Неля, мы в отчаянии! Приезжай!!!“ – „Что случилось?“ – „Вова бросает строительный институт, хочет поступать в театральный!“

Близкие Володи были в ужасе, пытались отговорить его от этого, как нам тогда казалось, безрассудного поступка. Когда все аргументы были исчерпаны, я нанесла ему «удар ниже пояса»: «Да посмотри ты на себя в зеркало – какой из тебя артист!»

При этих словах Володя густо покраснел, глаза его наполнились слезами, и в ответ я услышала: «Вот посмотришь, ты еще будешь мной гордиться!» Сам Высоцкий, вспоминая об этих событиях, в январе 80-го признался: «Потом были конфликты между родственниками. Они хотели, чтобы я стал простым советским инженером. Я поступил в строительный институт на механический факультет, учился там. Но потом почувствовал, что совсем неумоготу».

А вот как вспоминает об этих же днях Л. Штурман: «Я как-то пришел к Высоцким, и мама Володи мне говорит: я тебя очень прошу, побеседуй с Вовкой, он решил бросить институт и поступать на актерский. Пришел Вовка, сел покушать, мы поболтали, а потом я говорю: „Ну ладно, теперь поговорим серьезно“. „А, тебе мама уже сказала!“ – сказал он. „Тише, тише, – ответил я, – да, сказала мама, и я считаю, что она права. Тебе осталось всего ничего, сдай хоть семестр, тебе осталось-то совсем немного, кончай первый курс, а потом поступай куда хочешь“. Он встал (мы рядом сидели), сделал шаг ко мне, поцеловал меня в лоб и сказал: „Я тебя очень люблю, но ни тебя, никого не слушаю. Я твердо решил поступать в театральное училище...“

Бросив МИСИ в начале 1956 года, Высоцкий летом того же года поступил в Школу-студию МХАТа, уже не будучи жителем Большого Каретного. За год до поступления он переехал к матери, Нине Максимовне, на Первую Мещанскую, по всей видимости, из-за кон-

фликта с отцом. Но, уехав с Большого Каретного, не забывал его и по-прежнему часто навещался к своим друзьям.

В тот год в судьбе Владимира Высоцкого произошло еще одно знаменательное событие: в Школе-студии он встретил девушку, которой вскоре суждено будет стать его первой женой. Девушку звали Иза Жукова. Была она на год старше Высоцкого и училась на третьем курсе. Знакомство их состоялось в тот момент, когда Высоцкий был приглашен для участия в курсовом спектакле третьекурсников «Гостиница „Астория“ И. Штока, в котором Высоцкому досталась бессловесная роль солдата с ружьем. Он был очень захвачен этой работой и ходил на все репетиции. Одним словом, довольно быстро Высоцкий стал среди третьекурсников своим парнем, что при его общительном характере было и не столь сложно. Тогда и произошло его близкое знакомство с Изой. Молодые стали встречаться.

Вспоминает И. Высоцкая: «После сдачи спектакля у нас было застолье студенческое. И, конечно, там был Володя. Под утро, когда все стали разъезжаться, и мы с подругой Греттой Ромадиной и нашим педагогом Виктором Кирилловичем Манюковым собирались ехать пить кофе с пирожными к его тете, рядом со мной оказался Володя, который меня никуда не пустил. Держал вот меня за руку и не отпускал. И мы пошли бульварами на Трифоновку, в наше общежитие. И всю дорогу ругались. Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак и продержался две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили, но факт тот, что с этого дня он вообще был при мне, со мной. Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. „Я не буду, я не буду!“ – возмущалась я. – „Да ты не бойся...“

Или я заболела, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. В итоге я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, – два человека превращаются в одного...»

На дворе была осень 57-го, когда Высоцкий окончательно уговорил Изу переехать из общежития, где она жила, к нему на Первую Мещанскую. Поскольку из всего добра у девушки был всего лишь небольшой чемоданчик, этот переезд больших хлопот возлюбленным не доставил. Жили молодые в отдельной комнатке, которая, кроме них, принадлежала и соседке Гисе Моисеевне с сыном Мишей. Комната была проходная: на ночь ставили ширму, а днем ее убирали, и в нее мог зайти кто угодно, в ней даже соседи затракали.

Итак, **осенью 57-го** Иза переехала к Высоцкому, но свадьбу они сыграют только через два с половиной года – бывший муж Изы никак не давал ей развода.

Иза к тому времени была уже вполне самостоятельной девушкой, поэтому семейная жизнь для нее не была чем-то обременительным. Про двадцатилетнего Владимира Высоцкого этого сказать было нельзя. Даже женившись и став семейным человеком, он не изменил своим старым привычкам и продолжал посещать шумные мужские компании, в которых ему было гораздо интереснее, чем в стенах собственного дома. По словам его сокурсницы М. Добровольской: «Изе в то время часто бывало с ним трудно».

По признанию многих, да и самой Изы, Высоцкий тогда был душой любого общества, много балагурил и хохмил. Но в глубине души он по-прежнему оставался одинок и замкнут. И единственным средством вырваться за пределы этого одиночества, забыть хотя бы на время о нем для Высоцкого оставалось спиртное. Даже в своих первых песнях конца 50-х он не забывает об этой теме:

Если бы я был физически слабым —
я б морально устойчивым был, —
ни за что не ходил бы по бабам,
алкоголю б ни грамма не пил!..

Ну а если я средних масштабов —
что же делать мне, как мне быть?
Не могу игнорировать бабов,
не могу и спиртного не пить!

... Нет, жить можно, жить нужно и — много:
Пить, страдать, ревновать и любить, —
не тащиться по жизни убого, —
а дышать ею, петь ее, пить!..
Надо так, чтоб когда подытожил
все, что пройдено, — чтобы сказал:
«Ну а все же неплохо я прожил, —
Пил, любил, ревновал и страдал!...»

К концу 50-х Владимир Высоцкий уже несколько лет как играл на гитаре и понемногу сочинял собственные песни. Началось это в 1955 году, когда к 17-летию мама подарила ему первую в его жизни гитару. Одноклассник Высоцкого Игорь Кохановский позднее вспоминал: «Когда я учился в 8-м классе (1953 год), кто-то из соседей по квартире показал мне пять-шесть аккордов. Варьируя их, можно было вполне сносно подыграть любой песне. Довольно быстро я набил руку и исполнял почти весь репертуар Александра Вертинского... Через два года Володя — тогда мы оканчивали 10-й класс — попросил меня научить его струнным премудростям. Он тоже довольно быстро освоил нехитрую музграмоту, но до моих „технических изысков“ ему было тогда далеко».

Сам Владимир Высоцкий в одном из интервью свое увлечение гитарой объяснил тем, что, услышав однажды Булата Окуджаву, решил переложить собственные стихи на нехитрую гитарную музыку. К тому же гитара в те годы была самым распространенным и доступным музыкальным инструментом, и без нее не обходилась ни одна из молодежных вечеринок. Под нее в те годы пели свои песни и любимые киногерои в исполнении Николая Рыбникова и Юрия Белова.

Булат Окуджава стал исполнять свои песни публично с 1956 года. Вспоминая те годы, К. Рудницкий писал: «В комнаты, где пел Окуджава, тесной гурьбой набивались слушатели. Юноши и девушки приходили с магнитофонами системы „Яуза“. Его записывали, его переписывали. Записи Окуджавы быстро расходились по стране. Люди приобретали магнитофоны по одной-единственной причине: хотели, чтобы дома у них был свой Окуджава.

Вот это было внове. Раньше-то поклонники Утесова или Шульженко собирали пластинки, чтобы под звуки очередного шлягера скоротать субботний вечерок, а то и потанцевать. В этом же случае возникла совсем иная потребность: певец понадобился как собеседник, как друг, общение с которым содержательно, волнующе, интересно. Слушали не песню, не отдельный номер — слушали певца... Он еще ни разу не появился на концертных подмостках, а его уже знали повсюду».

А. Утевский, на глазах которого Высоцкий впервые взял в руки гитару, вспоминал: «Петь Володя начал еще мальчишкой. Садился на диван, брал гитару и тихонечко, чтобы не мешать присутствующим, что-то пел, подыгрывая себе. Мне его занятия на гитаре были неинтересны, к тому же он подбирал по слуху чужие, где-то услышанные мелодии. Пытался он сочинять и что-то свое, но получалось невразумительно — жизни он не знал, словарный запас был невелик... И тем не менее Володя упорно терзал гитару, учился посредством слова выражать мысли...»

Все песни Высоцкого того периода подражательные. Написаны они были только для того, чтобы исполнять их в кругу близких друзей под вино и закуску. А так как Высоцкий был

с детских лет воспитан на блатной московской романтике, песни те писались им в определенной манере, хорошо знакомой им и любимой. Причем это совсем не значило, что Высоцкий сам был таким блатным, вхожим в хулиганские компании парнем. Ведь он и летчиком никогда не был, и моряком, однако это не мешало ему сочинять замечательные песни о них. Просто Высоцкий с детских лет был настоящим романтиком, наделенным уникальным даром воображения и поэтическим талантом.

В 1959 году Иза Высоцкая окончила училище, и ее распределили в Киев в Театр имени Леси Украинки, а Владимир еще целый год должен был доучиваться в студии. Теперь их связывали друг с другом только почта и телефон.

Вспоминает Б. Поюровский: «Учился Володя нормально. Ни о каком первенстве речи не было, он был, что называется, хорошист. Володя не был ни лидером, ни надеждой и гордостью курса, но и не причинял особых неприятностей.

Он шел ровно... Я не помню случая, чтобы кто-то говорил, что Высоцкий завалил экзамен, что он приходил и просил: «Разрешите мне пересдать весной или осенью». Я не помню такого.

Он свято относился к профессиональным дисциплинам: к сценической речи, с которой у него были нелады, к танцу, который давался ему нелегко, к актерскому мастерству...

У Володи академических срывов не было. Никогда. По линии поведения – были. Но Павел Владимирович Массальский – руководитель курса – так все «замазывал», что от этого и следа не оставалось. И не только по отношению к Володе, но и по отношению к любому своему студенту. Он этим славился. С ним никто ничего не мог сделать, и его студенты всегда грешили дисциплиной. Павел Владимирович был человеком несказанной доброты и редкостного благородства. Его все очень любили и бывали у него дома.

Павел Владимирович обожал Володю, и я считаю, что беда Высоцкого в дальнейшем была во многом связана с обожанием Массальского. На других курсах очень строго было насчет выпивки, а на этом – просто. Правда, в те годы Павел Владимирович был уже болен и говорил мне, что после шести часов вечера ему нельзя пить даже чай. Только стакан кефира. Но из-за того, что он сам когда-то выпивал, был снисходителен к этому греху у других. И, конечно, его студенты этим грешили...»

В 1959 году, еще будучи студентом, Высоцкий совершенно случайно сыграл роль в крошечном эпизоде в фильме Василия Ордынского «Сверстницы». Это был его дебют в кино, хотя, в сущности, ничего играть в этом эпизоде молодому актеру и не понадобилось: его лицо всего лишь на несколько секунд мелькнуло среди таких же, как и он, студентов-статистов (роль студента Пети). Сам Высоцкий о тех съемках вспоминал коротко: «Моя первая работа в кинофильме „Сверстницы“, где я говорил одну фразу: „Сундук и корыто“. Волнение. Повторял на десять интонаций. А в результате сказал ее с кавказским акцентом, высоким голосом и еще заикаясь. Это – первое боевое крещение».

А главную роль в том фильме исполнила ровесница Владимира Высоцкого Лида Федосеева, впоследствии ставшая женой Василия Шукшина.

Примерно на это же время выпадает и дебют Владимира Высоцкого на концертной сцене. Случилось это в студенческом клубе МГУ по протекции не кого-нибудь, а самого Сергея Юткевича, который посоветовал директору клуба Савелию Дворину пригласить к себе на концерт «одного студентика с последнего курса Школы-студии МХАТа, кажется, из класса Массальского». Свидетель того концерта Павел Леонидов позднее вспоминал:

«Дней за пять до того концерта позвонили Дворину из 9-го управления КГБ и сообщили, что будет на концерте сам Пospelов (62-летний Петр Пospelов в те годы был не кем-нибудь, а кандидатом в члены Президиума (Политбюро) ЦК КПСС и секретарем ЦК по идеологии, лауреатом Сталинской премии и Героем Социалистического Труда. – Ф.Р.). Управле-

ние КГБ просило у Дворина места для охраны и план зала, фойе, закулисной части и т. д. и т. п. ...

Заканчивать концерт должен был жонглер Миша Мещеряков, работавший в ритме и темпе пульса сошедшего с ума... Перед Мещеряковым вышел на сцену парнишка лет восемнадцати на вид, подстриженный довольно коротко. Он нес в левой руке гитару. (Это и был Владимир Высоцкий). Сел опасливо и как-то боком, потом миновал микрофон и встал у края рампы, как у края пропасти. Откашлялся. И начал сбивчиво объяснять, что он, в общем-то, ни на что не претендует, с одной стороны, а с другой стороны, он претендует, и даже очень, на внимание зала и еще на что-то. Потом он довольно нудно объяснял, что в жизни у человека один язык, а в песне – другой, и это – плохо, а надо, по его мнению, чтобы родной язык был и в жизни, и в книгах, и в песнях – один, ибо человек ходит с одним лицом... Тут он помолчал и сказал нерешительно: «Впрочем, лица мы тоже меняем... порой»... И тут он сразу рванул аккорд, и зал попал в вихрь, в шторм, в обвал, в камнепад, в электрическое поле. В основном то были блатные песни и что-то про любовь – не помню песен, а помню, как ревел зал, как бледнел бард и как ворвался за кулисы, где и всего-то было метров десять квадратных, чекист и зашипел: «Прекратить!» С этого и началась Володина запретная-перезапретная биография...

Володю после концерта караулили иностранные студенты часа два, а мы с Двориным улизнули через аудитории. Дворин благодарил Володю, жал ему руку, а на меня косил смущенный, добрый и перепуганный глаз...

В марте 1960 года бывший муж Изы все-таки дал ей развод (к этому делу приложила свою руку бабушка Высоцкого, которая жила в Киеве, работала врачом-косметологом и имела весьма обширные связи среди руководящих работников города), и она прилетела в Москву, чтобы сыграть запоздалую свадьбу с Высоцким. Она состоялась **25 апреля**. Вот как об этом вспоминает сама И. Высоцкая: «Сначала решили не устраивать пышной свадьбы, поскольку мы с Володей фактически были давно женаты. Позвонили в Ленинград Семену Владимировичу, у него, кажется, шли экзамены в Академии связи. Он сказал:

– Делайте нормальную свадьбу. Как у людей.

И Евгения Степановна со своими армянскими родственниками взялась за дело. Целые сутки они готовили. Мне купили очень красивое бело-розовое платье на каркасе. На примерке в магазине, едва я успела надеть каркас, продавщица сказала: «Как вам оно идет!..»

Сначала мы думали играть свадьбу в комнате у Володи Акимова. Нина Максимовна даже заходила туда и вымела из-под мебели два ведра окурков и фантиков. Но в конце концов решили устраивать ее дома, на Большом Каретном. Накануне этого события Володя устроил мальчишник для своих друзей в кафе «Артистическое». Он очень долго не возвращался домой, и тогда я пошла его выручать. На обратном пути он сказал:

– Изуль, а я всех пригласил на свадьбу!

– Кого всех?

– Не помню. Всех пригласил.

На мне было прелестное платье в палевых розах, которое мне купили в магазине «Наташа» на улице Горького. Материал назывался перлон, такого сейчас нет. Туфли, естественно, без каблуков, бледно-лимонного цвета. Никакой фаты. А Володя... Он был в рубашечке, мы купили ему костюм, но он его не носил... Расписались в Рижском ЗАГСе, под патефон, где почему-то был не марш Мендельсона, а музыка из фильма «Укротительница тигров». Мы хохотали страшно...

Свадьба была шумная и многолюдная. Мы заняли, наверное, всю квартиру на Большом Каретном, но там были маленькие комнатки, и люди сидели везде, где только можно. Пришел почти весь курс Володи, большая часть моего курса, друзья Володи по школе и по Большому Каретному и его родственники – кто был в это время в Москве. Из моих родных не было

никого. Не было, по-моему, и Семена Владимировича: он не смог освободиться от своих учебных дел.

Каких-нибудь особых эпизодов от свадьбы в моей памяти не осталось. Было шумно и весело – чисто по-студенчески. Володя много пел. Несколько раз громко объявлял гостям: «Она меня соблазнила, лишила свободы!» Это было любимой темой его шуток в мой адрес. Когда мы относили заявление в ЗАГС, девушка-распорядитель стала объяснять Володе порядок последующих действий. Володя замахал руками в мою сторону:

– Это вы ей говорите! Я в этом ничего не понимаю, а она уже все знает! Все-все говорите ей!..

Когда мы вернулись домой на 1-ю Мещанскую, наступило утро. Люди пошли на работу. И Володя – в малоодетом виде – встал на подоконник и звал каких-то мимо идущих работяг, чтобы они немедленно зашли и обмыли с ним его «лишение свободы»...»

В июне 1960 года Высоцкий познакомился с человеком, который станет одним из самых его близких друзей до гробовой доски. Речь идет о Всеволоде Абдулове. Последний вспоминает: «Моя первая встреча с Высоцким? Пришел я в Школу-студию МХАТа. А такая традиция – выпускники, несмотря на жуткую свою занятость – госэкзамены, дипломные работы, – обязательно не пропускают приемных экзаменов. Наверное, как это в песне прозвучит: „Я видел, кто придет за мной“. Вот они хотели увидеть – кто же придет за ними к тем же педагогам, на тот же курс. Мы туда шли, где Володя Высоцкий только что прокрутился эти четыре года. И они сидели и за нас болели. Володя стал за меня болеть, помогать мне. И так получилось, что мы подружились, чтобы уже не расставаться последующие двадцать лет. Мы с ним встретились, и никогда между нами не было выяснения – кто младше, кто старше, а я младше его почти на пять лет...»

Тем летом Высоцкий с успехом окончил Школу-студию, и перед ним встала проблема выбора места работы. Сам он о тех днях вспоминал: «Я закончил училище и в числе нескольких лучших учеников имел возможность выбирать театры... Была масса неудач, тут уже я не хочу разговаривать, потому что приглашали туда и сюда... Я выбрал самый худший вариант из всего, что мне предлагалось. Я все в новые дела рвусь куда-то, а тогда Равенских начинал новый театр, наобещал сорок бочек арестантов, ничего не выполнил, ничего из этого театра не сделал, поставил несколько любопытных спектаклей, и все».

Как и большинство молодых актеров, Высоцкий помимо работы в театре пробовал свои силы и в кино. После крохотной роли в фильме «Сверстницы» (1959) он проходил фотопробы еще в ряд картин, но его физиономия никуда почему-то не подошла. И только летом 60-го ему наконец повезло. **14 июля** в девять утра Высоцкий приехал в Большой ботанический сад в Москве, где в тот день проходили пробы к фильму Ф. Довлатяна и Л. Мирского «Горин меняет работу» (в прокате фильм получит другое название – «Карьера Димы Горина»), который снимался на Киностудии имени Горького. Высоцкий пробовался на роль шофера Софрона – шептунного парня из бригады монтажников. В тот день снимался эпизод «драка с Гориним» (на эту роль пробовался Р. Вильдан).

На следующий день Высоцкий опять был на пробах. Только на этот раз они проходили непосредственно на студии имени Горького, в 3-м павильоне. Снимался уже другой эпизод – «игра в домино». И исполнитель роли Горина был уже другой – Анатолий Адоскин.

16 июля Высоцкий снова проходил пробы – на этот раз в Летнем театре в Сокольниках. Там была выстроена несложная декорация, где с 8 утра и до двух часов дня и прошли пробы. Помимо нашего героя в них участвовали: Виктор Сергачев (Горин), Луценко (Галя Березка).

В следующий раз Высоцкий появился на пробах **18 июля**. В 3-м павильоне студии он пробовался сразу с двумя Гориными: Вильданом и Сергачевым. Сам же Высоцкий играл уже не шофера Софрона, а бригадира монтажников Дробота. Видно, сыграл он его не очень убедительно, поскольку **25 июля** эти пробы были показаны генеральному директору студии

Бритикову и худруку Сергею Герасимову, и они кандидатуру Высоцкого отменили. Причем на обе роли: и Софрона, и Дробота. Однако история участия Высоцкого в данном фильме на этом не заканчивается, о чем речь еще пойдет впереди.

В сентябре Театр имени Пушкина открыл свой очередной сезон в Москве, и среди нескольких новичков в его труппе был и Высоцкий. Его ввели сразу в шесть спектаклей, но настоящими ролями это назвать было трудно, так как все ограничивалось несколькими, часто бессловесными, выходами на сцену. Правда, была у него и одна большая роль, но и она особенной радости молодому актеру не принесла. В спектакле «Свиные хвостики» он играл... 50-летнего (!) председателя колхоза (Высоцкому тогда шел 23-й год). Этот ввод поверг Высоцкого в настоящее смятение, но отказаться он не мог. А режиссер, видя сомнения парня, назначил на эту же роль еще одного актера-дублера. В конце концов в процессе работы Высоцкого полностью вытеснят из этой роли, и он будет занят лишь в массовке. Точно такая же история произойдет с ним и в следующем спектакле, что, естественно, не прибавит молодому актеру веры в собственные силы. У Высоцкого начнутся срывы, и он станет все чаще пропадать из театра по неуважительным причинам. Как итог: его несколько раз попытаются уволить, но каждый раз, идя навстречу его обещаниям исправиться, будут брать обратно. Немалую роль во всех этих возвращениях будет играть Фаина Георгиевна Раневская, артистка того же Театра Пушкина. Вспоминая о ее роли в судьбе молодого Высоцкого, Иза Высоцкая рассказывала: «В театре у него была заступница – великая женщина и великая актриса, единственная женщина, к которой я по молодости ревновала Володю. Это – Фаина Георгиевна Раневская. Они обожали друг друга. И как только его увольняли, Фаина Георгиевна брала его за руку и вела к главному режиссеру. Видимо, она чувствовала в этом тогда еще, по сути, мальчишке, который в театре-то ничего не сделал, большой неординарный талант».

Тем временем осень 60-го запомнилась Высоцкому не только с грустной стороны. Светлым пятном для него стало приглашение в картину «Карьера Димы Горина», куда он, как мы помним, поначалу не подошел. Фильм начал сниматься **в самом конце августа** в Москве, а **в середине сентября** съемочная группа отправилась в экспедицию в Карпаты, в город Сколе (полтора часа на электричке от Львова). Съемки там начались **17 сентября** и шли вполне благополучно. Но спустя неделю у молодых режиссеров (этот фильм был у них дебютным) стали возникать проблемы дисциплинарного характера. Особенно много хлопот стал доставлять им актер Лев Борисов (брат Олега Борисова, впоследствии прославившийся ролью Антибиотика в сериале «Бандитский Петербург»), который играл шофера Софрона. Мало того, что он постоянно учил дебютантов, как надо снимать кино, так он еще и дисциплину нарушал – позволял себе приходить на съемочную площадку подшофе. В итоге терпение режиссеров лопнуло. **26 сентября** Борисову объявили, что договор с ним расторгнут и он может уезжать обратно в Москву. А в столицу полетела срочная телеграмма на студию, чтобы в Сколе был прислан другой исполнитель. Им стал Высоцкий, который в июле пробовался на эту роль и, видимо, сумел показаться режиссерам.

Высоцкому повезло: вызов из киногруппы пришел как раз в те дни, когда его работа в театре была чисто символической. Поэтому долго уговаривать Раневских не пришлось, и он со спокойной душой отпустил молодого актера на съемки. Высоцкий прилетел в Сколе **29 сентября**. В тот же день вечером (в 21.00) с ним была проведена репетиция сцены, которую предполагалось снять завтра утром. Игра Высоцкого режиссеров не огорчила. Во всяком случае, на фоне Борисова он выглядел более чем убедительно.

Первый съемочный день Высоцкого в фильме «Карьера Димы Горина» датирован **30 сентября**. В тот день с 9 утра до половины пятого вечера снимали объект «просека» (середина фильма). В съемках приняли участие: Демьяненко, Высоцкий, Алиев, Ванин, Селезнев и др.

1 октября снимали эпизод в палатке (ближе к концу фильма). Участвовали: Высоцкий, Демьяненко, Конюхова, Селезнев и др.

2 октября Высоцкий снимался в кабине грузовика и в палатке.

Вспоминает В. Высоцкий: «Был такой эпизод на третий день моей съемочной жизни: я должен был приставать в грузовике к Тане Конюховой. А я был тогда молодой, еще скромный. Но это не значит, что я сейчас... Я тоже сейчас скромный очень... Я долго отнекивался, наконец согласился. И это было очень приятно... Когда я попытался Таню обнять, это все видел в маленькое окошко Дима Горин. И когда машина остановилась, он... должен был бить меня в челюсть... Эту сцену мы снимали девять дублей, потому что шел дождь, и все время у оператора был брак. И даже Демьяненко – он играл Горина – подошел ко мне и говорит: „Володя, ну что делать? Ну, надо! Ну, давай я хоть тебя для симметрии по другой половине, что ли, буду бить“.

Вспоминает Т. Конюхова: «Володя был активен, и он все время предлагал что-то сделать, ребятам подкидывал фразы остроумные. Он привнес такую изюминку в эту маленькую рольку и, в общем, укрупнил ее. Я так думаю, что они и пошли от этой его индивидуальности, и посадили его со мной в машину, и заставили его хватать меня и целовать... Это снималось под Ужгородом, там река, это была осень, жуткая, грязная. Ужасно! Там в грязи все приходили, на плиточках грели воду, с кипятильниками. Воды нет горячей, ничего нет...»

3 октября съемки были отменены из-за сильного дождя.

4–5 октября снимали объект «трасса» с участием все тех же исполнителей.

Вспоминает Н. Казаков: «По сюжету мы строили высоковольтную линию электропередачи. И режиссеры фильма вдруг говорят нам, мол, ребята, надо бы залезть на траверсы, где ролики висят, а то – все дублеры да дублеры. (А опоры эти высотой 42 метра, да еще в горах стоят). И пообещали заплатить нам тогда по 40 рублей. Дали нам монтажные пояса, и мы полезли... Я помню, осилил метров семь. Как глянул вниз, – так и остановился. А на самый верх забрались лишь артист и спортсмен Алексей Ванин и Высоцкий...»

Сразу после съемок, вечером **5 октября**, Высоцкий улетел в Москву для участия в спектакле. В Сколе он вернулся **7 октября** и уже в 9 часов утра был на съемочной площадке – снимался в «просеке» (конец фильма).

8 октября снимали сцену на болоте с участием Высоцкого, Демьяненко, Конюховой, Жаровой и др. Это был последний съемочный день Высоцкого в экспедиции – вечером того же дня он улетел в Москву. А съемки в Сколе продлятся до **25 октября**, после чего группа вернется в столицу, чтобы продолжить работу в павильонах Киностудии имени Горького.

1 ноября в 11 утра Высоцкий приехал в парк Сокольники, где в Летнем театре была выстроена декорация «домик бригады». В тот день до семи вечера прошли репетиции предстоящих съемок. Они начались на следующий день в 10 утра и продлились до шести вечера. Снимали сцены, где Горин общается с бригадой (первая половина фильма). Снимались: Высоцкий, Демьяненко, Ванин, Селезнев, Алиев и др.

3 ноября снимали все тот же «домик бригады».

4 ноября снимали «домик», а в восемь вечера была проведена репетиция сцены «встреча Нового года», которую в скором времени предстояло снимать.

5 ноября Высоцкий снимался в «домике бригады».

6–8 ноября съемки не проводились по причине праздников (43-я годовщина Великого Октября).

9 ноября съемки фильма были возобновлены: снимали «домик бригады» (перед встречей Нового года) с участием Высоцкого, Демьяненко, Алиева и др.

10 ноября Высоцкий продолжил съемки в «домике бригады».

11 ноября съемки не проводились. Но в четыре часа дня Высоцкий был в Сокольниках, где прошла репетиция сцены «встреча Нового года». Работа завершилась в 23.00.

12 ноября сняли несколько разных кадров в декорации «домик бригады» с участием Высоцкого, Демьяненко, Казакова, Алиева и др.

13 ноября – выходной день.

В понедельник **14 ноября** с 12 часов дня начали снимать «встречу Нового года». Однако в пять вечера внезапно сломалась камера, и работу пришлось прекратить.

15 ноября съемки Нового года продолжились. Снимались Высоцкий, Демьяненко, Конюхова, Казаков, Алиев, Селезнев, Ванин, Жарова и др. Работа продлилась до 18.30.

16 ноября Высоцкий снова снимался во «встрече Нового года».

17 ноября съемочная группа, как обычно, собралась на студии, где актеры переоделись в реквизит, загримировались и в 11.45 на автобусах отправились в Сокольники. Однако, приехав в павильон в Летнем театре, они застали там жуткий холод. Стало понятно, что сниматься в таких условиях невозможно. И в час дня съемку отменили. Та же история повторилась и **18–19 ноября**.

20 ноября – выходной день.

21 ноября съемка опять была отменена из-за сильного холода в павильоне. После этого, узнав от синоптиков, что холода в Москве уже не отступят, было решено съемки в Сокольниках прекратить. Они возобновятся **24 ноября**, однако без участия Высоцкого – в Кунцево будут снимать натурные эпизоды с участием других актеров. Что касается нашего героя, то он целиком сосредоточился на работе в театре.

На съемочную площадку «Карьеры Димы Горина» Высоцкий вернется во второй половине декабря. Для этого ему придется лететь в Ригу, поскольку часть павильонных эпизодов будет сниматься именно там (из-за отсутствия свободных площадей на студии Горького). **19 декабря** Высоцкий снимется в эпизоде «в больнице» из второй части фильма. На следующий день Высоцкий «добьет» этот объект и самолетом вернется в Москву. В этом году в «Горине» он больше сниматься не будет.

В Ригу Высоцкий опять прилетит **9 января 1961 года**. В тот день на натурной площадке Рижской киностудии и в павильоне будут сниматься два эпизода из конца фильма с его участием: «кабина грузовика» и «палатка». Съемки продлятся с 16.00 до 24.00.

10 января Высоцкий снова снимался – в эпизоде «палатка» из конца фильма. Его партнерами были: Демьяненко, Селезнев, Алиев, Ванин и др. Работа длилась с 10.00 до 19.00.

11 января Высоцкий снимался в эпизодах «палатка» и «опора» из конца фильма. Утром следующего дня Высоцкий улетел в Москву.

В следующий раз на съемочную площадку «Горина» наш герой вернулся в свой день рождения **25 января**. Волею судьбы ему в тот день пришлось ехать в Кунцево, где снимались натурные эпизоды из первой половины картины. Партнерами Высоцкого были: Демьяненко, Конюхова, Селезнев, Ванин, Жарова, Казаков, Ананьина и др.

26 января, в четыре часа дня, Высоцкий был на Киностудии имени Горького, где прошла его первая сессия озвучания роли Софрона. Она длилась до 23.30.

10 февраля Высоцкий снова снимался. На этот раз ему пришлось ехать в Звенигород, где сняли несколько кадров с его участием в натурной декорации «домик бригады» из первой части фильма. Работа длилась с 10.00 до 17.00.

13 февраля Высоцкий снова должен был сниматься. Однако не довелось. В 9.30 съемочная группа выехала к месту съемок, но начать их так и не смогла из-за сплошной облачности.

Съемки возобновились только **16 февраля**. Высоцкий снимался в эпизодах «просека» и «домик бригады» из первой части картины. Затем наш герой в течение трех дней не снимался. И на съемочную площадку вышел только **20 февраля** – были запечатлены кадры в «домике бригады» из второй части фильма.

Следующие съемки случились у Высоцкого **28 февраля**. На этот раз они проходили на Киностудии имени Горького, во 2-м павильоне. Высоцкий снимался в новых эпизодах «встреча Нового года» (эти эпизоды внесли в сценарий по настоятельной рекомендации Сергея Герасимова). Съемки велись с 9.00 до 24.00.

Последний съемочный день Высоцкого на картине «Карьера Димы Горина» датирован **4 марта**. В Звенигороде будут сняты кадры из первой половины фильма с участием Высоцкого, Демьяненко и Конюховой. Работы длились с 8.00 до 17.00.

7–9 марта Высоцкий провел три смены озвучания. На этом его работа в фильме «Карьера Димы Горина» была благополучно завершена.

Тем временем тесная мужская компания на Большом Каретном продолжала существовать, и даже более того – расширяла круг своих завсегдатаев. По словам А. Утевского, дом Кочарянов считали за честь почтить своим присутствием многие известные в то время и ставшие известными позднее люди, такие как: Иван Пырьев, Эдмонд Кеосаян, Алексей Салтыков, Алексей Габрилович, Михаил Туманишвили, Григорий Поженян, Кирилл Лавров, Олег и Глеб Стриженовы, Анатолий Солоницын, Нонна Мордюкова, Юлиан Семенов, Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Евгений Урбанский, Аркадий Вайнер, Михаил Таль. Правда, большинство из названных нельзя было назвать завсегдатаями дома Кочарянов, многие заходили туда просто «на огонек», приводимые кем-то из старожилов компании. Надо отметить, что после смерти Сталина советское общество заметно раскрепостилось, люди, сбросившие с себя липкий, гнетущий страх, потянулись друг к другу. В считанные годы недавно скованная страхом молодежь теперь обрела небывалую по тем временам уверенность и жажду жизни. Большим прорывом в этом отношении явился состоявшийся летом 1957 года в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов, опрометчиво разрешенный властями и впоследствии здорово напугавший их.

Советская власть не была бы советской властью, если бы не стремилась охватить своим вниманием всех: и празднующих по улицам одиночек, и тех, кто собирался компаниями на квартирах. **4 мая 1961 года** появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». А. Утевский вспоминает:

«Конечно же, обывателю наша своеобразная коммуна на Большом Каретном представлялась сборищем чуть ли не тунеядцев. Представьте: обычные люди идут утром на работу, вечером домой, а здесь – поздно встают, поют песни, бегают с пустыми бутылками. В общем, непорядок. И раз так, надо доложить, „стукнуть“ куда следует. Доброжелателей было достаточно, и Артура Макарова с его заработками „неизвестного происхождения“ решили выселить из Москвы. Слава богу, вступился „Новый мир“, во главе которого в то время был Александр Твардовский. Помнится, именно тогда Высоцкий в соавторстве с Артуром написали юмористический «**Гимн тунеядцев**», который исполнялся на весьма известную мелодию:

И артисты, и юристы
тесно держим в жизни круг,
есть среди нас жиды и коммунисты,
только нет среди нас подлюг!

Артур Макаров впоследствии так комментировал «Гимн тунеядцев»: «Я был и остаюсь убежденным интернационалистом... Это сейчас я пообмялся, а тогда при мне сказать „армяшка“ или „жид“ – значило немедленно получить по морде. Точно так же реагировали на эти вещи все наши ребята. Так вот, в этой компании подлюг действительно не наблюдалось. Крепкая была компания, с очень суровым отбором».

Первые месяцы 1961 года не принесли ни Высоцкому, ни его молодой жене ни творческого, ни душевного облегчения. Приехав зимой в Москву, Иза ждала приглашения из Театра имени Пушкина, куда ее сватал собственный супруг. Однако вопрос волокитился слишком долго, а тут еще в семье случился скандал. Молодые ждали первенца, но, когда об этом узнала Нина Максимовна, она закатила скандал: дескать, жить негде, а вы ребенка рожать надумали. После этого у Изы на нервной почве началось кровотечение и случился выкидыш. Это событие переполнило чашу терпения девушки. У нее и раньше случались стычки со свекровью, но эта стала последней каплей. Иза собрала вещи и уехала в Ростов-на-Дону работать в местном театре. Чуть позже и сам Высоцкий решил уехать из опостылевшей ему Москвы вслед за своей женой, поскольку получил приглашение из ростовского театра и даже авансом получил роль в спектакле «Красные дьяволята». Все шло к скорому отъезду Высоцкого из столицы, но судьба распорядилась иначе.

В мае Высоцкий по старой привычке снялся в массовке в телеспектакле «Орлиная степь» (в главной роли – Евгений Урбанский), а **в июле** на целый месяц укатил в Севастополь, где шли съемки фильма «Увольнение на берег» (в картину его взял Левон Кочарян, который был вторым режиссером фильма). Там с Высоцким произошел забавный эпизод, о котором вспоминает супруга Кочаряна Инна: «Наша база была в городском Доме офицеров. А жара в те дни стояла жуткая. Володя Трещалов, Лева Прыгунов и Высоцкий в обеденный перерыв решили выйти в город, попить газировки. И к ним подходит патруль. А они его не приветствуют по уставу. Офицер спрашивает: „Почему не приветствуете?“ Ну а они отвечают: „Да пошел ты...“ Их забрали и увезли в комендатуру... Приходит машина, режиссер туда-сюда, а актеров нет. И кто-то ему говорит: „А ваши актеры давно сидят в комендатуре, сейчас их на „губу“ отправляют“. Недоразумение разъяснилось, но это им понравилось. И потом, как только обеденный перерыв, они начинают фланировать по улице и никому честь не отдают. Но это уже была игра...»

Вспоминает В. Высоцкий: «Я снимался в фильме „Увольнение на берег“. Когда на крейсер „Михаил Кутузов“, где проходили съемки, приехали Гагарин и Титов, всех прогнали... А я в это время вместе с ребятами жил в кубриках. Всех киношников выгнали, а меня забыли, потому что я тоже был в форме, одет, как все, ко мне уже привыкли на корабле. Так что я первый из очень многих гражданских людей видел в лицо и разговаривал с Титовым и Гагариным...»

Эта поездка в Севастополь оказалась весьма плодотворной для Высоцкого, причем в большей мере как автора песен, чем киноактера: именно там им была написана самая знаменитая песня того времени «**Татуировка**». По версии самого Высоцкого, идея этой песни пришла к нему еще в Ленинграде: «Я первую свою песню написал в Ленинграде. Ехал однажды в автобусе и увидел впереди себя человека, у него была распахнута рубашка – это летом было, – и на груди была татуировка: женщина нарисована была, красивая женщина. И внизу было написано: „Люба, я тебя не забуду“. Я написал песню, которая называется „Татуировка“, правда, вместо „Любы“ для рифмы поставил „Валя“.

8 мая 1961 года на экраны страны вышел фильм «**Карьера Димы Горина**», в котором Владимир Высоцкий сыграл одну из самых больших своих ролей того периода – шофера Софрона. Правда, в многочисленных публикациях, появившихся после премьеры фильма в печати, имя Высоцкого ни разу упомянуто не было. Другие фильмы в тот период «делали погоду» на экранах страны, о других актерах писали. В тот год вышли: «Чистое небо», «Битва в пути», «Друг мой Колька», «Прощайте, голуби», «Девчата», «Полосатый рейс», «Человек-амфибия», «Девять дней одного года».

Пока Иза Высоцкая ждала мужа в Ростове-на-Дону, тот, отснявшись в «Увольнении на берег», в августе уехал на новые съемки в фильме «Грешница» режиссера Ф. Филипова, где, как обычно, получил эпизодическую роль (корреспондент). Могла тогда у Высоцкого

случиться и главная роль – в фильме «Иваново детство» его пробовали на роль капитана Холина. Этот фильм сначала начал снимать Эдуард Абалов, но когда отснятый им материал был забракован руководством киностудии, фильм доверили снимать другому режиссеру – Андрею Тарковскому. А тот, как мы помним, дружил с Высоцким. Вот он и пригласил друга на главную роль в новой версии «Иванова детства». Однако худсовет, просмотрев пробы Высоцкого, решил, что они неудачны – на умудренного человека с большим жизненным опытом Высоцкий явно не подходил. В итоге эту роль сыграл, и хорошо сыграл, Валентин Зубков.

Между тем, потеряв одну роль, Высоцкий приобрел другую – в фильме ленинградского режиссера Г. Никулина «713-й просит посадку». Эта картина внесет существенные коррективы в личную жизнь 23-летнего Высоцкого. На дворе был **сентябрь 61-го**.

Друг Высоцкого Михаил Туманишвили, вспоминая ту осень, пишет: «В конце 61-го меня пригласили попробовать в картину „713-й просит посадку“. В этой же картине пробова- вался и Володя. Мы оба претендовали на одну и ту же роль морского пехотинца. И Володя был утвержден. На съемку надо было ехать в Ленинград, и я пришел на вокзал проводить его. В одном вагоне с ним ехала очень красивая девушка. А в то время ни одну симпатичную девушку оставить без внимания мы не могли. Я говорю Володе: „Ты эту девушку потом обя- зательно приведи к нам!“ И он: „Обязательно приведу!“ Этой девушкой оказалась молодая киноактриса Людмила Абрамова, в свое время удостоенная почетного титула „Мисс ВГИК“ за свою красоту...»

А вот как об этих же днях вспоминает сама Л. Абрамова: «Мне предложили – практи- чески без проб – войти в картину „713-й просит посадку“... Я поехала в Ленинград... Офор- мить-то меня оформили, но пока поставят на зарплату, пока то, пока се... А я уже самые последние деньги истратила в ресторане гостиницы „Европейская“, в выставочном зале.

Поздно вечером 11 сентября я поехала в гостиницу, ребята меня провожали. У каж- дого оставалось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов переехать на трамвае на ту сторону Невы. А я, уже буквально без единой копейки, подошла к гостинице – и встретила Володю.

Я его совершенно не знала в лицо, не знала, что он актер. Ничего не знала. Увидела перед собой выпившего человека. И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове и, несмотря на холодный дождливый ленин- градский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора – та отказала. Потом обошла несколько знакомых, которые жили в гостинице, – безрезультатно.

И тогда я дала Володе свой золотой перстень с аметистом – действительно старинный, фамильный, доставшийся мне от бабушки.

С Володей что-то произошло в ресторане, была какая-то бурная сцена, он разбил посуду. Его собирались не то сдавать в милицию, не то выселять из гостиницы, не то сооб- щать на студию. Володя отнес в ресторан перстень с условием, что утром он его выкупит. После этого он поднялся ко мне в номер, там мы и познакомились...»

Через несколько дней после этой встречи Высоцкий отбил телеграмму в Москву другу Анатолию Утевскому: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза». Самое интересное, жениться Высоцкий собирался, не только не оформив развода с первой женой Изой, но даже не поставив ее в известность о своем новом увлечении.

Людмила Абрамова в своем рассказе о встрече с Высоцким отмечает, что она тогда ничего о нем не знала. Между тем в тот год имя Высоцкого, автора и исполнителя собствен- ных песен, было уже хорошо известно поющей молодежи Москвы. Правда, сам он старался скрывать свое имя под псевдонимом. Г. Внуков по этому поводу вспоминает: «**В начале 1962 года** мы с ребятами завалились в ресторан «Кама». Ресторанчик второго класса, но там

всегда все было: любые мясные и рыбные блюда, сухие вина двух десятков сортов, не говоря уже о крепких напитках...

И вот однажды я слышу, поют рядом ребята под гитару: **«Рыжая шалава, бровь себе подбрила...», «Сгорели мы по недоразумению...»**. Я – весь внимание, напрягся, говорю своим: «Тише!» Все замолчали, слушаем. Я моментально прокрутил в памяти все блатные, все лагерные, все комсомольские песни – нет, в моих альбомах и на моих пленках этого нет. Нет и в одесской серии. Спрашиваю у ребят, кто эти слова сочинил, а они мне: «Ты что, мужик, вся Москва поет, а ты, тундра, не знаешь?» Я опять к ним: «Когда Москва запела? Я только две недели тут не был». Они: «Уже неделю во всех пивных поют „Шалаву“, а ты, мужик, отстал. Говорят, что какой-то Сережа Кулешов приехал из лагерей и повнез этих песен, их уже много по Москве ходит».

Это случилось в самом начале января 1962 года, и так я впервые услышал имя Сережи Кулешова. Я попросил у ребят слова, мне дали бумажку, я переписал слова и вернул бумажку обратно. Как я сейчас об этом жалею: это был Высоцкий со своей компанией, а той бумажке, исписанной его рукой, сейчас бы цены не было. Высоцкий мне позднее признался, что тогда, в начале 60-х, он всем говорил, что эти песни поет не он, а Сережа Кулешов».

Перемены в личной жизни подвигли Высоцкого и к переменам в творческой судьбе: **в конце 61-го** он уходит из Театра имени Пушкина и переходит в Театр миниатюр. Но и этот переход не принес ему особой творческой радости. Уехав **в конце февраля 1962 года** с театром на гастроли на Урал, Высоцкий пишет Людмиле Абрамовой в Москву (они поселились в двухкомнатной квартире у дедушки Людмилы): «Я почти ничего не делаю и отбрыкиваюсь от вводов, потому что все-таки это не очень греет, и уйти – уйду обязательно. А чтобы было то безболезненно – надо меньше быть занятым...

Репетируем «Сильное чувство» Рычалова, а недавно дали мне Зоценко и «Корни капитализма»... Это уже репетировал парень, но у него не!!! выходит. Так что кому-то наступаю на мозоль. Уже есть ненавистники. Но мне глубоко и много плевать на все. Я молчу, беру суточные и думаю: «Ну, ну! Портите себе нервишки. А я маленько повременю! И вообще, лапик, ничего хорошего и ничего страшного. Серенькое...»

Выдержать все гастроли Высоцкий не сумел – сорвался. А поскольку главный режиссер театра В. Поляков был ярым трезвенником, ко всем алкогольным закидонам своих артистов он относился с яростью. Поэтому, узнав о срыве Высоцкого, повелел немедленно его уволить из театра и отправить в Москву первым же поездом. В приказе об его увольнении значится лаконичное резюме: «Отчислить Владимира Высоцкого из театра за полное отсутствие чувства юмора».

Высоцкий вернулся в Москву в начале марта, а спустя некоторое время Людмила Абрамова сообщила ему, что забеременела. Скрывать эту новость не стали. В итоге про это узнала одна из подруг Изы Высоцкой и позвонила ей в Ростов-на-Дону. Иза немедленно связалась с Высоцким: «Это правда?» «Нет, – соврал Высоцкий. – Я вылетаю к тебе и все объясню». «Как влетишь, так и вылетишь», – последовал лаконичный ответ, после чего Иза повесила трубу. А чтобы муж-изменник ее не нашел, она уволилась из ростовского театра и переехала в Пермь. И в течение двух лет она с Высоцким не общалась, он даже адреса ее нового не знал.

Вообще в те дни Высоцкому казалось, что его жизнь идет наперекосяк: он живет с новой женщиной, не расторгнув своего официального брака с первой женой, уходит из второго театра, не проработав в нем и месяца. Он, кажется, ловит свою птицу удачи, не имея представления, что она из себя представляет и где обитает.

Давая определение тем годам в жизни Высоцкого, его жена Людмила Абрамова с горечью отметит: «...начало 60-х – такое время темное, пустое в Володиной биографии... Ну нет ничего – совершенно пустое время».

Об этом же и слова Олега Стриженова: «До Таганки оставалось еще почти два с половиной года безработицы, скитаний по киностудиям с униженным согласием играть любые мелкие роли, какие-то кошмарные изнурительные гастролы на периферии...»

Да и сам Владимир Высоцкий запечатлел свое тогдашнее состояние в песнях.

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться,
Нужно сильно напиться!

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю,
А теперь порвали серебряные струны.

И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже.
И нельзя мне солнца, и нельзя луны!

Уйдя из Театра миниатюр, Высоцкий решил попытать счастья в Театре «Современник», одном из самых знаменитых молодых театров страны. **В марте 62-го** Высоцкий пришел в «Современник» и сыграл в нем по договору ничем не примечательную роль в одном из спектаклей. Однако его талант ничем не приглянулся Олегу Ефремову, и Высоцкий приглашения для дальнейшей работы в театре не получил. Судьба вновь толкает его в стены Театра имени Пушкина, куда он возвращается **в мае**.

В том же месяце Высоцкий прибывает к новому кинопроекту. На киностудии «Мосфильм» режиссер Александр Столпер приступал к экранизации романа К. Симонова «Живые и мертвые», и в те дни шли интенсивные поиски актеров на главные и эпизодические роли. Решил попытать счастья и Высоцкий. **8 мая** он сделал фотопробы на роль Золотарева, а **28-го** – на Люсина. Однако ни одна из этих проб не подойдет, и Высоцкого возьмут совсем на другую роль – молодого солдата в небольшом эпизоде. Но об этом речь еще пойдет впереди.

В начале июля вместе с театром Высоцкий отправляется на гастролы, и вновь по Уралу. Края эти явно не прельщают Высоцкого, и он откровенно пишет жене: «До чего же здесь гнусно. Кто может жить здесь – тот ежеминутно совершает подвиг». Но даже несмотря на печаль и тоску, нахлынувшие на него в тех краях, Высоцкий старается держаться молодцом, поскольку его творческие амбиции, кажется, удовлетворены: ему дали первую большую роль в спектакле «Дневник женщины» – шофер Саша. В одном из писем жене он сообщает: «Был дебют в „Дневнике женщины“. Играл! Сказали, что я так и буду играть и в Москве тоже. Поздравляли, Гриценко тоже вчера глядела, обрелась вся, как всегда, а роль комедийная. Поздравляла тоже. Вроде и народу, то есть зрителям, тоже не очень противно...» (К слову, отрывок из этого спектакля с участием Высоцкого был показан по Свердловскому телевидению. – Ф. Р.).

Не желая потерять эту роль, Высоцкий «завязывает» с алкоголем. По поводу чего радостно сообщает жене: «Я не пью совсем и прекрасно себя чувствую».

Но судьба-злодейка и на этот раз не дала Высоцкому вкусить плоды успеха. После гастролей по Уралу произошел очередной конфликт с главным режиссером Б. Равенских, и Высоцкого снова уволили из театра. Вновь безработица и нищенское прозябание на случайные заработки. Осенью подвернулась работа в фильме А. Столпера «Живые и мертвые». Как мы помним, Высоцкий не прошел фотопробы на роли Золотарева и Люсина, однако его взяли

в небольшой эпизод на роль солдата. Это подсуетился Левон Кочарян, с болью наблюдающий уже который год за житейской и творческой неустроенностью своего младшего друга.

Первый съемочный день Высоцкого в «Живых и мертвых» датирован **20 сентября**. В тот день возле деревни Манихино Истринского района Московской области снимали эпизод «вяземский лес» из конца первой серии фильма. Партнерами нашего героя были Дубровин, Пушкарев и др.

На следующий день Высоцкий снимался в местечке Бужарово в эпизоде «лес Бирюкова» из конца фильма. Его партнерами были Кирилл Лавров, Людмила Крылова и др. Съемки длились с 7.00 до 19.00.

22–23 сентября Высоцкий снимался в «вяземском лесу».

25 сентября Высоцкий снова снимался в Бужарово.

Последний съемочный день Высоцкого в «Живых и мертвых» датирован **26 сентября**. В тот день в Бужарово сняли проезд героев фильма в грузовике (кстати, именно этот эпизод в картину и войдет, а большинство остальных с участием Высоцкого вырежут).

Еще печальнее сложится ситуация с фильмом «Грешница» (вышел на экраны **в сентябре 62-го**), где Высоцкий тоже играл эпизодическую роль – там все кадры с его участием полетят в корзину. Правда, Высоцкого это должно было мало огорчать, поскольку фильм получился средний и особого внимания к себе ни широкой общественности, ни критики не привлек. В тот год спорили о других фильмах и ролях. На экранах шли картины: «Гусарская баллада», «Иваново детство», «Коллеги», вышел первый номер сатирического журнала «Фитиль».

Зато по телевидению нет-нет да и гоняли фильмы, где Высоцкий участвовал. Так, **1 сентября** впервые показали «**713-й просит посадку**», а **7 октября** опять же впервые крутали «**Увольнение на берег**», который **16 декабря** показали еще раз – по заявкам зрителей.

Тем временем **29 ноября** у Высоцкого и Абрамовой родился первенец – сын Аркадий.

В самом начале января 1963 года Высоцкий улетает в Алма-Ату на съемки кинокомедии «Штрафной удар» (съемки фильма начались еще **в октябре 62-го**). Ему вновь предложена эпизодическая роль – гимнаст Юра Никулин – но он соглашается ради того, чтобы хоть что-нибудь подработать на стороне. Пребывание в той экспедиции ничего радостного Высоцкому не приносит, о чем он и делится в письмах к своей жене. Так, 10 января он сообщает Л. Абрамовой: «Здесь ужасно скучно! Я скоро буду грызть занавески...»

Медео – это такое место с нерусским названием, и абсолютно по-русски лапотно и глупо оформлено... Никаких трибун, гостиниц, ресторанов и даже туалетов. Где живут спортсмены – неизвестно. Кругом бродят яки, куры, коровы, казахи и киношники. Их здесь как собак. Чембулак – это тоже место, и тоже с нерусским названием. Там проходят соревнования по слалому, и там тоже ничего нет. Правда, там есть столовая, но она приносит государству убытки...»

Несмотря на тоску, Высоцкий на съемках почти не пьет, о чем опять же с удовольствием пишет жене в своих письмах: «Тут проходит съезд кинематографистов Казахстана. Приехал Райзман и всякие артисты: Румянцева, Ливанов и т. д. Пьют! А я – нет! И не хочется».

Чуть позже Высоцкий все-таки «развяжет», поскольку компания вокруг него собралась сплошь «питейная»: молодые актеры Владимир Трещалов, Игорь Пушкарев. Когда у актеров кончились суточные, именно Высоцкий предложил ловкий ход: наклеить на лица бороды и, вооружившись гитарами, пройтись с шапкой по электричкам. При этом исполнялась старинная жалостливая песенка: «Я родственник Левы Толстого, его незаконнорожденный внук. Подайте, кто сколько может, из ваших мозолистых рук...» И люди подавали. А в одном из вагонов актеров остановила какая-то молодая гоп-компания и заставила с ними выпить на брудершафт. Гульба продолжалась в течение нескольких часов.

Художества молодых актеров, естественно, вызывали справедливый гнев администрации съемочной группы. Поэтому когда из Москвы приехал младший администратор с зарплатой, режиссер фильма Вениамин Дорман распорядился Высоцкому, Трещалову и Пушкарёву деньги выдать в последнюю очередь. Когда об этом узнал Высоцкий, он отправился на разборки к администратору. Тот отослал его к режиссеру. Но Высоцкий заявил, что не мальчик на побегушках, схватил термос и ударил им администратора по голове. Был большой скандал.

На съемках возле молодых актеров постоянно крутились местные красавицы, которые были столь же доступны, как дешевое вино, продававшееся в местных магазинах. Актеры, естественно, этим пользовались. О чем вскоре сильно пожалели: у двоих из них – Трещалова и Пушкарёва – на интересных местах объявились лобковые вши. О Высоцком никаких сведений на этот счет нет.

За съемки в «Штрафном ударе» Высоцкому выпишут гонорар в сумме 1034 рубля 24 копейки. Деньги, в общем-то, приличные, но они тут же разлетелись в разные стороны: надо было кормить первенца, да и долгов у молодых было выше крыши. Высоцкий устроился работать в театральную студию, что располагалась в Клубе МВД имени Ф. Дзержинского, однако ставка там была мизерная – 50 рублей в месяц. Можно было, конечно, обратиться за помощью к родителям Высоцкого, но он этого делать не хотел – гордость не позволяла. И кто знает, какие мысли посещали Высоцкого в те невеселые для него годы. Может быть, и закрадывались в его сердце сомнения относительно давнего спора с отцом и дедом по поводу выбора своей профессии. Ведь, поступив вопреки воле родителей, в театральную студию и получив актерскую профессию, Высоцкий к 63-му году ничего, кроме житейской неустроенности и душевного разлада с самим собой, так и не приобрел. И жена его, Людмила Абрамова, вспоминая те годы, горько констатирует: «Работы нет, денег ни гроша. Я потихоньку от родителей книжки таскала в букинистические магазины... Володя страдал от этого беспросвета еще больше, чем я. Скрипел зубами. Молчал. Писал песни. Мы ждали второго ребенка...»

Когда в конце 63-го Людмила Абрамова сообщит Высоцкому о скором пополнении семейства, Высоцкого это известие мало обрадует. «Денег нет, жить негде, а ты решила рожать!» – пытался он увещевать свою жену. Разговор этот происходил на квартире Кочарянов, и вмешательство Левона предопределило его концовку. «Кончай паниковать! – сказал Кочарян другу. – Ребенок должен родиться, и весь разговор!»

В мае Высоцкий вновь отправился в Казахстан на съемки очередного фильма. Это была драма с необычным для такого жанра названием «По газонам не ходить». Речь в фильме шла о восстании рабочих на одной из строек Казахстана – там делами заправлял жестокий начальник, некогда руководивший стройкой, где работали ээки. Высоцкому предназначалась роль одного из помощников главного героя. Однако из этой затеи ничего не вышло. Практически в первый же съемочный день прямо на съемочной площадке Высоцкому стало плохо, и он потерял сознание. На «Скорой помощи» его доставили в больницу, где он провёл несколько дней. Узнав об этом, директор «Казахфильма» решил не рисковать здоровьем молодого артиста и дал команду немедленно найти ему замену.

Однако если с кино дела у Высоцкого шли неважно, то песенное творчество, что называется, било ключом – к этому времени большинство его песен уже распевалось по всей Москве и области. По рукам повсюду ходили магнитофонные записи, сделанные на разных квартирах, где выступал Высоцкий. На одной из таких вечеринок, на Большом Каретном, 15, побывал знаменитый шахматист Михаил Таль, оставивший об этом свои воспоминания: «С Высоцким мы познакомились **весной 1963 года** ... Тогда имя молодого артиста Владимира Высоцкого было уже достаточно известным. Естественно, с прибавлением уймы легенд, но имя было у всех на слуху... Нас представили друг другу, и через две минуты у меня сложи-

лось впечатление, что знакомы мы с ним тысячу лет. Не было абсолютно никакой назойливости...

Там было очень много людей... Хотел Володя этого или нет, но он всегда был в центре внимания. С настойчивостью провинциала практически каждый входящий на третьей, пятой, десятой минутах просил Володю что-то спеть. И Володя категорически никому не отказывал».

О тех же временах оставил свои воспоминания и артист Владимир Трещалов, который снимался с Высоцким в «Штрафном ударе», а позже прославился исполнением роли Сидора Лютого в «Неуловимых мстителях»: «Я договорился со звукооператорами телевидения, и эти ребята в аппаратном цехе студии Горького записали Высоцкого. Тогда Володя пел почти час. Это было **в самом начале лета 63-го**. Запись эта довольно быстро распространилась, и песни Высоцкого пошли гулять по Москве».

К этому времени репертуар Владимира Высоцкого был уже достаточно внушителен, но самыми знаменитыми были следующие песни: **«Красное, зеленое, желтое, лиловое»** (1961), **«Татуировка»** (1961), **«У тебя глаза, как нож»** (1961), **«Рыжая шалава»** (1961), **«В тот вечер я не пил, не ел»** (1962), **«Где твои 17 лет?»**, **«За меня невеста отрыдает честно»** (1962), **«Серебряные струны»** (1962), **«Это был воскресный день»** (1962), **«В Пекине очень мрачная погода»** (1963), **«Антисемиты»** (1963), **«Катерина»** (1963), **«Кучера из МУРа укатали Сивку»** (1963), **«Сегодня в нашей комплексной бригаде»** (1963).

Надо отметить, что до сего дня не утихают споры вокруг блатного репертуара Владимира Высоцкого. Многие из тех, кто поверхностно знает творчество поэта, считают, что те ранние блатные песни – это не что иное, как пустая трата времени, занятие несерьезное и не стоящее особого внимания. Мол, и тексты в них бестолковые, и музыка примитивная. Между тем уже тогда, в начале 60-х, у этих песен Высоцкого были горячие почитатели в среде, весьма далекой от блатной. По словам однокурсницы Высоцкого М. Добровольской, большим поклонником поэта был их преподаватель по Школе-студии Андрей Донатович Синявский: «Синявский весьма ценил эти первые песни Володи. **«Это был воскресный день»** или **«Татуировка»** ... Да, ведь Андрей Донатович вместе с женой Марией Розановой сами прекрасно пели блатные песни!

Синявский был большим знатоком и ценителем такого рода народного творчества, и именно это он ценил в Володе. Как мне кажется, именно Синявский заставил Высоцкого серьезно этим заниматься... Он считал, что Володино раннее творчество ближе к народному. И до сих пор – мы недавно с ним разговаривали – Андрей Донатович думает, что это у Володи самое главное, настоящее».

Синявский, безусловно, прав, отдавая дань ранним песням Высоцкого. Ведь все в творчестве Высоцкого взаимосвязано, и не будь тех ранних блатных песен, то не было бы и позднего Высоцкого с его военными и сатирическими циклами. Сам же поэт за два года до своей смерти говорил: «Я начал со стилизации так называемых блатных песен. Они мне очень много дали в смысле формы. Меня привлекала в них несложная форма с весьма незатейливой драматургией и простой идеей – без хитрого и сложного подтекста. Эти песни окрашены тоской по человеческой близости. Окуджава, который писал иные песни, выражал эти чувства другими средствами. Я же (сам, кстати, выросший на задворках) отражал в песнях „псевдоромантику“ и брожение беспокойного духа пацанов проходных дворов».

Но наиболее точно и верно охарактеризовала раннее творчество Владимира Высоцкого его вторая жена Людмила Абрамова: «А почему он начал писать песни, которые – Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы – Великому Актеру! – когда ему нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: „Дай-ка я сяду и напишу себе репертуар...“ Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в „Свинных

хвостиках“, что ли, или в „Аленьком цветочке“? Вот он и зазывал своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали. Это не уровень актерского творчества, это уровень актерских забав. А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, про то, как шли в Монголию, про двух эзков? Кто? Да еще дал сыграть одного ээка, да другого, да повара с половничком? Кто бы ему тогда написал пьесу про штрафников?»

Безусловно, Владимир Высоцкий искал самовыражения как актер, но на сцене этого не находил. Ведь в Театре миниатюр были задумки поставить спектакль по его песне «**Татуировка**», но дальше проекта дело так и не пошло. Поэтому единственным средством самовыражения для Высоцкого оставалось его песенное творчество, ведь песни его были нечем иным, как своеобразными мини-спектаклями. А то, что тогда это были в основном блатные песни, неудивительно: Высоцкий пел о том, что ему было хорошо знакомо, ведь он сам был не кем иным, как одним из «пацанов проходных дворов». К тому же судьба не только бросила его в одно из самых романтических мест Москвы, из благополучной Германии на Большой Каретный, но вдобавок ко всему наградила и самым «блатным» голосом из всех, что можно было только себе представить, – голосом «с трещиной». Человек с таким голосом, кажется, был просто рожден для того, чтобы петь «**Нинку**» или «**На Большом Каретном**». И не зря поэтому сам Высоцкий, отвечая в июне 70-го на вопрос анкеты: «Чего больше всего боитесь в жизни», ответил: «Потери голоса».

А мы-то, пацаны 60-х—70-х, слушая песни Высоцкого, думали, что голос его не иначе как «пропитой». Да и сам Высоцкий как-то однажды рассказал следующее: «Я со своим голосом ничего не делаю, потому что у меня голос всегда был такой. Я даже был когда-то вот таким маленьким пацаном и читал стихи каким-то взрослым людям, они говорили: „Надо же – какой маленький, а как пьет!“ То есть у меня всегда был такой голос – как раньше говорили, „пропитой“, а теперь из уважения говорят – с „трещинкой“».

Когда в 56-м Высоцкий поступал в Школу-студию, о нем тогда говорили: «Это какой Высоцкий? Хриплый?» И Высоцкий тогда пошел к профессору-отоларингологу, и тот выдал ему справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен. А то не видать бы Высоцкому актерской профессии как собственных ушей.

Чем еще запомнился Высоцкому 63-й год? Он получил очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз от Василия Шукшина, который взял его в свою дебютную ленту «Живет такой парень» на роль деревенского парня Хыца. Натурные съемки фильма проходили на Алтае. Однако в окончательный вариант эпизоды с участием Высоцкого почему-то не вошли.

Между тем **конец 63-го года** застал Высоцкого далеко от Москвы – в Сибири, в Томске. Попал он туда случайно: сидел со своим приятелем актером Михаилом Туманишвили в буфете Театра киноактера, когда к ним подошел администратор Калмыцкой филармонии В. Войтенко и предложил подхалтурить – съездить с гастрольями по городам Сибири, Алтая и Казахстана. «Так у нас и программы никакой нет!» – удивились друзья. «А ничего особенного и не надо: выучите пару отрывков из какой-нибудь прозы да еще три-четыре стихотворения – вот и вся программа, – ответил Войтенко. – Я сегодня улетаю в Томск – там работают Зинаида Кириенко и Леонид Чубаров, а через несколько дней закажу вам билеты, и вы их смените».

В Томск Высоцкий и Туманишвили прилетели **30 декабря**. И уже на следующий день давали свой первый концерт. Дрожали от страха, как школьники, поскольку за те несколько дней, что у них было до отъезда, они успели выучить только один отрывок из прозы (его читал Туманишвили) и несколько стихотворений Маяковского (их декламировал Высоцкий). Однако публика приняла молодых актеров достаточно тепло. А потом и вовсе дела пошли на лад: Войтенко в местном кинопрокате за две бутылки водки нанял киномеханика, и тот стал помогать гастролерам – крутил ролики с отрывками из фильмов, где они снимались. К тому

времени гастролеры уже вполне освоились и помимо стихов и прозы разыгрывали смешную сценку из книжки Карела Чапека. За полтора месяца гастролей Высоцкий и Туманишвили выступили в нескольких городах: Томске, Колпашеве (**10 января**), Барнауле, Бийске (**1 февраля**), Горно-Алтайске, Рубцовске. В Москву гастролеры вернулись только **в конце февраля 1964 года**.

Между тем единственным местом работы Высоцкого тогда был Клуб МВД имени Ф. Дзержинского, где он играл в спектакле «Белая болезнь». Символичное название для человека, у которого в трудовой книжке была лаконичная надпись, что он не имеет права работать по профессии из-за систематического нарушения трудовой дисциплины, то есть из-за пьянок.

В апреле судьба Владимира Высоцкого вновь пересеклась с Театром имени Пушкина: его пригласили туда сыграть по договору роль в хорошо знакомом ему спектакле «Дневник женщины». Высоцкий, естественно, согласился. А в мае он едва не ушел из жизни. Случилось следующее.

На майские праздники он сильно загулял с друзьями и как-то вечером, возвращаясь домой, был задержан милиционерами. Те препроводили его в вытрезвитель. Высоцкий идти туда не желал, активно сопротивлялся и всю дорогу твердил, что он актер, что снимается в кино. Стражи порядка в ответ скалились: «Что-то мы тебя ни в одном фильме не видели». И так достали Высоцкого своими издевками, что уже в вытрезвителе он выдернул из брюк ремень и захотел повеситься. Спасло его чудо. В тот самый момент, когда петля захлестнула шею, в камеру зашел пожилой старшина. Он и вынул уже задыхавшегося Высоцкого из петли. И в тот же день позвонил его отцу.

Спустя несколько дней, по настоянию родных, Высоцкий согласился лечь в наркологическую клинику. Тогда всем еще верилось, что таким способом можно вылечить его от тяжелого недуга. Горькая правда выяснится позже, а пока недельное пребывание Высоцкого в больничных стенах вроде бы помогло – с выпивкой он завязал.

По выходе из больницы Высоцкий уезжает в Айзкрауле (Латвийская ССР) на съемки фильма «На завтрашней улице» режиссера Ф. Филипова, у которого он еще в 61-м снимался в фильме «Грешница»: там он играл корреспондента, здесь – молодого бригадира строителей Петра Маркина. Причем в «Улицу» он попал с большим скрипом. Начальник актерского отдела Адольф Гуревич был категорически против его кандидатуры, считая Высоцкого алкоголиком. Но режиссер сумел-таки его уговорить. Гуревич согласился, но пригрозил Высоцкому: сорвешься – вышибу с киностудии с «волчьим билетом».

Когда об этом узнали друзья Высоцкого – Всеволод Абдулов и Геннадий Ялович, – они испугались: хорошо зная друга, они были уверены в том, что он не сможет долго выдерживать «сухой закон», обязательно сорвется и – прощай кино. И тогда они решили отправиться вместе с киногруппой, чтобы приглядывать за Высоцким. А чтобы их взяли, сами (!) дописали в сценарий роли под себя. Они «создали» бригаду строителей, которая вызвала на социальное соревнование бригаду Маркина. Хитрость удалась: режиссеру понравилась новая сюжетная линия, и он включил молодых актеров в группу.

13 мая Высоцкий пишет жене письмо, где сообщает: «Наша таборная жизнь течет нормально. Целый день мужики лежат вверх животами, а бабы ходят и гадают (за деньги), когда будет съемка. Безделье. Вечером – звон гитары молодого черноголового Абдулова Севки и пляски вокруг костра, а потом спим в шатрах-палатках на пляжных простынях. Погода только сегодня хорошая, а так – дождь и холодно. Хожу я как герой из „Великолепной семерки“ – в джинсах и в американских ботинках, так что выходит очень великолепно. Вчера собрал бутылку земляники (1231 штука), считал и нагибался за каждой ягодой, а потом с молоком съел. Результат налицо и на желудок – тяжелая, но скоротечная медвежья болезнь. Хотели разрушить нашу беззаботную жизнь и сегодня назначить съемку, но вдруг кто-то

намекнул, что сегодня 13-е число и понедельник. Все забегали и испугались. Так что, если не будет съемок еще два дня, – будет 50 % зарплаты. Это плохо. Я живу экономно и не принимаю. У нас четверых общий котел, но я это дело кончаю и из шараги со скандалом выхожу, потому что они все жрут и иногда пьют и мне выгоды нету.

Вчера комсомольцы ГЭС пригласили нас на «голубой огонек». Я рассказывал, какой я артист, и пел и играл с Яловичем сценку, а потом по микрофону пели американскую бодягу, а труженики плясали ТВИСТ и махали бедрами. Пахло потом, дымом и похотью. Одна работа своей мозолистой рукой погладила нашего звукотехника (в прямом смысле погладила), и у того рожка в царапинах. Люсик! Мне здесь скучно!..»

Высоцкий сумел воссоединиться с женой только в конце месяца, когда были отсняты эпизоды с его участием. Однако жена женой, но Высоцкий находит время ухаживать и за другими девушками. Вот как это выглядит в рассказе свидетеля тех событий – тогдашнего начальника Калининградского порта Ильи Н. (много лет спустя он рассказал об этом В. Золотухину): «К нам приехал Театр миниатюр Полякова. Я пригласил театр, устроили прием. Там были две потрясающие девки: Томка Витченко и Рысина. У меня разбежались глаза. Они даже смеялись надо мной: „Смотри, он не знает, на ком остановиться!“ Ладно. Томка жила в Москве... набережная... там полукругом спускается дом. **Лето 1964 года.** Я приезжаю в Москву. Прихожу к ней, мы сидим, выпиваем. Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем троим. Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я – в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем... Этот парень был Володя Высоцкий. Тогда я, разумеется, не знал... Хотя он и тогда был с гитарой и пел...»

9 июля Высоцкий вновь срывается в Латвию, чтобы продолжить съемки в фильме «На завтрашней улице». **16 июля** он пишет в письме жене: «Я теперь жарюсь на солнце, хочу почернеть. Пока – старания напрасны. Обгорели ноги до мяса, а спина не обгорела до мяса – обгорела до костей. Хожу с трудом, все болит... Никак, лапа, не посещает меня муза – никак ничего не могу родить, кроме разве всяких двустий и трехстий. Я ее – музу – всячески приманиваю и соблазняю, – сплю раздетый, занимаюсь гимнастикой и читаю пищу для ума, но... увы – она мне с Окуджавой изменила. Ничего... это не страшно, все еще впереди. Достаточно того, что вся группа, независимо от возраста, вероисповедания и национальности, распевает „Сивку-Бурку“, „Большой Каретный“ и целую серию песен о „шалавах“...»

Позвони отцу – Расскажи, какой я есть распрекрасный трезвый сын В. Высоцкий...»

18 июля в своем очередном письме жене Высоцкий пишет: «А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про «Наводчицу». Посвятил Яловичу. Ребятам нравится, а мне не очень...»

Как и положено истинным творцам гениальных произведений, им обычно не нравятся именно те произведения, которым впоследствии предстоит стать всенародно любимыми. Я лично из своего глубокого детства помню полутемный подъезд старого пятиэтажного дома, нас, ребят-малолеток, и пацанов чуть постарше, один из которых, ударяя по струнам «шаховской» семиструнки, поет:

Ну и дела же с этой Нинкою,
Она ж спала со всей Ордынкою,
И с нею спать – ну кто захочет сам?
– А мне плевать – мне очень хочется...

И вот это последнее – «а мне плевать – мне очень хочется» – разнеслось потом среди московской ребятни со скоростью холеры. Мы щеголяли этой фразой к месту и не к месту, картинно закатывая глаза и во всем стараясь сохранить интонацию оригинала.

Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные.
Всегда одета, как уборщица, —
Плевать на это – очень хочется!

Сам того не подозревая, Высоцкий в июле 64-го создал гениальную вещь, которая стала своеобразным гимном дворов и подворотен 60-х, своеобразную «Мурку» того времени. В тех дворах и подворотнях не пели песен Александры Пахмутовой, там пели «Нинку», которая «спала со всей Ордынкою». Да и сам Высоцкий в одном из писем июля 64-го писал жене: «...писать, как Пахмутова, я не буду, у меня своя стезя, и я с нее не сойду».

К слову, Всеволод Абдулов утверждал, что «Нинка» была написана чуть раньше поездки в Ригу – в Москве, на Пушкинской улице, в коммунальной квартире скрипача Евгения Баранкина. В. Абдулов вспоминает: «Мы сидели у Жени. Отмечали какое-то событие или просто так собрались, сказать не могу, только в три часа ночи кончилась водка. А в начале 60-х на радость всем нам работало кафе „Арабат“, куда ночью в любое время можно было постучаться и увидеть двух швейцаров с благородными, честными лицами:

– Сколько?

Ты говорил, сколько – хоть ящик! – и тут же получал требуемое количество бутылок. По пять рублей (при госцене 2 рубля 87 копеек).

Пошли мы с Володи в «Арабат» и остановились у автоматов с газированной водой: они тогда только-только появились. Кидаешь три копейки, автомат говорит: «Кх-х-хх», – и либо не выдает ничего, кроме газа, либо наливает стакан воды с сиропом, вкус которой непредсказуем заранее и зависит от честности лица, заправлявшего его накануне. (Сушая правда. В 70-е годы я был знаком с парнем, который работал на этих автоматах на Киевском вокзале, так вот он разбавлял сироп... акварельной краской. – Ф. Р.). Володя жутко завидовал мне в то время: я умел обращаться с этими устройствами. Подходил к автомату, долго смотрел ему в лицо, определяя место, в которое нужно ударить. Потом бил мягкой частью кулака: «Др-р!» – и получал воду с сиропом. У Володи этого не получалось, и я его учил.

Приблизились мы к автоматам, и вдруг Володя отошел в сторону, произнеся:

– Постой, чудака, она ж наводчица...

Потом мы зашли в «Арабат», отоварились, возвратились к Баранкину, и Володя спросил:

– Жень, где мне здесь присесть? Нужно кое-что записать.

Отошел в угол, а буквально через пятнадцать минут спел нам ту самую «Нинку»...

Тем временем пребывание Высоцкого в Латвии продолжается. Воспользовавшись образовавшимся в съемках «окном», Высоцкий и его друзья решают на пару дней съездить в Ригу. На календаре было **21 июля**. О том, чем завершилась эта поездка, вновь вспоминает В. Абдулов: «У нас было два свободных дня, и мы чувствовали себя самыми богатыми людьми в Советском Союзе. Потому что получили отпускные в театре, суточные и квартирные. Кроме того, за съемки нам заплатили по 100–130 рублей, тратить которые было не на что: питались мы с местных колхозно-совхозных полей, варили себе очень вкусные обеды. Пиво за 22 копейки, водка за 2,87.

Скопившиеся деньги мы повезли в Ригу, начали их тратить! Добирались туда долго, но весело. Приехали днем и пошли в ресторан. Потом заняли очередь в «Лидо», сидели

там на левом балконе – прекрасный оркестр, танцующие пары... Европа! Гуляли на полную катушку: кидали бокалы в окно – и вообще, много было сумасшествия и безобразия.

Познакомились с каким-то мастером спорта по боксу и ночью из «Лидо» пошли к нему пешком. Потом он нас ограбил – проснулись без копейки денег, осталась только чья-то заначка.

Отправились купаться на море. Меня понесли – встать я не мог. Доставили на пляж, я рухнул головой к воде и таким образом спал еще некоторое время. А потом подошел Володя:

– Сев, послушай. Я играл в преферанс и спустил половину наших оставшихся денег, рублей двадцать.

А я считался знатоком игры и значительно превосходил Володю в этой области – по общему мнению. Окунулся в море и пошел отыгрывать наши деньги. Сел. Володя принес стакан холодного шампанского с коньяком. Я выиграл несколько игр, а потом, естественно, все поплыло у меня в глазах, так что и оставшиеся двадцать рублей оказались проигранными.

Но всему прекрасному приходит конец, и мы поехали на вокзал, так как давно пора было возвращаться на съемку. При отъезде нас предупредили: в случае опоздания придется уплатить за срыв съемки 4500 рублей. По тем временам нам пришлось бы на каторге лет пять отрабатывать эти деньги.

Между тем на вокзале выяснилось, что последний прямой поезд ушел, а следующий отправляется только вечером. Мы сели на другой, проехали примерно половину пути, а там, совершенно уже обалдев, выскочили на шоссе ловить попутку. Попутка довезла нас до места, от которого до съемочной площадки оставалось всего километров 60. И мы пустились бегом. Бежали, бежали, бежали... Я последним, совершенно умирая. Слышу – кто-то несется сзади. Оборачиваюсь и вижу: меня догоняет здоровенная собака. Я к ней:

– Ты тоже опаздываешь?

После чего я упал наземь и заявил:

– Все, ребята! К эдакой матери, но дальше не пойду.

Тут, к счастью, испортилась погода, пошел дождь – значит, съемку отменили, и не за наш счет...»

И все же та поездка едва не сорвала последующие съемки. В Риге Ялович забыл в автобусе портфель, в котором находились плавки Высоцкого. А он в них уже снимался в предыдущих эпизодах. Режиссер, естественно, поднял крик: ищи те же плавки, в которых ты был в кадре ранее. А где их теперь найдешь? В итоге сошлись на том, чтобы больше Высоцкого на пляже не снимать.

В отличие от своих друзей, которые нет-нет, но позволяют себе «заложить за воротник», Высоцкий продолжает с гордостью нести бремя непьющего человека. 29 июля в длинном письме жене вновь звучит радость за себя: «Я расхвастался затем, чтобы ты меня не забывала, и скучала, и думала, что где-то в недружелюбном лагере живет у тебя муж ужасно хороший, – непьющий и необычайно физически подготовленный.

Я пью это поганое лекарство, у меня болит голова, спиртного мне совсем не хочется и все эти экзекуции – зря, но уж если ты сумлеваешься – я завсегда готов...

Было вчера собрание... Впервые ко мне нет претензий – это подогревает морально.

Я, лапочка, вообще забыл, что такое загулы, но, однако, от общества не отказываюсь...»

Высоцкий вывел эти строчки **3 августа**, а пять дней спустя в Москве у него родился второй сын – Никита. И счастливый отец пишет **15 августа** своей жене: «Я тебя очень люблю. А я теперь стал настоящий отец семейства (фактически, но не де-юре – это в ближайшее будущее), я и теперь чувствую, что буду бороться за мир, за счастье детей и за нравственность».

В это же самое время судьба готовила Высоцкому тот самый крутой поворот, который должен будет серьезно изменить всю его творческую жизнь.

К 1964 году московский Театр драмы и комедии, что на Таганке, исчерпал все свои творческие возможности и практически дышал на ладан. Назначенный в ноябре 1963 года новый директор театра Николай Дупак предпринимал все возможные меры, чтобы вдохнуть в старые мехи свежее вино. В конце концов судьба послала ему удачу на этом поприще. Актер Театра имени Е. Вахтангова Юрий Любимов был в то время и режиссером курса в Щукинском училище. Силами своих студентов он поставил спектакль по произведению Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана». Увидев этот спектакль, Дупак пригласил Любимова к себе в театр, и тот, недолго думая, согласился. Так, в феврале 64-го бывшего главного режиссера театра А. Плотникова отправили на пенсию и на его место назначили Юрия Петровича Любимова. Могли ли тогда представить себе чиновники от культуры, сколько хлопот доставит им в скором будущем человек, которого они привели к руководству нового театра? Ведь им казалось, что лояльность этого человека предопределена всей его прошлой деятельностью: работа в ансамбле НКВД, съемки в таких официозных фильмах, как «Молодая гвардия» и «Кубанские казаки».

23 апреля состоялось первое представление спектакля «Добрый человек из Сезуана» на сцене Таганки. Отныне это число стало датой официального рождения нового московского театра.

В конце августа, вернувшись в Москву со съемок, Высоцкий узнал о возникновении нового театра. И ему захотелось непременно попасть в его труппу. В качестве протеже выступил актер Станислав Любшин, который привел Высоцкого на показ к Любимову. Вспоминая тот день, режиссер позднее рассказывал: «Показался он так себе... можно было и не брать за это. Тем более за ним, к сожалению, тянулся „шлейф“ – печальный шлейф выпивающего человека. Но я тогда пренебрег этим и не жалею об этом».

Почему же Любимов взял к себе посредственного артиста Высоцкого, да еще с подмоченной репутацией? Сыграла ли здесь свою роль внутренняя интуиция большого режиссера или было что-то иное? Л. Абрамова объясняет это так: «Любимову он был нужен для исполнения зонгов. Он хотел перенести „Доброго человека из Сезуана“ на сцену театра, чтобы театр потерял студийную окраску, чтобы он стал более брехтовским... Снять эту легкую окраску студийности, которая придавала спектаклю какую-то прелесть, но не профессионально-сценическую. Вместо этой свежести Любимов хотел высокого профессионализма. И он искал людей, которые свободно поют с гитарой, легко держатся, легко выходят на сцену из зала... Искал людей именно на брехтовское, на зонговое звучание. Как раз это делал Володя. Это никто так не делал, вплоть до того, что брехтовские тексты люди воспринимали потом как Володиные песни...»

Володя пришел на Таганку как к себе домой. Все, что он делал, – весь свой драматургический материал, который он к этому моменту наработал, – все шло туда, к себе домой. И то, что они встретились, что их троих свела судьба: Любимова, Губенко и Володю... – это могло случиться только по велению Бога».

В эти же дни **начала сентября** в Москву приехала первая жена Высоцкого Иза. Как мы помним, два года назад, узнав о том, что муж изменил ей с другой женщиной и та ждет от него ребенка, она прервала с ним всяческие отношения и сбежала в Пермь. Однако в 64-м у Изы случился роман с молодым человеком, который привел к беременности. Молодые собрались пожениться, но для этого Изе требовалось оформить развод с Высоцким. Именно по этому случаю она и приехала в Москву. Кстати, Высоцкому этот развод понадобился еще раньше – когда у него один за другим родилось двое сыновей. Иза ему этот развод давала, высылала в Москву документы, но Высоцкий... каждый раз их терял. Но в сентябре 64-го,

когда Иза сама приехала в Москву, все прошло без каких-либо приключений. В мае 65-го у Изы и ее мужа родится сын Глеб.

9 сентября 1964 года Высоцкий был взят по договору на Таганку на два месяца во вспомогательный состав с окладом в 75 рублей в месяц. Первый выход на сцену состоялся **19 сентября**: Высоцкий подменил заболевшего актера в роли Второго Бога в спектакле «Добрый человек из Сезуана». По причине ремонта старого здания Таганки спектакли тогда проводились в Телетеатре на площади Журавлева.

24 октября на Таганке начинаются репетиции еще одного спектакля – «Десять дней, которые потрясли мир». У Высоцкого в нем сразу несколько ролей: матрос на часах у Смольного, анархист и белогвардейский офицер. В этом же спектакле он впервые выступит в качестве певца – в образе анархиста лихо сбацает народную песню «На Перовском на базаре».

На той репетиции присутствовал бывший педагог Высоцкого по театральному училищу Андрей Синявский. В те дни в издательстве «Наука» вышла его книга (в соавторстве с Меньшутиным) «Поэзия первых лет революции», которую он захватил с собой и подарил Высоцкому, сделав на ней трогательную надпись: «Милому Володе – с любовью и уважением. 24.X.64. А. С.».

Рождение второго сына, встреча с Любимовым – все эти события на какое-то время привели Высоцкого в то душевное равновесие, которого он, быть может, давно не имел. Как результат: из-под пера Высоцкого на свет явилась одна из первых песен о войне – «**Штрафные батальоны**». Л. Абрамова по этому поводу очень точно выразилась: «Эти выходы вне человеческого понимания, выше собственных возможностей: они у Володи были, и их было много. И происходили они совершенно неожиданно. Идут у него «**Шалавы**», например, и потом вдруг – «**Штрафные батальоны**». Тогда он этого не только оценить, но и понять не мог. А это был тот самый запредел. У интеллигентных, умных, взрослых людей, таких, как Галич и Окуджава, – у них такого не было. У них очень высокий уровень, но они к нему подходят шаг за шагом, без таких чудовищных скачков, без запредела». Вполне вероятно, что материалом к песне «Штрафные батальоны» для Высоцкого послужили рассказы участкового милиционера Гераскина, который, посещая по долгу службы их компанию на Большом Каретном, иногда участвовал в их застольях и в подпитии рассказывал ребятам о своей нелегкой фронтовой судьбе, о своей службе в штрафбате.

В том году это был не единственный прорыв Владимира Высоцкого в запредел. «Батальоны» подтолкнули его к созданию целой серии военных песен, таких как «**Высота**», «**Братские могилы**», «**Падали звезды**», «**Павшие бойцы**». Тогда же родились и первые «политические» песни Высоцкого: песня «**Жил был дурачина-простофиля**» была посвящена Хрущеву, которого в октябре 64-го насильно отправили на пенсию.

Но был добрый, этот самый простофиля,
Захотел издать указ про изобилие.
Только стул подобных дел не терпел,
Как тряхнет, и ясно, тот не усидел.
И очнулся добрый малый простофиля
У себя на сеновале, в чем родили.

Вторая песня – «**Отберите орден у Насера**» – была посвящена тогдашнему президенту Египта, которому Хрущев со своего «барского» плеча в мае 64-го года даровал не шубу даже, а Звезду Героя Советского Союза. Журналист Игорь Беляев спустя четверть века после этого события писал: «Сам Насер, получив уведомление о намерении высокого советского гостя (в мае 64-го Хрущев был в Египте на открытии Асуанской ГЭС) наградить его столь почетной, но весьма специальной наградой, очень тактично дал понять, что ему не хотелось бы, чтобы

эта высшая советская военная награда была вдруг вручена ему. Однако попытки президента уговорить советского лидера отказаться от задуманного не привели к желаемому результату.

Тогда Насер решил обратиться к Н. С. Хрущеву с другой просьбой, которая, как он рассчитывал, должна была удержать его от намеченного шага: вручить такую же награду одновременно и маршалу Амеру, вице-президенту Египта. Расчет был прост: тот явно не заслуживал высшей награды, а раз так, то ее не получит и президент Египта.

Однако Н. С. Хрущева ничто не удержало от задуманного. Так в Египте появилось сразу два Героя Советского Союза».

Подобное беззастенчивое разбазаривание знаков национальной гордости вызывало у простых советских людей, в том числе и у Высоцкого, чувство глубокого недоумения и горечи. «Потеряю истинную веру», – пел Владимир Высоцкий, выражая тем самым мнение 200-миллионного советского народа.

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насеру —
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя – это брось!
Почему нет золота в стране?
Раздали, гады, раздали!
Лучше бы давали на войне, —
А Насеры после б нас простили.

Песня довольно смелая по тем временам, за исполнение которой к Высоцкому вполне могли бы применить меры устрашающего характера. Но к тому моменту Хрущева, инициатора вручения Насеру звания Героя, уже сместили, и песня эта оказалась даже как бы к месту. Так же «к месту» оказались и другие «политические» произведения певца, но уже из «китайского цикла»: «**В Пекине очень мрачная погода**» (1963), «**Мао Цзэдун – большой шалун**» (1964), «**Возле города Пекина**» (1965), «**Как-то раз цитаты Мао прочитав**» (1965). В одной из песен («В Пекине очень мрачная погода») заключительными строчками были:

Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, —
Мы одобряем линию его!

15 октября (на следующий день после смещения Н. Хрущева) Высоцкий предпринимает первую серьезную попытку запечатлеть свои песни для истории: он записывает на магнитофон 48 своих произведений. Там были и песни «китайского цикла», и «**Татуировка**», и «**Нинка**», и многие другие его вирши.

1965

Врастание Высоцкого в Таганку проходит столь успешно, что уже **в январе** его переводят из вспомогательного состава в основной. На душе у него радостно: кажется, впервые за долгие годы странствий по разным театрам он понимает, что нашел то, что надо.

Супруге Высоцкого начало нового года запомнилось иным: «За хлебом – очереди, мука – по талонам, к праздникам. Крупа – по талонам – только для детей», – вспоминает Л. Абрамова.

Помнится, и мне родители рассказывали об этих очередях, а я все думал, в какую же зиму это было? Оказывается, в 65-м. Родители вставали к магазину с раннего утра по очереди – пока один стоял, другой находился со мной дома. Магазин – старая булочная, известная еще с дореволюционных времен – находился на знаменитом Разгуляе, напротив МИСИ, того самого, где Владимир Высоцкий проучился полгода. Теперь на месте этой булочной стоит здание Бауманского райсовета.

И вновь воспоминания Л. Абрамовой: «И вот кончилась зима, и Никита выздоравливал, но такая досада – в этих очередях я простудилась, горло заболело. Как никогда в жизни – не то что глотать, дышать нельзя – такая боль. Да еще сыпь на лице, на руках. Побежала в поликлинику – думала, ненадолго. Надолго нельзя – маму оставила с Аркашей, а ей на работу надо, она нервничает, что опоздает. Володя в театре. Причем я уже два дня его не видела и мучилась дурным предчувствием – пьет, опять пьет...

Врач посмотрела мое горло. Позвала еще одного врача. Потом меня повели к третьему. Потом к главному. Я сперва только сердилась, что время идет, что я маму подвожу, а потом испугалась: вдруг что-то опасное у меня. И болит горло – просто терпеть невозможно. Врач же не торопится меня лечить – позвали процедурную сестру, чтобы взять кровь из вены. Слышу разговор – на анализ на Вассермана. Я уже не спрашиваю ничего, молчу, только догадываюсь, о чем они думают. Пришел милиционер. И стали записывать: не замужем, двое детей, не работает, фамилия сожителя (слово такое специальное), где работает сожитель... Первый контакт... Где работают родители... Последние случайные связи... Состояла ли раньше на учете... Домой непустили: «Мы сообщим... о детях ваших позаботятся... Его сейчас найдут. Он обязан сдать кровь на анализ...» Я сидела на стуле в коридоре. И молчала. Думать тоже не могла. Внизу страшно хлопнула дверь. Стены не то что задрожали, а прогнулись от его крика. ОН шел по лестнице через две ступеньки и кричал, не смотрел по сторонам – очами поводил. Никто не пытался даже ЕГО остановить. У двери кабинета ОН на секунду замер рядом с моим стулом. «Сейчас, Люсенька, пойдем, одну минуту...»

И все стало на свои места. Я была как за каменной стеной: ОН пришел на помощь, пришел защитить. Вот после этого случая он развелся с Изой, своей первой женой, и мы расписались...

А горло? Есть такая очень редкая болезнь – ангина Симановского-Венсана. Она действительно чем-то, какими-то внешними проявлениями похожа на венерическую болезнь, но есть существенная разница: при этой болезни язвы на слизистой оболочке гортани абсолютно не болят».

Тем временем прошло четыре месяца со дня смещения Н. С. Хрущева с его постов, и в «Правде» появилась статья нового главного редактора ведущей партийной газеты страны А. Румянцева под названием «Партия и интеллигенция». Устами нового проповедника решительно осуждались как сталинский, так и хрущевский подход к интеллигенции и звучал призыв к выработке нового, теперь уже правильного, курса. Автор статьи ратовал за свободное выражение и столкновение мнений, признание различных школ и направлений в науке,

литературе и искусстве. Коллективу молодого Театра на Таганке в скором времени одному из первых предстояло воочию ощутить на себе выработку этого «нового партийного курса».

А дела в театре у Высоцкого складываются как нельзя хорошо. **13 февраля** состоялась премьера спектакля «Антимиры» по А. Вознесенскому, где у него одна из главных ролей. **2 апреля** следует еще одна премьера – «Десять дней, которые потрясли мир». В тот же день с Высоцким заключается договор на написание песен для спектакля «Павшие и живые».

Песенное творчество Высоцкого также не стояло на месте: **20 апреля** в ленинградском Институте высокомолекулярных соединений (в кафе «Молекула») состоялись два его концерта. Два первых концерта перед широкой аудиторией! Концерты длились по два часа, в каждом было исполнено по 18 песен.

Прорыв в военную тематику, совершенный Высоцким в прошлом году, в 1965 году был продолжен всего лишь одной песней «Солдаты группы „Центр“». В мае им была написана песня «Корабли». А чувство одиночества и душевного разлада с самим собой, по всей видимости, толкнуло Высоцкого на написание в тот год песен: «Сыт я по горло» и «У меня запой от одиночества». В том же году Высоцкий навсегда распрощался с блатной тематикой: последними песнями этого цикла стали «Катерина, Катя, Катерина», «В тюрьме Таганской...» и «Мне ребята сказали».

Кинематограф в том году предложил ему две роли: в мае поступило предложение от Виктора Турова с «Беларусьфильма» сыграть эпизодическую роль танкиста Володи в картине «Я родом из детства», а Эдмонд Кеосаян взял его на роль гармониста Андрея Пчелки в комедию «Стряпуха». Могла случиться и третья роль – сотник Степан у Андрея Тарковского в «Андрее Рублеве» (пробы шли с **17 декабря 64-го по март 65-го**) – но Высоцкий сам все испортил. Он удачно прошел фотопробы, но перед кинопробами внезапно ушел в запой. Тарковский ему тогда сказал: «Извини, Володя, но я с тобой больше никогда не буду работать». Режиссер имел право так сказать: это был второй подобный инцидент между ними. В первый раз Высоцкий точно так же подвел Тарковского перед съемками телевизионного спектакля по рассказу Фолкнера. К слову, на роль сотника Степана пригласят В. Паулуса, но тот во время съемок заартачится (испугается садиться на лошадь), и его заменят Николаем Граббе. Но вернемся к Высоцкому.

Если в «Стряпуху» нашего героя взяли практически сразу (они дружили с Кеосаяном), то в «Я родом из детства» все было гораздо сложнее. Туров спал и видел в роли танкиста Николая Губенко и трижды посылал за ним в Москву свою ассистентку. Но Губенко был тогда занят, и ассистентка трижды привозила Высоцкого, который на тот момент был свободен. Когда худсовет увидел его пробы, то сразу встал на его сторону. Но Туров настаивал на Губенко. Тогда в дело вмешался оператор фильма Александр Княжинский, который знал Высоцкого и ему симпатизировал. Потом и Туров проникся к Высоцкому симпатией, и они даже стали друзьями.

Съемки в обоих фильмах начались почти одновременно («Стряпуху» начали снимать **4 июля**, «Я родом...» – **11 августа**), поэтому Высоцкому пришлось их совмещать друг с другом. Правда, в белорусской картине эпизодов с его участием было значительно меньше, поэтому там он был считанное количество дней, заработав за съемки 660 рублей. Другое дело «Стряпуха», где у Высоцкого роль была пошире (отсюда и гонорар в 740 рублей), правда, сам он относился к ней как к недоразумению. Мало того что ему пришлось покрасить волосы в рыжий цвет, так еще и песни петь под гармошку не свои, а народные. Одно было хорошо – фильм снимался в благодатном Краснодарском крае (в Усть-Лабинске), где овощей и фруктов было немерено и вино лилось чуть ли не из водопроводных кранов. На почве любви к вину на съемках несколько раз случались скандалы. Вот как об этом вспоминает В. Акимов (второй режиссер на картине):

«Два месяца снимались почти без перерыва. Работы было очень много, все делалось очень быстро. Поэтому в пять утра я уже всех поднимал, в 6 выезжали в степь на съемки и – пока не стемнеет... А потом набивалось в хату много народу, появлялась гитара со всеми вытекающими последствиями: часов до двух ночи пение, общение. А Эдик Кеосаян Володю пару раз чуть не выгнал. Поскольку мы ежедневно ложились спать в 2–3 ночи, а в 5 уже вставали, то, естественно, на лице артиста и на его самочувствии это отражается. И Эдик был страшно недоволен, скандалил, грозился отправить Володю в Москву...»

Сам Высоцкий о тех съемках тоже отзывался нелицеприятно: «Ничего, кроме питья, в Краснодаре интересного не было, стало быть, про этот период – все».

Высоцкий был на съемках в «Стряпухе», когда в Москве открылся 4-й Международный кинофестиваль. На него в числе многочисленных гостей была приглашена и Марина Влади. В Москву она приехала не одна, а со своим тогдашним мужем, бывшим летчиком, а теперь владельцем аэропорта в Гонконге. **8 июля** они посетили Большой театр, где в тот вечер шел спектакль «Дон Кихот» с Марисом Лиепой в главной роли (это был его дебют в этой роли).

Между тем во время одного из перерывов в съемках Высоцкий слетал в Москву, где **25 июля** сходил-таки в ЗАГС и узаконил свои отношения с Людмилой Абрамовой. Тогда же они с женой снялись на телевидении в фильме «Картина», где Высоцкому досталась роль молодого художника, а Абрамовой – роль его возлюбленной. По словам самой актрисы, их первая и последняя телевизионная попытка закончилась провалом, и все это действо она образно назвала «кошкин навоз».

В начале сентября Таганка открывает очередной сезон. Высоцкому вновь приходится разрываться на несколько фронтов: играть в театре и летать на съемки двух фильмов. Так, в начале сентября он летит в Ружаны, где снимают «Я родом из детства» (съемки там начались **30 августа**). Вспоминает А. Грибова: «Костюмерная находилась на месте съемок, а основная группа жила в Слониме. И вот приезжает туда со съемок „Стряпухи“ Высоцкий и привозит огромную бутылку вина „Каберне“. Они ее там распили, а потом, видно, Княжинский вспомнил, что я в Ружанах. И вот с остатками этого вина, на военном джипе Руднев, Туров и Сивицкий поехали к нам... Я спросила: „А где Высоцкий?“ А его, говорят, пришлось оставить...»

Утром они стали чинить джип, чуть не сорвали съемку (снимали эпизод, где люди смотрят в клубе фильм «Чапаев». – Ф.Р.). Потом привезли Высоцкого, а он на ногах не стоит. Сивицкий его держал, а мы с Клавдией Тарасовной надевали на него съемочный костюм. Со съемок Высоцкого привозят назад в автобусе в том же виде. Раздевали уже Сивицкий и Клавдия Тарасовна, а Володя при этом очень дергался. И как стукнет головой в челюсть Клавдии Тарасовне. А она закричала: «У меня зубы золотые. У тебя денег нет их вставить, если выбьешь». В этот день Володя, видимо, не снялся. Эпизод в клубе, наверное, переснимали в другой раз, там были большие съемки...»

Вспоминает Б. Сивицкий: «В первый же день, вечером, была сделана запись песен Высоцкого для картины. Кстати, песня «**В холода, в холода...**» была написана утром – после того, как мы распили «Каберне». Мы с Высоцким спали в одном номере. Утром он попросил у меня листок бумаги, куда переписал текст песни. Лист пришлось вырвать из рабочей тетради тренера. Тут же Володя взял гитару и исполнил эту песню. Спросил: «Пойдет?» – и отнес Турову.

Вернемся к истории записи песен в Ружанах. Там был деревянный клуб с необычной акустикой, где и была сделана запись песен Высоцкого на профессиональной аппаратуре. На записи присутствовали Туров, Княжинский и еще несколько человек, записывал звукооператор Бакк... Разговоров во время записи не было, так как в клубе был сильный резонанс. Володя пел тогда все подряд без заказов. После записи, когда мы вышли из клуба, нас обступили ветераны: «Как? Что? Почему нас не пригласили?» Чтобы избежать разговоров, Туров

поскорее посадил нас в машину, и мы уехали в Слоним. Закончился этот день обильным возлиянием молдавского вина «Алб де Маса» и проводами Высоцкого на поезд. Он все кричал, что у него запись на телевидении и ему непременно надо быть в Первопрестольной...»

В Москве Высоцкого застали дурные вести: он узнал, что **8 сентября** КГБ арестовал его бывшего преподавателя по Школе-студии Андрея Синявского (четыре дня спустя по этому же делу был арестован еще один фигурант – Юлий Даниэль). Более того: во время обыска на его квартире были обнаружены магнитофонные кассеты с записями Высоцкого. И хотя особых претензий чекисты к автору песен не предъявили, однако поволноваться все равно пришлось. На почве этих волнений Высоцкий вновь срывается и подводит театр – вместе с артистом Таганки Кошманом они не приходят на спектакль. **3 октября** местком обсуждает их безобразное поведение и выносит им «строгача». Кошман вроде одумался, а вот Высоцкий нет: спустя несколько дней он самовольно покидает Москву и уезжает на съемки: сначала в «Стряпуху», которая снимается уже в селе Красногвардейское, а потом в Гродно, в «Я родом из детства». О съемках в последнем вспоминают очевидцы.

Р. Шаталова: «Остался в памяти Володин приезд в начале октября на съемки в Гродно. Встречаем его на перроне и предлагаем ехать прямо на съемочную площадку. Съемка уже идет, сцена большая – нужно успеть снять до наступления темноты. Все это быстро выкладываем ему. Но Володя взмолился: „Братцы, мне нужно часа два поспать. Ехал в купе с военными – всю ночь пели и пили“. Мы мягко напираем: „Володечка, как же так, мы же по телефону говорили, что будет напряженка. Актрисе Добронравовой надо уезжать в Ленинград на спектакль“. А он с юморком: „Девчонки, вы со мной не очень-то... Я в Москве теперь знаменитый“. Пришлось отвезти его в гостиницу „Неман“. Через пару часов идем в номер будить, захватив еду и игровой костюм. Заходим к нему и видим: Володя лежит одетый на кровати, ноги на приставленном стуле, руки скрещены на груди. Подумалось, что солдат прикорнул перед боем.

В Гродно Володя приехал легко одетый, в одной рубашке, говорил, что прямо со спектакля на поезд. А на следующий день резко похолодало. Володю одели в съемочный реквизит. Есть фотографии, где Высоцкий одет в кофту Княжинского или в съемочную куртку. А как только Володя увидел на мне свитер, который я связала для брата, тут же стал упрашивать продать ему: «А с братом, мол, в Минске сочтемся». – «Хорошо, говорю, только гони 10 рублей за нитки». Через некоторое время смотрю журнал «Театр» со снимком Высоцкого в роли Гамлета. Высоцкий там в черном свитере ручной вязки, похожем на мой...»

А. Грибова: «В Гродно были очень хорошие съемки (шли с **22 сентября по 28 октября**). Снимали серьезную сцену на вокзале, и Володя нервничал. Но сняли хорошо. Под конец съемки Высоцкого «загрузили» немножечко. Вечером Володя пришел в ресторан в военном костюме – он его «обживал» и ходил в нем постоянно, то есть как был на съемочной площадке, так и пришел. Он присел в ресторане за наш столик – я была с Ларисой Фадеевой. Ожидая свой заказ, Володя вдруг стал снимать с себя грим, то есть шрам на лице. Это было ужасно, так как в этот день мы все были на нервах после трудной съемки. Короче, я вспылила и убежала, бросив обед. Володя расстроился еще больше. Утром пришел извиняться. А он был легкоранним, особенно в тот период.

В Гродно случилась интересная история с сапогами. У меня из реквизита была одна пара сапог на троих актеров: Ташкова, Высоцкого и еще кого-то. Они все снимались в разных эпизодах, поэтому их хватало. После съемки Володя уехал навеселе в гостиницу «Неман». Утром привозят его на съемку, а он в гимнастерке и босой... Я ему говорю: «Где сапоги?» А он: «Не знаю...» – «Убью. Здесь, на месте». Съемка срывается. Сорокового размера больше нет. Я вся в слезах. Кто-то из ребят хватается машину и едет к нему в номер. Высоцкий в этот момент сидит в гриме. Сапоги находят на антресолях – он умудрился их туда зашвырнуть.

Привозят их, а он: «Надо же, оказывается, я был в сапогах». Позже Ташков эти сапоги прорубил, когда снимали рубку дров в Ялте...»

По возвращении Высоцкого в Москву, **15 октября**, собирается новое собрание, где вопрос уже ставится ребром: выгнать Высоцкого из театра. Высоцкий клятвенно обещает исправиться и даже заявляет, что готов лечь в больницу на лечение, но только после того, как сыграет **18 ноября** премьеру «Павших и живых» и уладит еще ряд важных дел.

7 ноября Высоцкий дал очередной домашний концерт – у Л. Седова. Собравшиеся там гости стали слушателями следующих песен: «Песня снайпера», «Мой друг уехал в Магадан», «Мой сосед объездил весь Союз», «За тех, кто в МУРе», «Солдаты группы „Центр“», «Сыт я по горло», «Песня про попутчика» и др.

На следующий день Высоцкий отправился в Смоленск на съемки «Я родом из детства» (они проходили там **2—19 ноября**). Вспоминает Р. Шаталова: «Когда в ноябре мы переехали для съемок в Смоленск, то нам под известность Высоцкого ничего не стоило собрать массовку в шесть тысяч человек. Просто по радио объявили, что в массовках участвует Владимир Высоцкий. Хотя, пожалуй, людей было гораздо больше, их невозможно было посчитать при таком скоплении. И это несмотря на холодную промозглую погоду.

На съемках случился такой казус. Приезжаем мы на берег Днепра, чтобы снять сцену казни полицаев. Массовка громадная, подготовка к съемкам затянулась... Володя забрался в тонваген, чтобы согреться, и там уснул. А мы в суматохе не заметили, что его нет на площадке... Через некоторое время спохватились, что на общем плане, который снимали, Володи нет. Признаемся в этом Турову. А он: «Ладно, поднимем на крупном плане». Володя проснулся и видит, что идет съемка. И он, как бы заглаживая вину, стал активно помогать ассистентам разводить массовку...»

Вернувшись со съемок, Высоцкий **18 ноября**, сразу после премьеры «Павших и живых», не оставшись на банкет, отправился в соловьевскую больницу.

Надо сказать, что алкоголиком себя Высоцкий тогда не считал и на все просьбы родных и друзей всерьез взяться за свое здоровье отвечал: «Не ваше дело». Когда его старый приятель Артур Макаров в сердцах бросил ему фразу «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку собирать», Высоцкий на него здорово обиделся и какое-то время даже не общался. Вспоминая запой мужа, Л. Абрамова рассказывает: «Исчезал... Иногда на два дня, иногда на три... Я как-то внутренне чувствовала его жизненный ритм... Чувствовала даже, когда он начинает обратный путь. Бывало так, что я шла открывать дверь, когда он только начинал подниматься по лестнице. К окну подходила, когда он шел по противоположной стороне улицы. Он возвращался. А когда Володя пропадал, то первое, что я всегда боялась, – попал под машину, в пьяной драке налетел на чей-то нож...»

Однако в ноябре 65-го сложилась такая ситуация, что Высоцкий был поставлен перед дилеммой: либо пьянство, либо – Таганка. И вот тут он по-настоящему испугался и выбрал последнюю. Лечащим врачом Высоцкого в «Соловьевке» был известный ныне врач-психиатр Михаил Буянов. О том времени его рассказ: «**В ноябре 1965 года** я проходил аспирантуру на кафедре психиатрии Второго московского мединститута имени Пирогова: однажды меня вызвал Василий Дмитриевич Денисов – главный врач психбольницы № 8 имени Соловьева, на базе которой находилась кафедра:

– В больницу поступил какой-то актер из Театра на Таганке. У него, говорят, большое будущее, но он тяжелый пьяница. Дирекция заставила его лечь на лечение, но, пока он у нас, срывается спектакль «Павшие и живые», премьеры которого на днях должна состояться. Вот и попросил директор театра отпускать актера вечерами на спектакль, но при условии, чтобы кто-то из врачей его увозил и привозил. Мой выбор пал на вас... Не отказывайтесь, говорят, актер очень талантливый, но за ним глаз да глаз нужен. И райком за него просит...

Все прежние врачи шли у него на поводу, пусть хоть один врач поставит его на место.

И направился я в отделение, где лежал этот актер. Фамилия его была Высоцкий, о нем я прежде никогда не слышал.

В отделении уже знали о моей миссии. Заведующая – Вера Феодосьевна Народницкая – посоветовала быть с пациентом поосторожнее:

– Высоцкий – отпетый пьяница, такие способны на все. Он уже сколотил группку алкоголиков, рассказывает им всякие байки, старается добыть водку. Одной нянечке дал деньги, чтобы она незаметно принесла ему водки. Персонал у нас дисциплинированный, нянечка мне все рассказала, теперь пару дней Высоцкий напрасно прождет, а потом выяснит, в чем дело, и примется других уговаривать. Он постоянно путает больницу, кабак и театр.

– Так он просто пьяница или больной хроническим алкоголизмом?

– Вначале ему ставили психопатию, осложненную бытовым пьянством, но вскоре сменили диагноз на хронический алкоголизм. Он настоящий, много лет назад сформировавшийся хронический алкоголик, – вступила в разговор лечащий врач Алла Вениаминовна Мешенджинова, – со всем набором признаков этой болезни, причем признаков самых неблагоприятных. И окружение у него соответствующее: сплошная пьянь.

– Неужто домашние не видят, что он летит в пропасть?

– Плевал он на домашних. Ему всего лишь 27 лет, а психика истаскана, как у сорокалетнего пьяницы. А вот и он, – врач прервалась на полуслове.

Санитар ввел в ординаторскую Высоцкого. Несколько лукавое, задиристое лицо, небольшой рост, плотное телосложение. Отвечает с вызовом, иногда раздраженно. На свое пьянство смотрит, как на шалость, мелкую забаву, недостойную внимания занятых людей. Все алкоголики обычно приуменьшают дозу принятого алкоголя – Высоцкий и тут ничем не отличается от других пьяниц.

– Как вы знаете, Владимир Семенович, в вашем театре готовится премьера. По настоятельной просьбе директора – Николая Лукьяновича Дупака – наш сотрудник будет возить вас на спектакли. Только прошу вас без глупостей.

– Разве я маленький, чтобы меня под конвоем возить?

– Так надо.

На следующий день мы с Высоцким отправились на спектакль – и так продолжалось около двух месяцев.

Когда повез его в первый раз, я настолько увлекся спектаклем, что прозевал, как Высоцкий напился. Потом я стал бдительнее и ходил за ним как тень... Когда мне стало надоедать постоянно контролировать его, я выработал у него в гипнозе (как всякий алкоголик, он очень податлив к внушению) рефлекс на меня: в моем присутствии у него подавлялось желание пить. Когда Высоцкого выписали из больницы, меня какое-то время приглашали на всевозможные банкеты, на которых он должен был присутствовать, ибо в моем обществе Высоцкий не пил вообще. Затем рефлекс, более не подкреплявшийся, сам по себе угас...»

Пребывание Высоцкого в «Соловьевке», да еще в одной палате с буйными психически больными людьми, принесли ему мало приятных впечатлений. Зато подвигли его на написание нескольких песен, ставших вскоре знаменитыми.

Сказал себе я: брось писать,
Но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате – косятся,
не сплю: боюсь – набросятся, —
ведь рядом психи тихие, неизлечимые...

Выписался из больницы Высоцкий в самом начале декабря. И сразу вышел на сцену Таганки в спектакле «Антимиры» (**5 декабря**). Затем он слетал в Ялту, где продолжались съемки фильма «Я родом из детства». Вспоминает А. Грибова: «В Ялте произошел интересный эпизод. Володя приехал туда без гитары. Съемки в тот день не было. Я пришла в гримерную, где сидели Туров, Княжинский, Высоцкий и гример. Ассистенты привели откуда-то мальчика лет 18 с гитарой. Ну не отберешь же. Дали ему попеть. „Ну, а Высоцкого ты знаешь?“ „Да“, – говорит. Все слушают очень серьезно, а Володя сидит, опустив глаза. Мальчик спел. Высоцкий протягивает руку: „Дай, – говорит, – я попробую“. Короче, мальчику стало очень неудобно...»

Вернувшись, он узнал неожиданную новость: ведущий актер Таганки Николай Губенко ушел из театра, чтобы учиться во ВГИКе на режиссера. И все его крупные роли тут же перешли к Высоцкому: Керенский в «Десяти днях, которые потрясли мир» и Чаплин и Гитлер в «Павших и живых».

В том же декабре Высоцкого пригласили приехать в Куйбышев и выступить там на местном телевидении с несколькими песнями. Предложение было архизаманчивым, но он отказался. Как объяснил он сам И. Кохановскому в одном из тогдашних писем: «Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев, на телевидение, как барда, менестреля. Не поехал. Что я им спою? Разве только про подводную лодку. Новое пока не сочиняется...»

25 декабря Высоцкий пишет письмо в Магадан своему другу Игорю Кохановскому. В нем он сообщает: «Помнишь, у меня был такой педагог – Синявский Андрей Донатович? С бородой, у него еще жена Маша. Так вот уже четыре месяца, как разговорами о нем живет вся Москва и вся заграница. Это – событие номер один... При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще – с рассказами и так далее. Пока никаких репрессий не последовало, и слежки за собой не замечаю, хотя – надежды не теряю».

1966

Год начался с приятного события: **4 января** Высоцкий был приглашен дать концерт в Институт русского языка. Зал был полон, и сотрудники института слушали гостя затаив дыхание. Вспоминает О. Ширяева: «...Кофе для Володи налили в высокую и неустойчивую чашку. Он ее нечаянно опрокинул и залил новую и очень светлую шерстяную рубашку. Страшно огорчился: как же он будет выступать в таком виде. Пришлось петь в пиджаке, хотя в зале было жарко и душно, потому что народу набилось, как сельдей в бочку. А форточки мы вынуждены были закрыть, чтобы не мешал шум от троллейбусов и прочего транспорта.

Это был первый сольный и чисто песенный вечер Высоцкого, на котором мы присутствовали. Он сопровождал песни комментариями, разъяснениями и отвечал на вопросы. Исполнил «**Песню завистника**», «**В госпитале**», «**Песню про Сережку Фомина**», «**Все ушли на фронт**», «**Штрафные батальоны**», «**Письмо рабочих тамбовского завода**», «**Песню об очень сознательных жуликах**» и многое другое. Принимали с энтузиазмом.

Вернулись в комнату. Володя снял пиджак. Рубашка была почти насквозь мокрая, хоть выжимай. Мы решили не выпускать его, пока он не «остынет», но Володя и сам не хотел простудиться. Володя сказал, что обстановка, конечно, нервная. Кто-то отметил, что в зале был секретарь парторганизации. Но Высоцкий возразил, что секретари тоже разные бывают. И добавил, что, разумеется, не все можно петь, но ему страшно понравилось, как реагировал на песни и закрывался рукой один мужчина.

Потом Володя рассказал, что сейчас пишет большой цикл, около пятидесяти песен, о профессиях, там есть про химиков, про физиков... Мама сказала:

- Мы про физиков знаем.
- Ну это вы не мою знаете.
- Нет, вашу, – и мама процитировала строчку, а он ужасно удивился:
- Откуда вы знаете?
- А мы все знаем.

Тогда Володя предложил спеть нам «черновик» новой песни «**У меня запой от одиночества**». Песня – просто блеск, и все мы были страшно горды, что нам оказана честь быть первыми слушателями.

Часы показывали половину двенадцатого, а Володе надо было успеть еще в одно место. Мы пошли провожать его до дверей. Меня поразило, что Володя прощался со всеми, кого встречал в коридоре...»

19 января Высоцкий дал сразу два концерта: сначала в ДК МГУ на Ленинских горах, затем на химическом факультете МГУ. Спел 13 песен: «**Тропы еще в антимир не протоптаны...**», «**Наш Федя**», «**Братские могилы**», «**Штрафные батальоны**», «**Вот раньше жисть...**», «**За меня невеста...**», «**Мой сосед объездил весь Союз...**», «**Нейтральная полоса**», «**У тебя глаза – как нож**», «**В Пекине очень мрачная погода**», «**Солдаты группы „Центр“**», «**Собрались десять ворчунов**», «**На Перовском на базаре**».

После этих выступлений с концертами пришлось временно завязать. Почему? Дело в том, что в **феврале** состоялся суд над арестованными в сентябре 65-го писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Синявского осудили на 7 лет лагерей, Даниэля – на 5. Как мы помним, Высоцкий оказался замешан в это дело косвенно: у Синявского нашли записи его песен. Поэтому «сверху» была спущена негласная директива: «Высоцкого – прижать!» В итоге за весь 1966 год он не даст и десятка публичных концертов и в марте, в беседе с О. Ширяевой, опасливо будет вопрошать: «А твои знакомые не отнесут мои записи кой-куда? Меня сейчас поприжали с песнями».

6 марта в компании своих коллег по театру Высоцкий отрабатывал обязовку – давал концерт в одном из столичных ЖЭКов. Народу в красном уголке было много, но большинство составляли пенсионеры, которым песни Высоцкого были до лампочки. Высоцкий даже назвал все происходящее «позором». Но честно отработал свой номер, хотя плохо себя чувствовал. А вечером он вышел на сцену «Таганки» в спектакле «Павшие и живые».

Днем **8 марта** на «Таганке» показали «Антимиры», после чего труппа устроила банкет по случаю Международного женского дня. По каким-то причинам Высоцкий на него не остался.

В том же **марте** композитор Микаэл Таривердиев обратился к Высоцкому с просьбой написать песню к спектаклю для дипломного спектакля ГИТИСа «Кто ты?», который ставил курс под руководством Б. Покровского. Высоцкому была задана тема о доме, старом доме, и он достаточно быстро написал «Песню о старом доме» («Стоял тот дом всем жителям знакомый, его еще Наполеон застал...»). Эту же песню Высоцкий тем же летом отдаст и в картину «Саша-Сашенька», о чем речь еще пойдет впереди.

5 апреля Высоцкий в компании еще нескольких бардов (Кукин, Клячкин, Анчаров, Городницкий) отправился выступать в Политехнический музей. Высоцким были исполнены следующие песни: «**Братские могилы**», «**Десять тысяч и всего один забег...**», «**Нейтральная полоса**», «**Солдаты группы „Центр“**», «**Бал-маскарад**».

7 апреля Высоцкий участвовал в сотом представлении «Десяти дней, которые потрясли мир». Далее полистаем дневник Ольги Ширяевой:

«**11 апреля.** К десяти утра в театр приехал Любимов, а в начале одиннадцатого, захавшись, с книгами под мышкой – В. В. (далее просто – Высоцкий). Видимо, была репетиция «Галилея».

12 апреля. После репетиции около трех дня видела Высоцкого, уехавшего на маршрутке в сторону площади Пушкина.

13 апреля. В свой выходной все репетировали, потом решили, что терять нечего, и дали ночные «Антимиры» (22.00).

15 апреля. Впервые после ххiii съезда пошли «Павшие...» (На время съезда спектакль играть запретили. – Ф. Р.).

16 апреля. Днем из театра вышли Смехов, Высоцкий в своем пиджаке «букле» и красном галстуке (!), Золотухин, Славина и др. С ними общался Таривердиев (он в те дни писал музыку к фильму «Саша-Сашенька», а Высоцкий был автором слов к песням и играл эпизодическую роль. – Ф. Р.). Одна гитара на всех. Поймали машину и поехали (Таривердиев остался)...»

В эти же дни Высоцкий съездил в Минск, где заканчивалась работа над фильмом «Я родом из детства» – шли последние павильонные съемки. Именно там, в перерывах между работой, Высоцкий написал «**Песню о сентиментальном боксере**». Вспоминают В. Шакало и А. Линкевич: «Высоцкий уселся в стороне от других участников съемки и начал что-то быстро записывать на развороте обложки книги.

Вдруг раздался голос режиссера: «Высоцкий, на площадку!»

Володя тут же поднимается, оставляя книгу на стуле. Начинаются пересъемки сцены встречи с Ниной Ургант. Кто-то из оставшихся незадействованным в съемке эпизода актеров присел на освободившийся стул, а книгу передал одному из находившихся рядом знакомых. Друзья решили таким образом подшутить над Высоцким и заодно проверить его реакцию на исчезновение книги.

Возвращается радостный Высоцкий. Съемка получилась. На сегодня он свободен, можно будет покинуть душный павильон студии и отдохнуть. Первый вопрос к тому, кто сидит на стуле: «Где моя книга?» Тот молчит. Молчат и все остальные... Вид у Высоцкого

был такой, как будто он хотел убить того, кто признается... Молчание становилось тягостным. Владимир еще раз обвел всех взглядом, что-то буркнул и выскочил из павильона...

Сегодня благодаря этому нелепому розыгрышу мы имеем автограф Владимира Семеновича Высоцкого с черновыми набросками первого и второго вариантов известной «Песни о сентиментальном боксере». На наш взгляд, она является как бы переломной точкой между ранним и средним периодами творчества Владимира Высоцкого. Она открывает целую серию песен спортивного, фантастического и сказочного циклов...

Между тем в родном театре дела Высоцкого складываются успешно: он был введен еще на одну роль вместо Николая Губенко – Галилей в спектакле «Жизнь Галилея» по Б. Брехту. Эта роль станет для Высоцкого судьбоносной. Премьера спектакля состоялась **17 мая** и доказала всем – в лице Высоцкого Таганка заимела актера с большой буквы. Вот почему, когда в те майские дни Губенко изъявил желание вернуться в театр и попросил вернуть ему роль Галилея, ему отказали – Высоцкий играл ее не хуже. Как пишет Л. Абрамова: «Сердце будущим живет! И ведь что замечательно – каждый раз именно так и получалось. 1962-й, 1963-й, 1964-й, 1965-й бегом, бегом, закусив губу, точно по длинной лестнице вверх – и оно наступило: долгожданное, обетованное утро зимнее! Все плохое осталось позади: не забытое, не вычеркнутое, но пройденное, пережитое...

Володя сыграл Галилея. Все предыдущие роли в Таганке были хороши – и сами по себе, и еще как обещание Настоящей роли. Вершины. Он рубил ступени. Чтобы выйти на эту вершину, кроме актерского труда нужно было преодолевать еще один очень крутой подъем, оставить позади очень страшную трещину – надо было перестать пить. В этом преодолении сложилось многое – Володино усилие воли, помощь врачей, вера и желание близких. Больше всего, наверное, – требовательная любовь Юрия Петровича Любимова: Володя совершил свое восхождение не в одиночку, это было восхождение любимовского театра».

Та же констатация восхождения Владимира Высоцкого на вершину успеха и в словах В. Смехова: «Жизнь Галилея» – лучшая пьеса Бертольда Брехта. Исполнив роль великого ученого, Владимир Высоцкий получил очень много: и дипломы театральных конкурсов, и бодрый скепсис коллег из других театров, и глубокий анализ своего труда в печати – известными театроведами, и, видимо, внутреннее право, путевку на роль Гамлета».

Премьера «Галилея» позволила Владимиру Высоцкому сделать свой первый серьезный шаг к широкой актерской известности. Ведь вплоть до этого года его имя мало чем выделялось среди других актеров Таганки, где истинными лидерами были Зинаида Славина, Николай Губенко и Валерий Золотухин. Теперь в этот ряд был вписан и Владимир Высоцкий.

21 мая Высоцкий объявился у кинотеатра «Иллюзион», пытаясь попасть на ретроспективу фильмов Анджее Вайды. Однако билетов в кассах уже не было, и Высоцкий, наверное, битый час стоял у входа, стреляя лишний билетик.

23 мая Высоцкий играл в «Галилее», на следующий день – в «Павших и живых».

Тем временем на Одесской киностудии готовится к постановке фильм, с которым у Высоцкого тоже связана своя отдельная история. Имя ему – «**Вертикаль**». Фильм этот первоначально должны были снимать два выпускника режиссерских курсов Н. Рашеев и Э. Мартиросян. Но они решили пойти самым нетрадиционным путем – фильм про альпинистов надумали снимать... на Красной площади. По их задумке это должен был быть фарс, в котором альпинистам предстояло штурмовать не какую-то там вершину, а Спасскую башню Кремля. У ленты и название было соответствующее – «Мы – идиоты». Видимо, на студии поняли это название буквально и обоих начинающих режиссеров от работы отстранили. В итоге фильм доверили снимать режиссерам с традиционными взглядами – Станиславу Говорухину и Борису Дурову.

Между тем сценарий фильма был откровенно слабым, но, поскольку принадлежал перу одного из чиновников Госкино, был обречен на постановку. А Говорухин с Дуровым

взялись за него только потому, что задумали в качестве палочки-выручалочки использовать популярные альпинистские песни. А их в те годы лучше всех писал Юрий Визбор. Вот к нему в конце мая и отправился Борис Дуров. Но Визбор, прочитав сценарий, работать отказался. При этом и Дурову посоветовал «лечь с проекта». Но тот советом пренебрег и отправился в картотеку «Мосфильма» – искать подходящих актеров на роли. Далее послушаем его собственный рассказ: «Я добрался до ящика Театр на Таганке, до буквы „В“. Читаю – Владимир Семенович Высоцкий. Всматриваюсь в фото. Спрашиваю у хозяйки комнаты:

– Ольга Владимировна, это не тот Высоцкий, который песни пишет?

– Тот, тот! – вдруг как-то всполошилась женщина. – И не думайте его брать! Он нам недавно съемку сорвал! Алкоголик!

Через несколько дней, договорившись с актерами о пробах, я вернулся в Одессу и рассказал Говорухину о насторожившем меня разговоре на «Мосфильме». Слава тогда тоже не был знаком с Володей. Решили вызвать, поговорить.

И вот Высоцкий в Одессе. Сидим на лавочке во внутреннем дворе. В руках у Володи гитара. Одну за другой он поет свои песни. Рельефно выступают вены на шее, совершенно очевидно, что он отдается каждой песне до конца. Мы переглядываемся с Говорухиным, понимая в этот момент друг друга без слов: «Он! Он! Только он будет писать песни для нашего фильма!». Это так радостно, но впереди неприятный разговор, который сейчас кажется просто бестактным. Но снимать нам в горах, где каждый неверный шаг может быть последним. Я все рассказываю. Володя мрачнеет, потом говорит: «Это правда. Но на вашей картине этого не будет, даю слово. Она мне очень нужна. Это будет первый фильм, где зритель впервые увидит и услышит меня...»

К слову, в том же мае на «Мосфильме» режиссер Михаил Швейцер готовился к съемкам «Золотого тельца» и искал исполнителя на роль Остапа Бендера. По рассказам некоторых очевидцев, кто-то предлагал ему попробовать Высоцкого. Но Швейцер заявил: «Для Остапа Бендера Высоцкий слишком драматичен... не только как актер, как человек – драматичен». В итоге в июне на эту роль будет утвержден Сергей Юрский.

Между тем **в самом конце мая** Высоцкий отправляется в Ригу, чтобы подписать договор с тамошней киностудией по поводу его участия в фильме «**Последний жулик**» (договор утвержден **2 июня**). Именно в те дни с Высоцким случилась одна криминальная история, которая едва не поставила крест на его карьере. Дело было так.

В Риге тогда объявился сексуальный маньяк, который нападал на девочек от 5 до 15 лет. По словам жертв, это был молодой человек невысокого роста, который любил декламировать стихи. Одно из стихотворений, вернее песен, принадлежало... Владимиру Высоцкому. Оперативники поначалу не придали значения этому обстоятельству, но когда сразу несколько жертв опознали в фотографии Высоцкого своего мучителя, они решили проверить эту версию. И узнали, что Высоцкий аккурат в те самые дни, когда происходили преступления, находился в их краях, в Риге. Тут уж даже у самых отъявленных скептиков сомнения улетучились. Поскольку Высоцкий к тому времени вернулся обратно в Москву, рижские сыщики дали запрос в столицу. Видимо, кто-то из московских милиционеров оказался большим поклонником творчества Высоцкого и предупредил его о грозящих ему неприятностях, посоветовав на время спрятаться. Высоцкий так и поступил: нашел приют дома у своего приятеля Юрия Гладкова. Последний вспоминает: «Володя пришел ко мне и вот здесь, в этой комнате, жил два дня. Я ему сказал: „Сиди здесь и никуда не выходи!“ А в это время мы вместе с Борисом Скориным наводили справки... В конце концов мы узнали, что к Володе это никакого отношения не имеет...»

Позднее именно эта история станет поводом к тому, что в народе распространятся слухи о том, что Высоцкий сидел в тюрьме за изнасилование. Я хорошо это помню: в начале

семидесятых я уже всюду слушал песни Высоцкого, и разговоры о его судимости постоянно курсировали в нашей среде. Но вернемся в год 66-й.

И вновь – строки из дневника О. Ширяевой: «**17 июня**. Днем, после экзамена, в белом фартуке я пришла к театру и неожиданно встретила Высоцкого. Коротко стриженный, помолодевший, впервые никуда не спешащий, в новом ослепительно белом свитере и экстравагантных солнечных очках. Похоже, у него впервые появились деньги.

21 июня. Закрытие сезона «Антимирами» (18.30)...»

23 июня Высоцкий вместе с театром отправляется на гастроли в Тбилиси. Концерт у него там был только один – он спел несколько своих песен, когда вместе с режиссером и группой актеров посетил **4 июля** редакцию газеты «Заря Востока».

В одном из своих писем И. Кохановскому Высоцкий так описывал свои грузинские впечатления: «Васечек, как тут обсчитывают! Точность обсчета невообразимая. Попросишь пересчитать три раза – все равно на счетах до копейки та же невероятная сумма... Вымогать деньги здесь, вероятно, учат в высших учебных заведениях... Так и думаешь: этот – кончил экономический, этот – химический, а этот – просто сука. Больше ничего плохого грузины нам не делают, правда, принимают прекрасно, и вообще народ добрый и веселый...»

А вот как вспоминает о тех же днях супруга Высоцкого Л. Абрамова: «В какой-то мере Тбилиси – это было открытие. Мы поняли, что это город высочайшей культуры. Я не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив... Мы довольно долго ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда-то мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володей думали, что все лучшее из Грузии учится в московских институтах...»

Из Тбилиси труппа отправилась продолжать гастроли в Сухуми. Там впечатления у всех были уже менее радостные – сказывалась усталость. Для Высоцкого поездка туда запомнилась тем, что именно в Сухуми он написал песню «**А люди все роптали и роптали...**». Она родилась под впечатлением похода в ресторан, когда Высоцкого и его жену долго не пускали в зал, мотивируя это тем, что ожидается приезд какой-то важной делегации.

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, уже едят...»

Тем временем в июне в широкий прокат вышел фильм «**Стряпуха**». Поклонники таланта Высоцкого, ломанувшиеся на фильм в надежде увидеть своего кумира во всей красе, были обескуражены: Высоцкий там был на себя не похож.

Из Тбилиси Высоцкий вернулся после **10 июля**. И спустя несколько дней, прихватив жену и двоих сыновей, отправляется в Минск. Вспоминает Б. Сивицкий: «Володя с семьей остановились в гостинице „Минск“. Мы (Туров, Княжинский, Каневский) пришли к нему в гости в номер. На наши просьбы спеть Володя ответил отказом. Отказался он и сесть за стол... Но тут вдруг выяснилось, что надо провожать Люсю на поезд. Володя попросил втихаря, чтобы налили ему выпить и спрятали в ванной. Заскочив туда, Высоцкий тут же расправляет крылья и берется за гитару. Прослушав пару песен, мы поехали на вокзал. Люся с детьми уезжает в Москву. А мы начинаем гулять.

Высоцкий уже был страшно взбудоражен. Когда мы выходили на привокзальную площадь, какой-то мужик наступил Володе на ногу. И Высоцкий, обиженный, бьет того в ухо. А мужик здоровый, ростом под два метра. Мы сбили его с ног. Схватили Володю, впихнули в такси и быстро в гостиницу. Тут Высоцкий разошелся окончательно. Сделал заказ в номер и начал импровизированный концерт. Было лето, и когда мы выглянули в раскрытые окна, то увидели массу людей, сбежавшихся слушать...»

В Минске в те дни режиссер В. Четвериков снимал фильм «Саша-Сашенька», где у Высоцкого была крохотная роль Актера, которая даже в титры не попала. Однако роль была со словами, и Высоцкий даже пел песню «Дорога, дорога». Однако во время тонировки картины роль Высоцкого полностью переозвучит другой актер.

Тем временем съемки «Вертикали» должны были начаться **21 июля** в Приэльбрусье, недалеко от Тырнауза. Киношники приехали туда на несколько дней раньше и поселились в гостинице «Иткол». И буквально в первый же день, во время организационного собрания группы, с Высоцким произошел забавный эпизод, когда было подвергнуто сомнению авторство его песен. Вот как об этом вспоминает консультант фильма по альпинизму Леонид Елисеев: «И вдруг во время собрания радист гостиницы „Иткол“ врубил катушку с ранними песнями Высоцкого, как это вскоре выяснилось. Между нами произошла такая беседа.

– Ну надо же! И здесь мои песни! – сказал Володя.

– Как так?

– Это мои песни. Я их написал.

– Во-первых, это не твои, а народные. А во-вторых, кто поет?

– Я пою, – говорит он.

– Нет, это не ты. Это Рыбников поет. (Николай Рыбников в те годы тоже баловался исполнением блатных песен. – Ф. Р.)

– Ничего подобного! Это не Рыбников, это я пою. И песни это мои.

– А ты что, сидел, что ли? – спрашиваю.

– Нет.

– Ты знаешь, я очень хорошо знаю блатную жизнь, потому что мне в детстве и в юности приходилось много с ними встречаться. И песни эти блатные, и написать их мог только тот, кто очень хорошо знает лагерную и тюремную жизнь.

– Ну а я не сидел.

Поверил я ему, но не до конца. Ну а когда немного позже я увидел, как он написал свои первые альпинистские песни, тут тогда всякие сомнения у меня отпали...»

Между тем песни к «Вертикали» Высоцкому дались совсем непросто. О чем он **12 августа** признается в письме своей супруге: «Режиссеры молодые, из ВГИКа, неопытные режиссеры, но приятные ребята, фамилии режиссеров: Дуров и Говорухин. Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но нужно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается, набираю пары...

Мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно, поэтому и песни не выходят. Это меня удручает. Впрочем, все равно попробую, может, что и получится, а не получится – займем у альпинистов, у них куча дурацких, но лирических песен, переработаю и спою».

Насколько удивительно сегодня читать эти строки, зная, что Высоцкий в конце концов вымучил из себя целую серию прекрасных песен: «**Песня о друге**», «**Вершина**», «**Мерцал закат**», «**В суету городов**», «**Скалолазка**» (последняя в картину не войдет). Даже фирма «Мелодия», расчувствовавшись после их прослушивания, выпустит в свет гибкую пластинку с этими песнями. Это будет первая официальная пластинка Владимира Высоцкого.

Вспоминает Мария Готовцева, которая работала на фильме инструктором по альпинизму: «Мы с киношниками должны были делать зачетное восхождение, чтобы каждому из них выдать значки „Заслуженный альпинист СССР“. Пошли все, кроме Высоцкого. Он тогда сказал: „Ребята, я останусь писать песни, у меня все рождается под впечатлением, и пока это впечатление свежее, я должен работать“. Нас не было неделю, и за это время Высоцкий написал все песни, которые впоследствии вошли в картину...

Однажды случился забавный розыгрыш. Съёмочная группа уже жила в гостинице, Станислав Говорухин уехал куда-то по делам, а когда вернулся, то первым делом зашел в номер к Высоцкому и никого там не обнаружил. Зато увидел на кровати какие-то исписанные листки, глянул и прочел слова только что написанной песни: «Мерцал закат, как блеск клинка...» Перечитав текст два раза, Говорухин запомнил его наизусть. Он спустился в холл гостиницы и увидел Высоцкого, который сидел с гитарой в окружении нескольких актеров. Не успели поздороваться, как Высоцкий похвастался, что написал великолепную песню для фильма и готов ее исполнить. Ударил по струнам и запел: «Мерцал закат, как блеск клинка...» Говорухин тут же шумно его прервал:

– Да ты что, Володя! Ты шутишь... Это же известная песня, ее все альпинисты знают... Вот припев:

Оставить разговоры,
Вперед и вверх, а там,
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.

Высоцкий совсем растерялся и решил, что он, наверное, эту песню когда-нибудь в детстве слышал и она у него в подсознании осталась. Говорухин начал поддакивать, но у Володи был такой расстроенный и озадаченный вид, что тот не выдержал и расхохотался...

Вспоминает Б. Дуров: «Прошло какое-то время, и Высоцкий сказал нам, что написал несколько песен для фильма. Мы решили опробовать их на зрителях... Собрались вокруг костра в альплагере. Многие слушали Высоцкого впервые. Как только он запел, наступила мертвая тишина, и так было, пока он не отложил в сторону гитару. Я сидел рядом с мастером спорта по альпинизму Димой Черешкиным. Он шепотом спросил у меня:

– Я не встречал Володю на Кавказе. Он что, Памир больше любит?

– Он только две недели здесь. Раньше в горах не был, – усмехнулся я.

– Не может быть, – не поверил Дима. – За две недели все о нас понять нельзя. Альпинизм – штука тонкая.

– А талант, – начал было я, но Дима перебил меня:

– Хочешь сказать, что талант может?

– Именно так...»

Жесткий режим работы и, главное, слово, которое Высоцкий дал режиссерам, не позволяли ему сорваться в очередное «пике». Как вспоминает Лариса Лужина, игравшая в «Вертикали» медсестру Ларису: «На „Вертикали“ мы страшно боялись, как бы Володя не сорвался. Нас еще Говорухин страшил каждый день: „Смотрите, не давайте ему ни капли, наблюдайте во все глаза, чтобы никто ему рюмки не поднес! Иначе будет сорвана съемка. И вообще – опасно в горах: щели, камнепады, пропадет человек ни за грош!“ Мы и следили с трепетом в душе... Но он в то время вообще не брал в рот спиртного, а потом были еще два года полной трезвости...»

Однажды произошел такой случай. Внизу, на первом этаже гостиницы «Иткол», был бар для спортсменов. Кто-то принес дичь, и повар зажарил ее для нас. Володя был тамадой, он с интересом наблюдал, как мы пили и шумели, вел наше застолье, но сам – ни-ни. И вдруг срывается из-за стола, бежит к стойке, бармен наливает ему полный стакан водки, Володя выпивает его и с бутылкой в руках исчезает в своем номере. Мы обреченно последовали за ним. Входим. И что же? Рядом с ним стоит бутылка, а он хохочет: «Там вода! А здорово мы с барменом вас разыграли, правда?» Все вздохнули с облегчением...

К слову, именно Лужина вдохновила Высоцкого на написание песни **«Она была в Париже»**. А другую свою вещь – **«Скалолазка»** – Высоцкий посвятил Марии Готовцевой.

Последняя вспоминает: «С Володей во время съемок я общалась немного, он в основном тянулся к Толе Сысоеву. У Высоцкого с Толей были какие-то свои мужские взаимоотношения, они часто ходили на почту, откуда Высоцкий посылал письма жене. Вот в одну из таких вылазок он и сказал Толе, что „Скалолазка“ – для меня. Я сама и подумать об этом не могла – ну мало ли в горах скалолазок! Может, он это Лужиной написал или Кошелевой. А Сысоев уже потом мне сказал...»

21 августа, когда Высоцкий был на съемках «Вертикали», в популярной воскресной радиопередаче «С добрым утром!» прозвучала его песня из фильма «Я родом из детства» «**Братские могилы**». Правда, в исполнении... Марка Бернеса.

8 сентября Таганка открыла очередной сезон спектаклем «Десять дней, которые потрясли мир». На этот раз Керенского играл вернувшийся в театр Николай Губенко, а Высоцкий был матросом. Пять дней спустя Высоцкий играл Галилея. **19 сентября** состоялся еще один «Галилей», а на следующий день – «Павшие и живые», где Высоцкий играл Чаплина и Гитлера вместо Губенко. Играл с высокой температурой. Спектакль безжалостно порезан цензурой. Как пишет О. Ширяева: «Первый в новом сезоне прогон переработанных (в который раз!) „Павших и живых“. В окне театра, где вывешивают афиши сегодняшнего спектакля, пусто. В фойе висит программа, одна на всех. Сразу видим, что новеллы о Казакевиче нет!..»

«Дело о побеге» вырезали. Всю и навсегда. У Высоцкого там была очень интересная, хотя и небольшая роль чиновника из особого отдела. Зло так сыгранная. Он все время ревностно занимался доносами на Казакевича, он во всех его поступках пытался выискать что-нибудь предосудительное, преступное... Рассказывали, как перед закрытием сезона в театр прислали инструкторшу, чтобы она провела политинформацию. А она вместо этого два часа ругала театр и «Павших и живых». Кричала: «При чем здесь 37-й год? Когда вы говорите о войне? А Высоцкий? Кого играет Высоцкий? У нас нет и не было таких людей!»

Той осенью Высоцкому пришлось разрываться уже не на два, а на целых три фронта: он играл в театре, снимался в «Вертикали», а также в фильме той же Одесской киностудии «Короткие встречи» (режиссер Кира Муратова) (в театре ему разрешили уделять съемкам два дня в неделю). На последний фильм он был утвержден в самый последний момент. Первоначально главного героя – Максима – должен был сыграть Станислав Любшин. Но он в те дни получил куда более заманчивое предложение от Владимира Басова сыграть роль советского разведчика в эпопее «Щит и меч» и от «Встреч» отказался. И тогда на горизонте у Муратовой возник Высоцкий.

Съемки «Встреч» начались **14 сентября** в селе Красные окна под Одессой (снимали эпизоды «в чайной», «дорога»), но спустя две недели были приостановлены. Цензоры из Госкино нашли в сценарии массу недостатков и заставили режиссера внести в него правки. В частности, Муратовой было приказано убрать сцены близости Максима и Нади.

А тут еще и на личном фронте все бурлит и плещется. Вот уже несколько месяцев у Высоцкого длится роман с молодой актрисой Татьяной Иваненко, которую он по случаю пристроил в свой театр. Жена Высоцкого про эти «амуры» ведать ничего не ведала. Так ей аукнулся недавний случай на съемках «Вертикали», когда Высоцкий умывался в ручье и потерял обручальное кольцо. Не учел, что рука на холоде сжимается, а вода была снеговая. Пропажи он хватился только в гостинице, но когда вернулся к ручью, ничего уже там не нашел.

7 октября на спектакль Таганки приходил Евгений Евтушенко. После представления очевидцы видели, как он покидал Таганку в обнимку с Высоцким.

13 октября Высоцкий играл в «Десяти днях...» с сильно сорванным где-то голосом.

Днем **16 октября** Высоцкий играл в «Антимирах», на которых присутствовал автор – Андрей Вознесенский. Вечером состоялся «Галилей».

22 октября возобновились съемки «Коротких встреч». На этот раз съемочной площадкой стало село Алтостово, куда Высоцкий вынужден был мотаться то из Москвы, то из Тырнауза, со съемок «Вертикали». Но он ездит безропотно, поскольку работа в обеих лентах его очень радует. Пожалуй, ни на одной из прошлых картин он подобных чувств еще не испытывал.

24 октября Высоцкий играет в «Павших и живых», два дня спустя в них же (сбор от последнего спектакля пошел в фонд постройки памятника павшим в Великой Отечественной войне).

26 октября Высоцкий дает два концерта в столичном ДК строителей, что в Измайлово.

27 октября Высоцкий участвует в первой репетиции нового спектакля «Пугачев», играя в нем роль Хлопуши. На следующий день он уже был в Одессе, на съемках «Коротких встреч». Пробыл там сутки, после чего **29-го** вернулся в Москву, как говорится, с корабля на бал: успел выскочить на сцену Таганки в конце 1-го действия в «Десяти днях...»

4 ноября Высоцкий с группой коллег выступал в Онкологическом институте на Каширке. Причем он должен был всего лишь говорить соединительные реплики между стихами «Антимиров», но коллеги уговорили его порадовать и их, и зрителей – спеть несколько новых песен. Высоцкий спел четыре новинки: «Скалолазку», «Космических негодяев», «Песенку про сентиментального боксера» и «Старый дом».

5 ноября в Театре на Таганке гостил молодой американский актер Дин Рид, который присутствовал на спектакле «Десять дней, которые потрясли мир», показанный для комсомольского актива. В те дни он еще не был тем «борцом за мир и лучшим другом Советского Союза», каким станет через несколько лет, а был всего лишь актером и певцом, одним из многих, кто приезжал тогда в нашу страну и посещал Таганку. В. Золотухин в своем дневнике по этому случаю писал: «Дин пел. Хорошо, но не более. Чего-то ему не хватало. Самобытности либо голоса. В общем, Высоцкий успех имел большой. Дин сказал: „Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные“. Вообще, он прекрасный парень».

6–8 ноября Высоцкий был в Одессе.

9 ноября Высоцкий участвует в спектакле «Павшие и живые». Спектакль в тот день закончился раньше обычного, поскольку после него был устроен праздничный банкет. Высоцкого на нем не было – он уехал выступать с концертом в один из столичных институтов.

Стоит отметить, что концерты Высоцкого проходят чуть ли не полуподпольно: без афиш, без билетов. А как хочется, чтобы все было как у людей. Чтобы изменить ситуацию к лучшему, Высоцкий отправляется в Москонцерт с тайной надеждой, что его наконец-то поймут и снимут с него клеймо автора блатных песен. Однако, даже несмотря на то что он показал худсовету свои самые благонадежные песни (про войну, альпинистов), резюме было неутешительным: вам еще надо работать и над собой, и над своим репертуаром. Но Высоцкий не отчаивается: идет на прием к районному партийному бонзе, и тот, выслушав посетителя, вроде бы проникается его проблемами и дает разрешение провести целую серию «афишных» концертов. Они должны были состояться **23–24 ноября** в театре «Ромэн», а **28-го** в некогда родном для Высоцкого Театре имени Пушкина (кстати, на разогреве у Высоцкого в тех концертах должна была выступать Алла Пугачева, которая в ту пору была мало кому известна). Но вся затея расстраивается чуть ли не накануне. Из горкома приходит грозная резолюция в оба театра, и те отменяют концерты, быстренько придумав подходящую причину – «из-за болезни Владимира Высоцкого».

Может быть, наложили запрет?

Я на каждом шагу спотыкаюсь:

Видно, сколько шагов – столько бед, —

Вот узнаю, в чем дело, – покаюсь...

(1966)

26 ноября на Таганке начались репетиции спектакля «Живой» по Борису Можаеву. У Высоцкого роль Мотякова, которая его вполне устраивает.

Днем **30 ноября** Высоцкий участвовал в спектакле «Павшие и живые», который проходил в клубе завода «Серп и молот». После представления Высоцкий с группой коллег (Золотухин, Хмельницкий, Беляков) отправились выступать в ВТО, где проходил устный выпуск журнала «Жизнь и творчество» (19.30). Там Высоцкий исполнил 7 песен: «**Братские могилы**», «**Песня о друге**», «**Скалолазка**», «**Песенка про сентиментального боксера**», «**Старый дом**», «**Песня о чуде-юде**». Из зала кто-то попросил спеть «**Возле города Пекина**», но Высоцкий отказался петь эту песню, сославшись на то, что «мы про это только что видели» (на вечере показали документальный фильм о Мао Цзэдуне), и спел «**Вершину**».

2 декабря Высоцкий в компании своих коллег по Таганке дает концерт в Первой градской больнице.

3 декабря Высоцкий был занят в спектакле «Павшие и живые».

14 декабря Высоцкий с коллегами по театру (Золотухин, Хмельницкий) выступали с отрывками из «Павших...» в Институте истории. Из-за того, что представление затянулось, а сразу после него артисты не смогли поймать такси, они опоздали на следующий концерт – в Фундаментальной библиотеке АОН. Когда они туда приехали, зрители уже разошлись. Тогда артисты пообещали выступить завтра. Но и это обещание выполнить не смогли: в театре шел прогон спектакля «Дознание» для худсовета. А **16 декабря** Высоцкий улетел на съемки в Одессу. Аккурат в эти же дни в Москве начинает демонстрироваться фильм «Я родом из детства».

28 декабря завершаются съемки «Вертикали». За роль радиста Володи Высоцкий получает гонорар в 1043 рубля (ставка в день 20 рублей). А работа над «Короткими встречами» продолжается: в декабре шли павильонные съемки на Одесской киностудии, где снимали эпизоды в декорации «квартира Вали».

1967

В первые же часы нового года Высоцкий «обкатал» на публике свои новые «нетленки» – песни **«Письмо в деревню»** и **«Ответ на письмо»**. Премьера состоялась в высотной «сталинке» на Котельнической набережной. Зрители – сплошь одни друзья и знаменитости: Всеволод Абдулов, Игорь Кохановский, Андрей Вознесенский, Майя Плисецкая и другие. Больше всего над песней хохотала Плисецкая: на строчке «был в балете – мужики девок лапают» она чуть со стула не упала. Не отставали от нее и другие: ржали так, что Высоцкому несколько раз приходилось прерывать пение и ждать, когда все успокоится.

10 января Высоцкий участвовал в спектакле «Добрый человек из Сезуана».

Спустя несколько дней Высоцкий уехал в Одессу досниматься в «Коротких встречах». Снимались эпизоды «комната Нади» и «новый дом». **17 января** Высоцкий был уже в Ленинграде – давал концерт в клубе «Восток». Там в тот вечер оказались киношники из съемочной группы фильма «Срочно требуется песня», которые сняли часть выступления Высоцкого на пленку, чтобы потом включить ее в фильм. Теперь эти кадры известны всем высокоцковедам: на них он поет **«Парус»**.

На следующий день Всеволод Абдулов приводит Высоцкого к кинорежиссеру Геннадию Полоке, который на «Ленфильме» собирается снимать «Интервенцию» по пьесе Льва Славина. Полоке нужен актер на главную роль – одесского подпольщика Воронова, выдающего себя за Бродского, и Абдулов активно сватает на эту роль своего друга. Полока обещает подумать.

Вечером того же дня Высоцкий дает концерт в гостинице «Астория». Исполняет следующие песни: **«Парус»**, **«Песня о нечисти»**, **«Случай в ресторане»**, **«Вот – главный вход...»**, **«Меня замучили дела...»**, **«Пародия на плохой детектив»** и др.

19 января Высоцкий играет в «Жизни Галилея».

На следующий день Высоцкий с группой коллег по театру выступали в 8-й «немецкой» спецшколе, что в 5-м Котельническом переулке. Концерт, естественно, был не для учеников, а для преподавательского состава и членов родительского комитета. Хотя, пригласи дирекция туда школьников, их бы набилось не меньше. Как пишет О. Ширяева: «Высоцкий произносил вступительное слово, читал Кульчицкого, спел **«Братские могилы»**, а потом с Золотухиным и Жуковой – «Дорогу», с Золотухиным вдвоем – «Ворчунов». Впервые я увидела Высоцкого за пианино – он аккомпанировал пантомиме Черновой. Потом они с Иваненко (впервые видела их вместе на сцене) читали «Римские праздники» из «Антимиров». В конце вечера Высоцкий спел **«На Перовском на базаре»** ...»

23 января Высоцкий повел Золотухина и Смехова в ресторан ВТО, чтобы отметить завершение работы в картине «Короткие встречи». В тот вечер Высоцкий много говорил о своей жене, Людмиле Абрамовой, которая ради детей совершила шаг, на который способна далеко не каждая актриса, – отказалась от кинокарьеры. Высоцкий подбивал друзей помочь ей, может быть, написать сообща какой-то сценарий специально под нее. Друзья в ответ поддакивали. Но дальше пьяного трепача это дело в итоге так и не пойдет.

24 января Высоцкий играл в «Десяти днях...». Причем он заменял там получившего травму актера Голдаева, и смотреть на его игру в этой роли сбежалась чуть ли не вся труппа во главе с Юрием Любимовым. Как вспоминает та же О. Ширяева: «Володя вылетал на сцену, размалеванный красной краской, маленький, страшненький, в огромном красном халате с плеча Голдаева, который больше его раза в два. Он бодро покрикивал на свой „батальон“. Чего он только не вопил: „Довели! Уйду к чертовой матери!“». Когда произносил речь: „По России бродит призрак. Призрак голода“, – то „путал“ слова и говорил „признак“».

Володя нес сплошную отсебятину, при этом имел такое право: он ведь не знал текста. Керенского за ним не было видно, тот терялся в массовке. Высоцкий неистовствовал, переходя из одного состояния в другое. То вдруг подлетал к Ульяновой и орал: «Клава! Ну хоть ты меня не позорь!», то начинал шататься, показывая, что унтер вдребезги пьян, и охране Керенского приходилось его поддерживать. Он то истерически рыдал, когда Керенский говорил, что Россия в опасности, то разом выпаливал команду: «Справа налево ложись!», а потом, собрав с пола бабьи юбки и уткнувшись в них носом, безудержно плакал, после чего с блаженной, почти идиотской улыбкой слушал своих подопечных...

Ничего подобного я в жизни не видела! Зрители рыдали от смеха...»

28 января Высоцкий играл в ночных «Антимирах».

На следующий день Высоцкий был приглашен на творческий вечер Андрея Вознесенского, который проходил в здании старого университета, что на Моховой. В разгар вечера хозяин бала внезапно пригласил на сцену Высоцкого, представив его публике как «замечательного артиста, здорово делающего Галилея на сцене Таганки». Стоило Высоцкому выйти на сцену, как тут же появился и «рояль в кустах» – гитара. Пришлось спеть «Оду сплетникам» из «Антимиров» все того же Вознесенского. Посчитав свою миссию выполненной, Высоцкий засобирался было на свое место, как из зала понеслись крики: «Спойте еще! Пожалуйста!» Высоцкий в растерянности – вечер-то не его. Но когда и сам Вознесенский просит уважить публику, Высоцкий вновь берет в руки гитару. Но исполняет только одну вещь – «Песенку про сентиментального боксера».

30 января Высоцкий играет Галилея. **6 февраля** – его же.

12 февраля он выходит на сцену в «Павших и живых», а поздним вечером – в «Антимирах». В перерыве между этими спектаклями, в кабинете Любимова, Высоцкий репетировал новую роль – Маяковского в спектакле «Послушайте!». В интерпретации Таганки поэт появлялся в пяти обликах: кроме Высоцкого его играют Золотухин, Хмельницкий, Смехов и Насонов. Ближе всех по росту и голосовым данным к нему приближается Хмельницкий, но и Высоцкий тоже не теряется: хоть ростом он и не вышел, но голосище имеет тот еще. Как пишет В. Смехов: «В театре моей памяти Владимир Высоцкий не просто отлично читал Маяковского, играл от имени Маяковского – он, как и его товарищи, продлевал жизнь образа, по необходимости бороться сегодня с таким же, кто отравлял поэтам жизнь вчера. Жизнь и сцена сливались – это явление еще нуждается в серьезной оценке. Володя играл храброго, иногда грубоватого, очень жестокого и спортивно готового к атаке поэта-интеллекта...»

23 февраля Высоцкий принимал участие в вечере, который проходил в Доме ученых.

26 февраля Высоцкий играл в утренних «Десяти днях...» Керенского. После спектакля актеров фотографировали для журнала «Советский Союз».

В начале марта по Москве поползли очередные нелепые слухи про Высоцкого: будто его арестовали за шпионаж в пользу ЦРУ. Видимо, поэтому Высоцкий в те дни отказывается выступать с сольными концертами, предпочитая только выступления с бригадой своих коллег по театру.

10 марта состоялся первый прогон «Послушайте!».

В марте на студии «Беларусьфильм» режиссер Виктор Туров приступил к съемкам фильма «Война под крышами». У Высоцкого там эпизод – он играет фашистского прихвостня – полиция.

25 марта Высоцкий играет в «Антимирах». На спектакле присутствует автор – Андрей Вознесенский.

29 марта состоялся прогон «Послушайте!».

В эти же дни конца марта вся страна замерла у экранов телевизоров: шли прямые трансляции из Вены с чемпионата мира по хоккею с шайбой. Наша сборная играла бесподобно: в концовке турнира обыграла канадцев (2:1) и чехословаков (4:2) и в пятый раз завоевала золо-

тые медали. Под впечатлением этого успеха Высоцкий (он смотрел матчи вместе с Татьяной Иваненко дома у режиссера Геннадия Полоки), который хоть и не считался спортивным фанатом, но спорт любил, написал песню **«Профессионалы»**, где с присущим ему юмором посмеялся над хваленными канадскими профессионалами, занявшими в Вене лишь 3-е место.

Профессионалам
По всяким каналам —
То много, то мало — на банковский счет, —
А наши ребята
За ту же зарплату
Уже пятикратно уходят вперед!..

16 апреля Таганка уехала в Ленинград, чтобы там сдать спектакль «Послушайте!». Высоцкий там начудил — позволил себе отойти от канонического текста Маяковского. У поэта текст звучал следующим образом: «Хорошо у нас в Стране Советов. Можно жить, работать можно дружно...» В спектакле это выглядело следующим образом. Смехов — Маяковский говорил: «Хорошо у нас в Стране Советов!» На что Высоцкий — Маяковский отвечал не утвердительно, а спрашивал: «Можно жить?» Это было расценено как издевка.

22 апреля Высоцкий дал два концерта в Ленинграде: в СКБ АП и школе № 156. На следующий день он дал домашний концерт у Г. Рахлина, а **24-го** — пленял своим песенным талантом публику в ДК пищевиков.

На Одесской киностудии Кира Муратова завершила работу над фильмом «Короткие встречи», однако настроение у съемочной группы отнюдь не праздничное — фильм мытарят поправками так, что хоть в петлю лезь. **22 апреля** Госкино в лице В. Баскакова, Е. Суркова и И. Кокоревой выносит свой безжалостный вердикт фильму, из которого я приведу лишь небольшой отрывок, касающийся героя нашего рассказа. Цитирую: «В фильме не получился образ героя. В исполнении актера В. Высоцкого фигура Максима приобретает пошлый оттенок. Фильм перенасыщен деталями, порождающими настроение уныния и бесперспективности. В связи с этим необходимо заменить одну из песен В. Высоцкого — «Гололед, гололед» ...»

В начале мая Высоцкий вновь был в Ленинграде, где дал несколько концертов: **4-го** он выступил на заводе ЛОМО, **6-го** — в ВАМИ, **9-го** — дома у Г. Рахлина. После чего отправился в Бреслав, где шли съемки фильма «Война под крышами» (сам он там не снимался, но в картине должна была звучать его песня). Аккурат после праздника Победы съемки в Бреславе закончились и группа решила переехать для продолжения работы в литовский город Даугавпилс. Оттуда Высоцкому предстояло выехать в Москву. Но по дороге в Литву произошло событие, о котором вспоминает жена Виктора Турова Ольга Лысенко: «Выехали мы рано и почти весь путь ехали молча. Володя был с гитарой. Вдруг он просит остановить наш студийный „уазик“, выходит из машины и говорит: „Послушайте, я сейчас сочинил песню“.

Это была **«Песня о земле»**. После строк «Кто-то сказал, что земля умерла...» у меня просто сердце упало, не знаю, что на меня нашло...»

15 и 16 мая Высоцкий играл в «Послушайте!». На одном из этих спектаклей побывал Давид Карапетян, которому впоследствии суждено будет стать другом Высоцкого. Причем подружила их... общая любовь к поэту Игорю Северянину. Дело было так.

В «Послушайте!» главным антиподом Маяковского выступал именно Северянин, что крайне не понравилось Карапетяну. Поэтому из театра он ушел в плохом расположении духа. А спустя два-три дня к нему домой заявили гости: хорошо ему знакомая актриса Таганки Татьяна Иваненко и невысокого роста молодой человек. Это был Высоцкий. Далее послушаем рассказ самого Д. Карапетяна: «От Татьяны Высоцкий знал, что я был на спектакле, и

спросил о моем впечатлении. Он располагал к откровенности, и я решил, не таясь, высказать свои претензии: „Я не понял, зачем надо было бить по голове одного поэта, чтобы возвысить другого?“ Человек корпоративного духа, Высоцкий вступился, хотя и весьма неубедительно, за своих коллег: „Но ведь спектакль не об этом, а о том, как не надо плохо читать хорошие стихи“. Он разом выгораживал и Любимова, и Золотухина, и Северянина.

Я только обреченно махнул рукой:

– Да нет же, об этом. Я, конечно, понимаю трудности режиссера, но почему именно Северянин, разве мало было тогда бездарей?

– А вы любите Северянина?

– Да, очень!

– И я тоже! Я вижу, вы вообще любите поэзию?

И он бегло оглядел наш книжный шкаф, забитый словарями и синими томами «Библиотеки поэта», чуть задержавшись на предмете моей гордости – контрабандной полке с Мандельштамом и Ахматовой, Клюевым и Гумилевым. Рядом с ними дружно теснились Бердяев с Шестовым, и алым сигналом тревоги пылал уголовно-наказуемый «Фантастический мир» Абрама Терца-Синявского.

Пробыл у нас в тот вечер Высоцкий недолго. На другой день я узнал от Татьяны, что понравился ему за «нестандартность мышления». Мне оставалось лишь возблагодарить судьбу в лице Тани Иваненко и Игоря Северянина...»

23 мая он вновь сыграл в «Послушайте!», а на следующий день отправился в Куйбышев, где у него в ближайшие два дня было запланировано сразу несколько концертов (в Клубе имени Дзержинского, филармонии). Свидетель тех выступлений И. Фишгойт вспоминал: «До нас доходили слухи, что Высоцкий – любитель выпить, но во время его приездов в Куйбышев мы убедились в обратном. Отказался он даже от пива. Пил только минеральную воду...»

А вот что вспоминал об этой же поездке Г. Внуков: «Первый концерт в филармонии в 17 часов. Билеты нам принесли заранее. Подходим к кассе, билетов полно. А вокруг стоят много людей, предлагают билеты с рук. Я сразу вспомнил Москву, рассказываю, как попадал на спектакли Высоцкого. Ребята не верят: „Врешь! Да и вообще, кто такой Высоцкий?..“

Клуб Дзержинского встретил уже по-другому. Билетов в кассе нет. С рук – нет. Все просят «лишнего билетика»... За те часы, что Высоцкий находился в Куйбышеве, муждугородный телефон работал непрерывно: Ульяновск, Казань, Пенза, Оренбург, Саратов, Куйбышевская область – уже все знали, что Высоцкий у нас в гостях. До Куйбышева от каждого из названных городов лететь 30–50 минут. Я лично встретил знакомых ребят из Пензы, Саратова – успели прилететь на его вечерний концерт...

После концерта члены правления клуба предложили Высоцкому совершить поездку на катере по Волге. Плыли вверх до Красной Глинки и дальше. Где-то в районе Подгор-Гавриловой поляны мы развернулись и с выключенным двигателем сплавлялись обратно по течению: попросили капитана, чтобы было больше времени поговорить с Высоцким... Высоцкий, отдыхая, рассматривал ночной Куйбышев. Потом поднялся в рубку, долго разговаривал с капитаном, попросил «немного порулить»...»

27 мая исправленный вариант фильма «Короткие встречи» был вновь отправлен в Госкино. Из него убрали следующие сцены: поцелуй Максима и Нади у костра, их лежание на пиджаке, указывающее на их физическую близость, слова Лидии Сергеевны, где она говорит о своей ненависти к колхозникам, и др. Спустя два дня фильм будет принят и разрешен к выпуску.

Между тем, вернувшись из Куйбышева в Москву, Высоцкий попал на собственный творческий вечер в ВТО, который состоялся **31 мая**. Свидетель тех событий О. Ширяева отметила это событие в своем дневнике: «Первоначально вечер планировался на 17-е как

чисто песенный. Представлять Высоцкого должен был Табаков, он в ВТО заведует молодыми. Но Ю.П. Любимов предложил перенести на 31-е, на среду, когда в театре выходной, и показывать сцены из спектаклей. Однако сам он внезапно заболел, и поэтому вышел директор, сказал несколько слов и предоставил слово Аниксту как члену худсовета Таганки...

Аникст начал с того, что он – в трудном положении. Обычно все знают того, кто представляет, и хуже – того, кого представляют. А тут, наверное, мало кто знает его, но зато все знают Высоцкого. Аникст подчеркнул, что это первый вечер Таганки в ВТО. И сам Высоцкий, и его товарищи рассматривают этот вечер, как отчет всего театра. А как это хорошо, что у входа такие же толпы жаждущих попасть сюда, как и перед театром...

Еще Аникст сказал, что вот пройдет несколько лет – и в очередном издании Театральной энциклопедии мы прочитаем: «Высоцкий, Владимир Семенович, 1938 года рождения, народный артист».

Аникст сказал, что Высоцкому очень повезло, потому что он попал в коллектив единомышленников. Восхищался разнообразием его талантов, говорил, что публика знает, что Высоцкий многое умеет, даже стоять на голове. Аникст говорил не только о Высоцком, но и о коллективе театра, о Любимове и о судьбах театра вообще. Он сказал, что Театр на Таганке – это не следующий традициям, а создающий их. Этот театр находится в первых рядах нового искусства. Его упрекают в отсутствии ярких творческих индивидуальностей, называют театром режиссера, но это не так. Высоцкий тому пример...

Высоцкий пел свои песни. С особым удовольствием, как он сказал, спел «**Скалолазку**», которая не вошла в картину «Вертикаль». Еще из новых: «**Сказку о нечисти**» и «**Вещего Олега**». Затем о хоккеистах («**Профессионалы**». – Ф.Р.), предварив песню рассказом о том, что его вдохновило на ее написание.

В конце вечера какие-то деятели поздравили Высоцкого от имени ВТО, поднесли официальный букет. Мне было не дотянуться до сцены, и я попросила сидевшую передо мной девушку положить мои гвоздики к микрофону...

Говорили еще, что артисты хотели прочесть Володе приветствие в стихах (читать его должна была Полицеймако), но им не разрешили из перестраховки.

В июне Высоцкий разрывается между «Ленфильмом» и «Мосфильмом». На первом он проходит пробы на роль большевика Воронова-Бродского в «Интервенции», на втором – на роль белогвардейского поручика Брусенцова в «Служили два товарища». Пробы в Ленинграде проходят в середине месяца и для Высоцкого складываются вполне благополучно: во всяком случае, Полока им доволен. Нравится ему и Золотухин, а вот Всеволода Абдулова в роли Женьки режиссер безжалостно бракует.

7 июня Высоцкий выступал в ВТО, **10-го** – в Лемболово, где участвовал в концерте с рядом известных бардов: Адой Якушевой, Юрием Кукиным, Борисом Полоскиным и др.

12 июня Высоцкий играл в «Послушайте!». На спектакле присутствовал Андрей Вознесенский, вернувшийся из-за границы. Он привез Высоцкому в подарок голубую кепку, которую вручил ему в антракте. Потом они фотографировались. В это же время в театр из больницы звонил Юрий Любимов. Говорил с ним Высоцкий, признавался в любви к шефу и сообщал, что сочинил для него новую песню.

17 июня в «Советской культуре» была опубликована заметка про нашего героя. Он читает ее в Ленинграде, куда приехал для съемок в «Интервенции» (они начались 15-го). Параллельно он дает и концерты. Так, первый из них состоялся в Доме актера в день выхода заметки в «Советской культуре».

25 июня Высоцкий выступил перед работниками столичного Гидрометеорологического комитета.

26 июня Высоцкий впервые объявляется на пробах фильма «Служили два товарища», причем не один, а со своей пассией Татьяной Иваненко, которая пробует на роль возлюб-

ленной поручика Брусенцова Сашеньки (эту роль в итоге сыграет Ия Саввина). **28 июня** состоялась еще одна их совместная проба, где им подыгрывает третий исполнитель – Роман Ткачук.

В те дни по стране вновь пошла волна слухов про Высоцкого. Вызваны они были статьей в одной из газет, где писалось, что Высоцкий... вор-рецидивист и его уже арестовали. Потом оказалось, что арестованный – однофамилец популярного артиста. Однако из Минска на имя Высоцкого пришло письмо, где его просили ответить «который Вы из двух». Еще ходили слухи, что Высоцкий сбежал в Америку.

2 июля Высоцкий играл в двухсотом представлении «Антимиров». Два дня спустя – в «Послушайте!».

5 июля в Москве открылся Международный кинофестиваль. В качестве почетного гостя на нем присутствует французская кинозвезда де Полякофф Марина-Катрин, больше известная как Марина Влади. Высоцкий давно тайно влюблен в нее, но познакомиться лично возможности не имеет – в первые дни фестиваля он увлечен репетициями «Пугачева». Как вдруг судьба сама подбрасывает ему шанс...

Не догнал бы кто-нибудь,
Не почуял запах, —
Отдохнуть бы, продохнуть
Со звездой в лапах.

Вспоминает М. Влади: «Шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть репетицию „Пугачева“, пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей – Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя.

На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле. Мы встречаемся в ресторане ВТО – шумном, но симпатичном... Наш приход вызывает оживленное любопытство присутствующих. В СССР я пользуюсь совершенно неожиданной для меня известностью. Все мне рады, несут мне цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают... Я жду того замечательного артиста, мне хочется его поздравить, но говорят, что у него чудной характер и поэтому он может и совсем не прийти. Я расстроена, но у моих собеседников столько вопросов...

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы... Ты не ешь, не пьешь – ты смотришь на меня.
– Наконец-то я встретил вас...

Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента «Юманите». Он живет недалеко от Центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга... Я вижу твои глаза – сияющие и нежные, коротко остриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный.

Как только мы приезжаем к Макс, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твои сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной... И тут же, безо всякого перехода говоришь, что давно любишь меня.

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь встретиться с тобой на следующий день вечером в баре гостиницы «Москва», в которой живут участники кинофестиваля...»

Это – воспоминание живой участницы тех событий. Но таких живых свидетелей той встречи было еще несколько человек, и каждый из них вспоминает о ней по-своему. Вот как запечатлелись те дни в памяти фотожурналиста Игоря Гневашева: «Узнав, что в Москву приехала Марина Влади, я решил делать о ней фотофильм – чуть ли не каждый день жизни. Нас познакомили, и я ходил за нею всюду, и я видел, как они впервые встретились, – и он влюбился в нее в коридоре, мгновенно, с ходу, я видел это по его лицу совершенно ясно... По моему, это Ия Саввина повела Марину после репетиции „Пугачева“ за кулисы, в гримерку. Мы шли по коридору, и вдруг навстречу – он, с сопровождающими, естественно, лицами. Увидел Колдунью, чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо театральным голосом: „О, кого мы видим!..“ Она остановилась: „Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны“.

Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару».

О событиях следующего дня вспоминает М. Влади: «В баре полно народу, меня окружили со всех сторон, но как только ты появляешься, я бросаю своих знакомых, и мы идем танцевать. На каблуках я гораздо выше тебя, ты встаешь на цыпочки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь, а потом уже серьезно говорю, что ты – необыкновенный человек и с тобой интересно общаться, но я приехала всего на несколько дней, у меня сложная жизнь, трое детей, работа, требующая полной отдачи, и Москва далеко от Парижа... Ты отвечаешь, что у тебя у самого – семья и дети, работа и слава, но все это не мешает мне стать твоей женой. Ошарашенная таким нахальством, я соглашаюсь увидеться с тобой завтра».

Вспоминает Л. Абрамова: «Помню приход Володи **в июле 67-го**. Аркадий Стругацкий жил с семьей на даче, мы его давно не видели. И гостей не ждали: у меня болели зубы, и физиономию слегка перекосило. Я была не дома, а у Лены, они с матерью, моей теткой, жили на улице Вавилова в первом этаже громадного кирпичного дома с лифтерами и пышным садом у окон. Аркадий позвонил именно туда, сообщил, что он в Москве, что скоро будет, потому что надо отметить событие: общий наш друг Юра Манин получил какую-то премию, или орден, или звание, уж не помню, но что-то очень хорошее и заслуженное. Зуб мой прошел, и физиономия распрямилась и просияла. Мы с Леной принялись за работу: застучали ножи, загремели сковородки. Форма одежды – парадная. Позвонили Володе в театр, там «Пугачев», спектакль недлинный, приходи к Лене, будет А. Стругацкий. Играй погениальней, шибко не задерживайся. Ну подумай – фестивальные гости на спектакле. Ну поговоришь, они поохают – и к нам. Стругацкий пришел с черным портфелем гигантского размера, величественный, сдержанно-возбужденный...

А Володя пришел поздно. Уже брезжил рассвет. Чтобы не тревожить лифтершу, он впрыгнул в окно, не коснувшись подоконника – в одной руке гитара, в другой – букет белых пионов. Он пел в пресс-баре фестиваля – в Москве шел международный кинофестиваль...»

Спустя четыре дня после первой встречи у Макса Леона в этом же доме вновь собирается теплая компания. Из новых лиц там присутствуют: Валерий Золотухин со своей супругой Ниной Шацкой и... Татьяна Иваненко, которая специально напросилась туда прийти, чтобы попытаться отбить Высоцкого у Влади. Вот как об этом рассказывает Д. Карапетян: «Увидев Шацкую с Иваненко, не чуявшая никакого подвоха Марина искренне обрадовалась: – Как хорошо, что вы пришли, девочки.

И хотя само присутствие гипотетической соперницы в этом доме еще ни о чем не говорило, женский инстинкт и некоторые нюансы быстро убедили Татьяну, что никаким огово-

ром здесь и не пахнет. И она не придумала ничего лучшего, как объясниться с коварной разлучницей с глазу на глаз и немедленно. Настал черед удивляться Марине, которая резонно посоветовала Тане выяснять отношения непосредственно с самим виновником возникшей смуты. Но та уже закусила удила:

– Марина, вы потом пожалеете, что с ним связались. Вы его совсем не знаете. Так с ним намучаетесь, что еще вспомните мои слова. Справиться с ним могу только я...

Пообещав конкурентке, что он вернется к ней, стоит ей пошевелить пальцем, разгоряченная воительница, развернувшись, вышла. В гостиную увидела подавленного, но не потерявшего головы Володю.

– Таня, я тебя больше не люблю, – спокойно вымолвил он и, схватив со стола бутылку, стал пить прямо из горлышка...»

В разгар фестиваля – **13 июля** – на широкий экран вышел фильм «**Короткие встречи**». Однако копий его отпечатано мало, их крутят во второразрядных кинотеатрах, да еще без широкой рекламы. Гораздо лучше обстоят дела с фильмом «**Вертикаль**», который выходит вслед за «Встречами» – его крутят при большой поддержке рекламы в десятках кинотеатров.

Тем временем на «Мосфильме» продолжают пробы в «Служили два товарища». Карелов внезапно испугался брать Высоцкого на роль Брусенцова и решил отдать эту роль Янковскому. Но тот сыграл пробу без всякого азарта, поскольку уже свыкся с ролью красноармейца Некрасова. В итоге роль поручика снова вернулась к Высоцкому. Однако утверждение его на эту роль будет нелегким, о чем речь еще пойдет впереди.

15 июля Высоцкий уже в Одессе, где идут натурные съемки «Интервенции» (с **29 июня**). В тот день режиссеру фильма Геннадию Полоке исполнилось 37 лет, и по этому случаю в его номере в гостинице «Красная» был устроен банкет на два десятка человек. Был среди них и Высоцкий. Далее послушаем самого именинника: «Гостиница находилась напротив филармонии. И вот сидим мы, пьем-гуляем, а в филармонии шел концерт кого-то из наших маэстро, чуть ли не Ойстраха. Весь цвет Одессы, все отцы города, теневики, подпольные миллионеры съехались... Концерт закончился, публика стала выходить на улицу, шум-гам, такси, троллейбусы подъезжают... А Володя сидит на подоконнике и поет для нас. И на улице наступила тишина. Выглядываем в окно: перед филармонией стоит тысячная толпа, транспорт остановился, все слушают Высоцкого. Оркестранты вышли во фраках, тоже стоят, слушают. А когда Высоцкий закончил петь, сказал „все“, толпа зааплодировала...»

Через пару дней Высоцкий вернулся в Москву, чтобы **20 июля** присутствовать на закрытии кинофестиваля. В последний день работы кинофорума для всех его участников был устроен прощальный банкет в пресс-баре. Вспоминает А. Свицерский: «Когда заиграла музыка, Сергей Аполлинарьевич Герасимов пригласил Влади на танец. Я пошел с его женой Тamarой Федоровной Макаровой, и в это время появился Володя. Он взял Марину, и они начали танцевать, и он ее уже не отпускал... А Лева Кочарян, я и все наши ребята, которые там были, мы их взяли в кольцо, потому что все прорывались к Марине танцевать. Но Володя до самого конца никому этого не позволил. Мне запомнилась его фраза, которую он тогда нам сказал: „Я буду не Высоцкий, если я на ней не женюсь“. Так прямо и сказал...»

Трудно поверить в то, что привыкшая к многочисленным знакам внимания со стороны мужчин, куда более эффектных, чем Владимир Высоцкий, французская знаменитость примет всерьез ухаживания русского актера. Вполне вероятно, что тогда ее просто занимало это откровенное признание в любви, это почти по-детски наивное ухаживание. По воспоминаниям того же Игоря Гневашева, Влади упрасивала своих московских знакомых: «Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и это... ломится в номер».

Да, без сомнения, встреча с Высоцким летом 67-го была для Марины Влади всего лишь забавным эпизодом и не предвещала (во всяком случае для нее) в дальнейшем ничего серьезного и многообещающего. Более того, в те дни у французской кинозвезды было более силь-

ное увлечение, чем русский актер из Москвы. В 1966 году, снимаясь в Румынии во франко-румынском фильме «Мона, безымянная звезда» (режиссер Анри Кольни), Влади познакомилась и серьезно увлеклась молодым румынским актером Кристоей Аврамом. Чуть позже Аврам придет к Влади в Париж, имея, по всей видимости, серьезные намерения жениться на ней. Но молодому актеру не повезет. Он не понравится матери Марины и ее сестрам Одиль Версуа, Элен Валье и Тане Поляковой, которые сочтут его пустым и никчемным красавцем-фанфароном. Отношения с Аврамом будут разорваны, у Влади случится депрессия, правда, кратковременная.

Что касается Высоцкого, то он продолжает крутить головы двум женщинам: жене и Татьяне Иваненко. Как вспоминает одна из них – Л. Абрамова: «Боялась ли я, что Володя ходит к женщинам? Нет, абсолютно. У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет – „все“. А так – нет, страха не было...»

Между тем сразу после кинофестиваля Высоцкий снова улетает в Одессу на съемки «Интервенции». Там с ним происходит неприятный инцидент, который, к счастью, не стал достоянием гласности, иначе Высоцкому пришлось бы туго. А случилось следующее.

Как-то после съемок Высоцкий в компании Левона Кочаряна, его жены Инны и Артура Макарова собрались на квартире подруги жены Кочаряна. Там же оказался и 24-летний болгарский актер Стефан Данаилов, снимавшийся в те дни в советско-болгарском фильме «Первый курьер». И вот на той вечеринке, будучи в подпитии, Данаилов приказал Высоцкому: «Пой!» Тот отказался. Тогда Данаилов вытащил из кармана пачку денег и швырнул ее в лицо Высоцкому. Сидевший ближе всех к Данаилову Кочарян немедленно взорвался и от всей души врезал будущему заслуженному артисту Болгарии, будущему члену болгарской компартии и лауреату Димитровской премии по его симпатичной физиономии. В результате вспыхнувшей в квартире потасовки серьезно пострадал сам Данаилов, а также двухспальная тахта хозяев квартиры. Правда, раны на лице Данаилова быстро зажили, и через несколько лет советские кинозрители смогли убедиться в этом, лицезрея болгарского актера в многосерийном телевизионном сериале «Нас много на каждом километре».

Вспоминает А. Иванова: «Володя в Одессе, в „Интервенции“, снимался немного. Я помню его только в нескольких сценах: „Марш интервентов“ – это когда французы вступают в город, а вся Одесса стоит на берегу и по-разному реагирует на это дело – тут и большевики, и черносотенцы, и кадеты, и сионисты, и банкиры. И Володя с мадам Ксидиас – Оля Аросева ее здорово играла – и ее сыном, которого замечательно сыграл Золотухин. Помню, была страшная жара. Все мы работали в плавках, а бедные актеры маршировали или приветственно кричали, будучи одеты по полной парадной форме. Володя снимался в пиджаке и в галстук. Рядом с местом съемки, в кустах, администрация организовала для актеров что-то типа душа. Володя прибежал и окатывался водой после каждого дубля. И еще прикатали для актеров бочку с квасом, многие просили пива, потому что-де квас жажду в жару не утоляет, но тут администрация нас не поддержала. Еще помню Володю на съемках в порту, он там был занят в сцене на корабле, где французы для своих солдат устроили публичный дом...»

25 июля Высоцкого утверждают на роль поручика Брусенцова. Причем его утверждение прошло с бо-о-ольшим скрипом. Особенно решительно против Высоцкого выступал начальник актерского отдела «Мосфильма» Адольф Гуревич. Описывая перипетии этого инцидента, Высоцкий писал жене Л. Абрамовой **9 августа**: «Гуревич кричал, что он пойдет к Баскакову и Романову (руководители кинематографии Союза), а Карелов предложил ему ходить везде вместе. Это все по поводу моего старого питья, и „Стряпухи“, и Кеосаяна. Все решилось просто. Карелов поехал на дачу к больному Михаилу Ильичу Ромму, привез его, и тот во всеуслышание заявил, что Высоцкий-де его убеждает, после чего Гуревич мог пойти только в ж..., куда он и отправился незамедлительно».

31 июля Высоцкий дает концерт в столичном Центральном Доме литераторов.

14 августа в Измаиле начались съемки фильма «Служили два товарища». Пока без Высоцкого, который снимается в «Интервенции», а в Измаил планирует приехать только во второй половине сентября.

26 августа В. Золотухин вывел в своем дневнике следующие строчки: «Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу:

– Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину. Орут... Совершенно неправильное воспитание...»

31 августа состоялся сбор Таганки после летних каникул. Высоцкий явился в необычном виде – с усами. Из театра он уехал на такси в компании с Иваненко.

1 сентября Высоцкий участвовал в репетиции «Пугачева». На следующий день Таганка открыла сезон – был показан спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Керенского играл Николай Губенко, а Высоцкий играл матроса. Все с теми же усами.

3 сентября Высоцкий явился в театр уже без усов. Вечером того же дня он улетел в Одессу, на съемки «Интервенции».

4 сентября Высоцкий стал одним из инициаторов проведения дня рождения осветителя «Интервенции» Антонины Ивановой. Эту женщину все в группе любили за ее добрый нрав и поразительную работоспособность. Поэтому и было решено сделать ей подарок – накрыть для нее стол в ресторане гостиницы «Красная». Когда именинница туда пришла, она чуть не задохнулась от восторга. На торжестве помимо Высоцкого также присутствовали: Геннадий Полока, оператор Евгений Мезенцев, Ефим Копелян и др.

8 сентября Высоцкий приехал в Москву, чтобы попытаться счастья еще в одном кино-проекте – фильме Георгия Натансона «Наташа» (в прокате – «Еще раз про любовь»). Высоцкому предложили пройти пробы на главную мужскую роль – молодого ученого-физика, имевшего чудное имя Электрон Евдокимов. Эта проба состоялась в 19.00–24.00 в 12-м павильоне «Мосфильма». Высоцкому подыгрывала исполнительница главной женской роли Татьяна Дорониная. Однако ничего путного из пробы Высоцкого не получится. По словам Натансона: «Нами было отснято несколько больших фрагментов, которые потом украли. Помню, Володя просил пошить ему башмаки на высоком каблуке, потому что был ниже Дорониной. Когда мы с Радзинским и Татьяной просмотрели отснятый материал, стало ясно, что нужно искать другого актера. Высоцкий со своим бешеным темпераментом „рвался“ из кадра на волю...»

13 сентября Высоцкий снова был в Ленинграде. В тот же день худсовет «Мосфильма» утвердил исполнителей главных ролей в картину «Наташа» («Еще раз про любовь»). Наташу выпало играть Татьяне Дорониной, а Электрона – Александру Лазареву.

14 сентября Высоцкий вернулся в Москву и вечером (18. 30) вышел на сцену театра в ролях Гитлера и Чаплина в «Павших и живых».

16 сентября Высоцкий играл Галилея.

19 сентября Высоцкий играл в ночных «Антимирах». А утром следующего дня улетел на съемки фильма «Служили два товарища». Причем отправился туда не один, а вместе со своим коллегой по Таганке Вениамином Смеховым, для которого это была первая роль в кино (уговорил сниматься именно Высоцкий). Вспоминает В. Смехов:

«Полет в Одессу – и мы обсуждаем общие дела в театре, пересадка, переезд в Измаил, и я сетую на то, что не знаю совсем Одессы. По дороге к съемочному городку – советы, подсказки, уговоры не теряться, хотя я вроде и так не теряюсь. Но он (Высоцкий) что-то чувствовал такое, в чем я и себе не признавался. В театре – опыт, роли, все знакомо, а тут – явный риск проявиться щенком, зеленым юнцом, осрамиться, и перед кем – перед „киношниками“... Гм... Доехали. Володя стремительно вводит в чужой мир, на ходу рассыпая подарки

„положительных эмоций“... Знакомит с группой, и о каждом – коротко, с юмором и с нежностью. Оператор – чудо, ассистенты – милые ребята, звуковики – мастера и люди что надо и т. д.

Гостиница-«поплавок» на Дунае – блеск, закачаешься. Входим в номер, я ахаю и качаюсь. За окном – леса, Дунай, румынские рыбаки на дальнем берегу. Быстро ужинать. Погляди, ты такую ряженку ел в жизни? Ложку ставит в центре чашки, ложка стоит, не дышит. Я в восторге. Володя кивает, подтверждая глазами: я, мол, предупреждал тебя, какая это прелесть – кино. Бежим дальше. Вечер. Воздух. Воля. Спуск к реке. Гигантские марши массовки. Войска на берегу. Ракеты, всполохи света, лошадиные всхлипы, плеск волны. Разворот неведомых событий, гражданская война, белые у Сиваша. На взгорье у камеры белеет кепка главного человека, Евгения Карелова. Они перекинутся двумя словами с оператором, со вторым режиссером, и вот результат: на все побережье, на весь мир, как мне кажется, громыхает усиленный мегафоном голос ассистента Славы Березко. По его команде – тысячи людей, движений, звуков – все меняется, послушно готовится к новой задаче. Когда Высоцкий успел подговорить Карелова? Я только-только начал остывать, уходить в тоскливую думу о напрасной поездке, о чужих заботах – и вдруг... Слава передает, я вижу, мегафон главному, и на весь мир, на страх врагам и очень звонко-весело раздалось: «В честь прибытия на съемки фильма „Служили два товарища“ знаменитых артистов московского Театра на Таганке такого-то и такого-то – салют!»

Грянули залпы, грянуло «ура!», и пребольно ущипнул меня знаменитый артист с Таганки: мол, радуйся, дурачок, здесь хорошо, весело и все свои.

Дальше – вечер у Карелова, разбор завтрашней съемки, ночь бесед о кино и о поэзии...

Володя встает в 5 утра. Спускается вниз. Помощник режиссера отговаривает, вчера отговаривали всей группой... На месте съемок уже не говорит, а кричит раздраженно Карелов: зачем рано встал, зачем приехал, это же такой дальний план, зритель тебя и в телескоп не разглядит... Володя переодевается, не гримируется, естественно, и – на коня. Три часа скачек, съемок, пересъемок того крохотного кадра, где его и мой герои появляются верхом – очень далеко, на горизонте...» (Снимали эпизод, где Брусенцов и Краузе, после выстрела в красноармейца Некрасова, пытаются ускакать на лошадях. – Ф. Р.)

На следующий день, **21 сентября**, был снят эпизод «в овраге»: Брусенцов отнимает у Краузе винтовку и посылает последний патрон в спину красноармейца Некрасова. Вечером того же дня Высоцкий и Смехов покинули съемочную группу.

30 сентября Юрию Любимову стукнул полтинник. По этому случаю на Таганке был устроен большой сабантуй, где каждый из актеров считал за честь сказать какую-нибудь оригинальную здравицу в честь юбиляра. Любимов был растроган до слез. Больше всего его сердце растопили здравицы Высоцкого и Золотухина, за что они были удостоены особой чести – юбиляр пригласил их к себе домой на продолжение вечеринки в избранном кругу.

5 октября Высоцкий участвует в пересъемке эпизода «казарма» в фильме «Интервенция» на «Ленфильме».

С началом сезона на Таганке Высоцкий занят в нескольких спектаклях, а также репетирует Хлопушу в «Пугачеве». И еще успевает выступать с концертами, мотаясь из Москвы в Ленинград. Так, **3, 12 и 15 октября** он, в компании коллег с Таганки, дает концерты в ленинградском ДК пищевиков, **22-го** – в ленинградском ЦНИИС. Концерты он совмещает с павильонными съемками фильма «Интервенция». Кстати, о последнем. Съемки идут со скрипом, поскольку группа катастрофически отстает от первоначального плана. Из-за этого грянул первый скандал: **30 октября** режиссеру-постановщику Геннадию Полоке был объявлен выговор за отставание на 395 полезных метров. Но этот скандал еще только цветочки по сравнению с тем, что произойдет дальше, когда Полоку обвинят в идеологических прочетах фильма и спрячут фильм подальше от глаз людских. Но об этом речь впереди.

Сразу после **ноябрьских** праздников Высоцкий вновь отправился в Ленинград – смотреть черновой материал «Интервенции». Вернулся **11-го** в мрачном расположении духа. Как пишет В. Золотухин: «Чем-то расстроен, неразговорчив, даже злой. Грешным делом подумал: может быть, завидует моему материалу и огорчен своим...»

17 ноября состоялась премьера «Пугачева». Несмотря на то что роль у Высоцкого умещалась всего в сорок стихотворных строк, она получилась одной из самых сильных. Как пишет В. Смехов: «Главное в этом спектакле (едва ли не самом мощном по всем элементам) – это роль Хлопуши. Нет ни у кого на эту тему ничего, кроме пересказов и легенд. А у меня право увидеть все тринадцать ролей Высоцкого и, поставив высокие оценки за высокоцких героев, наивысшим баллом наградить Хлопушу – идеальное воплощение по всем законам и „психологического“, и „карнавального“ театров...»

21 и 24 ноября Высоцкий играет в «Пугачеве». Сразу после последнего спектакля он улетает в Измаил на съемки «Сужили два товарища». **25 ноября** он снимается в эпизоде «турецкий вал»: Брусенцов командует орудийным расчетом во время атаки красноармейцев. После чего вызывает к себе из Москвы Вениамина Смехова. Зачем? В прошлый приезд на съемки Смехов жаловался, что совершенно не знает Одессы, и Высоцкий решил стать для друга гидом. А чтобы тот ни о чем не догадался, сообщил ему, что его приезд необходим для пересъемок эпизода, снятого еще в сентябре, – «в овраге». Вспоминает В. Смехов: «Я получаю телеграмму от директора картины – все официально. С трудом выискиваю два свободных дня, клянусь себя за мягкотелость, а кино – за вечные фокусы; лечу, конечно, без настроения. Среди встречающих в Одессе – ни одного мосфильмовца. Стоит и качается с пяток на носки Володя. Глаза – плутовские. Сообщает: никаких съемок, никакого Измаила, два дня гуляем по Одессе. Понятно, меня недолго хватило на возмущение...»

Володя показывал город, который всю жизнь любил, и мне казалось, что он его сам придумал... и про сетку проспектов, и про пляжи, и про платаны, и про Пушкина на бульваре, и про Ришелье. Мы ночевали в «Куряже», общежитии киностудии на Пролетарском проспекте. Я за два дня, кажется, узнал и полюбил тысяч двадцать друзей Высоцкого. Сажу зрителем на его концерте в проектно-институте. Сажу на прощальном ужине, где Володя – абсолютно не пьющий тамада и внимательный хозяин. Да и весь двухдневный подарок – без единой натуги, без ощущения необычности, только помню острые взгляды в мою сторону, быстрая разведка: ты в восторге? Все в порядке?

Только одна неприятная деталь: посещение в Одессе некоего дома. Утро. Володя еле согласился на уговоры инженеров: мол, только позавтракаете, отведаете мамалыги, и все. Избави Бог, какие песни, какие магнитофоны! Только мамалыга, кофе и очень старая, оригинальная квартира. И мы вошли в огромную залу старинного барского дома. На столе дымилась обещанная каша, по углам сидели незнакомцы, стояли гитары и магнитофоны «на взводе». Мы ели в полной тишине, прерываемой зубовым скрежетом Володи. Я дважды порывался увести его, не дать ход скандалу, уберечь его от нервов... Он твердо покачал головой: остаюсь. А незнакомцы нетерпеливо и холодно ждали. Их интересовал человек Высоцкий: это состоялся первый в моей жизни сеанс делячества коллекционеров. Володя глядел широким взором – иногда он так долго застыл глазами – то ли сквозь стену куда-то, то ли внутрь себя глядел. И, не меняя странного выражения, протянул руку, туда вошла гитара, он склонился к ней, чтобы сговориться с ее струнами. Спел несколько песен, встал и вышел, не прощаясь. На улице нас догнал приглашатель, без смущения извинился за то, что «так вышло». Володя уходил от него, не оборачиваясь на извинения. И я молчал, и он не комментировал. Володя поторопился к своим, раствориться в спокойном мужском товариществе, где он – человек и все – люди. А когда захочется – сам возьмет гитару и споет. По своему хотению. Что же было там, в холодном зале чужого дома? И почему он не ушел от несвободы, ведь так просто было уйти?

Сегодня мне кажется, что он видел гораздо дальше нас и жертвовал минутной горечью не для этих стяжателей-рвачей, а для тех, кто услышит его песни с магнитофонов потом, когда-нибудь потом...»

27 ноября, после долгого перерыва, вновь возобновились репетиции спектакля «Живой», где у Высоцкого роль Мотякова.

28 ноября Высоцкий вновь отправился в Куйбышев с концертами. Но, в отличие от майских гастролей, на этот раз под его выступления выделена самая просторная площадка – многотысячный Дворец спорта. Сопровождавший Высоцкого в этой поездке Павел Леонидов вспоминал: «На перроне куйбышевского вокзала, несмотря на гнусную погоду, – столпотворение. Оказалось, что выйти из вагона нельзя. Нельзя и все. Толпилась не только молодежь, толпились люди всех возрастов и, что удивительно, – масса пожилых женщин. Уж они-то почему? После я понял, что это матери погибших на войне не мужей, а сыновей, молодых мальчиков, помахавших мамам на прощание, думавших, что едут немножко пострелять. Извините меня, пожалуйста, за банальные слова, но без них нельзя, я такой неподдельной, всенародной любви, как тогда в Куйбышеве, больше никогда не видел...»

Концерт мы начали с опозданием на двадцать минут... Толпа требовала включения наружной трансляции Володиного концерта. Дежурный по обкому сдуру запретил, и в одну минуту среди мороза были разбиты все окна. Позвонили «первому» за город, трансляцию включили, между первым и вторым концертами окна заколотили фанерой...»

29 ноября, после концерта во Дворце спорта, Высоцкий дал домашний концерт у В. Климова. В нем прозвучали песни, которые в официальных концертах Высоцкий обычно не исполнял: «**Про плотника Иосифа**», «**Мама Мао Цзэдун...**», «**От скушных шабашей...**», «**Сижу ли я, пишу ли я...**», «**У нас вчера с позавчера...**» и др.

13 декабря Высоцкий прилетает в Одессу на съемки фильма «Служили два товарища». На следующий день он снимается в эпизоде «на палубе» с Романом Ткачуком. В тот же день улетает в Москву, а спустя сутки снова приезжает в Одессу для продолжения съемок. **16–17 декабря** Высоцкий снимается в эпизоде «в порту». Это там поручик Брусенцов пытается пройти на борт теплохода со своим конем Абреком, но коня не пускают. Брусенцов в последний раз целует четвероногого друга и взбегает по трапу на борт судна.

16 декабря Высоцкий подписывает письмо съемочной группы фильма «Интервенция» (23 человека) на имя Леонида Брежнева (письмо появилось после того, как руководство Госкино обвинило фильм в серьезных идеологических просчетах и собралось приостановить его съемки). Приведу лишь несколько отрывков из него: «Мы, артисты разных поколений, разных театров, объединенные работой по созданию фильма „Величие и падение дома Ксидиас“ (киностудия „Ленфильм“), убедительно просим Вашего личного вмешательства в определение судьбы нашей работы.

Над работой, в которую вложено огромное количество творческой энергии и государственных средств, нависла серьезная опасность. По воле людей недалекovidных могут свестись к нулю напряженные усилия большого количества творческих работников...

Фильму предъявлен ряд обвинений, которые, на наш взгляд, являются тенденциозными и необоснованными. Главные и основные из них:

а) революционные идеи дискредитируются гротесковой, буффонадной формой их подачи;

б) революционные идеи показаны с развлекательных позиций обывателей.

С подобными обвинениями мы категорически согласиться не можем и полагаем таковые для себя оскорбительными.

Мы считаем своим гражданским долгом советских артистов еще раз заявить, что подавляющее большинство фильмов на революционно-историческую тему проваливаются

в прокате. Это происходит по причине их скучной, непривлекательной, стереотипной художественной формы.

Но авторы подобных произведений довольно успешно прикрываются щитом социалистического реализма, не подозревая, что во время непримиримой идеологической борьбы их «стандарты» работают на руку идеологическим врагам, нанося удар самому направлению социалистического реализма.

Как советским гражданам и художникам, нам больно видеть пустые залы, где демонстрируются фильмы, изображающие дорогие для всех нас события...

Мы хотели, чтобы на наш фильм пришел массовый зритель, и мы решили возродить в своей работе принципы и приемы, рожденные революционным искусством первых лет Советской власти, которое само по себе уходило глубочайшими корнями в народные, балаганные, площадные представления...

Образы революционеров решены, в соответствии с гротесковым решением отрицательных персонажей, в условно-романтическом ключе, а центральный образ большевика Воронова – в героико-романтическом плане...

Леонид Ильич! Мы не утруждали бы Вас своим письмом, если бы не гордились результатами нашего труда, если бы не считали свое произведение гораздо полнее отвечающим художественным принципам социалистического реализма, чем десятки унылых фильмов на революционно-историческую тему, не заинтересовавших широкого зрителя...

В настоящий момент картина изуродована. И люди, малохудожественно образованные, глумятся над нашей работой.

Мы требуем восстановления авторского варианта. Мы просим Вас лично посмотреть фильм в этом варианте и, если это в Ваших силах и возможностях, принять для беседы некоторых членов нашего коллектива».

Время для письма было выбрано самое удачное – накануне Нового года, когда генсек, как и все граждане, пребывал в прекрасном расположении духа. Это сыграло свою роль – работу над фильмом разрешили продолжить.

Тем временем продолжают съемки фильма «Служили два товарища». **18 декабря** на борту теплохода снимали кульминацию – самоубийство Брусенцова. В шесть вечера Высоцкий самолетом покинул Одессу.

20 декабря Высоцкий с Золотухиным едут на «Красной стреле» в Ленинград. В дневнике Золотухина читаем: «Всю ночь в „Стреле“ болтали с Высоцким – ночь откровений, просветления, очищения.

– Любимов видит в Г. (Г. Полока) свои утраченные иллюзии. Он хотел так себя вести всю жизнь и не мог, потому что не имел на это права. Уважение силы. Он все время мечтал «переступить» и не мог, только мечтал. А Г., не мечтая, не думая, переступает и внушает уважение. Как хотелось Любимову быть таким! Психологический выверт – тут надо подумать, не совсем вышло так, как думалось. Думалось лучше.

Чудно играть смерть. Высоцкому страшно, а мне смешно, оттого, что не знаю, не умею и пытаюсь представить, изобразить. Глупость какая-то...»

В те дни в «Интервенции» снимали финальные кадры: Бродский схвачен и в тюремной камере досиживает последние часы перед казнью. Тюрьму снимали в 3-м павильоне «Ленфильма». В этом эпизоде Высоцкий и Юлия Буркина, игравшая соратницу Бродского по подполью, пели песню о «деревянных костюмах».

1968

Начало года Высоцкий встретил ударно: играл в спектаклях, снимался в кино. Так, уже **1 января** он участвовал в утреннем спектакле «Антимиры». О том, как ему, да и другим актерам, было тяжело играть этот спектакль, лучше не вспоминать.

3 января Высоцкий вышел на сцену родного театра в спектакле «Павшие и живые».

11–12 января на «Мосфильме» Высоцкий работал на съемочной площадке фильма «Служили два товарища». В мосфильмовском павильоне № 10, в декорации «гостиница „Париж“ в Севастополе», снимался эпизод, где Брусенцов, застрелив по ошибке своего приятеля, молоденького адъютанта генерала Миронова Сережку Лукашевича (эту сцену снимут позже), беседует с врачом Сашенькой (Ия Саввина). В эти же два дня Высоцкий усиленно репетировал будущий эпизод – с конем Абреком. Конь попался покладистый, и больших трудностей в общении с ним у актера не возникало.

11 января появилась одна из первых обширных публикаций о песенном творчестве Высоцкого, которая когда-либо выходила на просторах необъятной страны. Статья называлась «Толпа послушна звонким фразам...», была опубликована во владивостокской газетой «Ленинец» и принадлежала перу Владимира Попова. Приведу лишь некоторые отрывки из этой обширной публикации: «В последнее время на „длинной дистанции“ династии „трагических клоунов“ выделился новый лидер – Владимир Высоцкий. Современный уровень развития техники магнитофонной записи позволил ему достичь такого уровня популярности, о котором даже и не мечтали ни Саша Черный, ни Игорь Северянин...

В своих лучших песнях Высоцкому иногда удается, изложив довольно сложные проблемы предельно простым способом, достичь тонкой иронии над обывателем, издевки над стереотипами мышления. К сожалению, это получается у Высоцкого очень редко, значительно чаще он просто впадает в плоский примитивизм, усиливая его своей всеобщей стилевой эклектикой и дилетантизмом. («Если б водка была на одного», «Христос», «Зачем мне считаться шпаной» и др.).

Некоторые его поклонники считают, что Высоцкому удастся затронуть в душе человека какие-то особые струны, которые до него никто не смог заставить зазвучать. Возможно, в этих словах есть доля правды. Но, с одной стороны, человеческая душа пока еще не сладкозвучная арфа, все струны которой поют высоко и благородно. А с другой стороны, популярность Высоцкого определяется тем, что сейчас наши поэты-песенники переживают известный кризис, а святое место массовой песни никогда не бывает пусто. Вспомним хотя бы печально знаменитые «Ландыши» и «Мишку» – они тоже претендовали на исключительную популярность, но с появлением действительно хороших песен канули в неизвестность. Вернее всего, именно такая судьба ожидает и песни Высоцкого. Следует отметить, что некоторые песни коллег Высоцкого по жанру значительно интереснее и оригинальнее. Это «Париж», «Клоун» Ю. Кукина, большинство песен Б. Окуджавы, некоторые песни Ю. Кима и Ю. Визбора. Они намного интеллигентнее, тщательнее отделаны, и им обеспечена более долгая жизнь...

Ведь всерьез как поэзию песен Высоцкого не принимает никто, даже самые ярые сторонники.

Его песни и не могут быть поэзией: все они убийственно однообразны. И однообразны не формой, а своим содержанием, внутренним наполнением.

И если они получили популярность, то остается только посочувствовать эстетическим вкусам аудитории, испытывающей восторг при исполнении песен Высоцкого...»

19 января съемки с Высоцким продолжились. В тот день в той же декорации сняли следующие сцены: приятель Брусенцова Сашка Лукашевич (Николай Бурляев) поднимается

к нему в номер и, шутки ради, врывается туда с криком «Руки вверх!», держа в руках... зажигалку в форме пистолета; Брусенцов выхватывает из-под подушки револьвер и стреляет в приятеля; Брусенцов беседует с Сашенькой. Вечером того же дня Высоцкий дал концерт в МГУ, на химическом факультете. **21-го** состоялся еще один его концерт – в столичном НИКФИ.

22 января съемки «Товарищей» продолжились. Сняли следующие эпизоды: Сашка Лукашевич идет по коридору гостиницы; Брусенцов лежит в постели с девицей. **23-го** был отснят эпизод, где Брусенцова берут под домашний арест.

24 января Высоцкий съездил в Ленинград, где продолжалась работа над фильмом «Интервенция». В тот день на «Ленфильме» были отсняты крупные планы Высоцкого и Булыгиной из эпизода «в тюрьме».

25 января Высоцкому стукнуло 30 лет, и по этому случаю в Театре на Таганке был устроен роскошный междусобойчик (после спектакля «Добрый человек из Сезуана»), на который собралась чуть ли не вся труппа. Высоцкий, который вот уже несколько месяцев был в «завязке», здесь вдруг взял да и «развязал». Причина нашлась банальная: кто-то нашептал Высоцкому, что после того как он «завязал», он превратился в стяжателя, стал хуже писать. И он в это поверил.

На следующий день с утра Высоцкому еще хватило сил съездить на «Мосфильм» и закончить съемки в декорации «гостиница „Париж“», но сразу после них он себя уже не сдерживал. И на вечерний спектакль „Павшие и живые““ заявился в театр чуть ли не „на бровях“. Как вспоминает работник театра А. Меньшиков: «**26 января** Высоцкий пришел на «Павшие и живые» не в форме (в спектакле он играл Чаплина и Гитлера). Я остался посмотреть спектакль и вдруг вижу, что Высоцкий какой-то не такой... Он вышел в костюме Чаплина, но шел не чаплинской походкой. Начал говорить текст, говорил его правильно... Но потом стал повторяться. Три раза он бормотал одно и то же. Зрители недоумевали, но слушали внимательно, мало ли что... В третий раз Володя текст недоговорил... Смехов махнул рукой: «Музыка!» И стал напирать на Высоцкого гитлеровский плащ. Прямо на сцене ему рисовали челку и усики, и начинался текст на немецком языке, который Володя придумал сам... Но тут он снова начал говорить что-то не то... До этого я никогда не видел Высоцкого в таком состоянии, но тут догадался. Побежал за кулисы. Высоцкий уже исчез. Помню, что плакала Нина Славина... Золотухин так переживал, что на сцене не допел до конца свою песню... В общем, для всех это было шоком! Я уже довольно давно работаю актером и знаю, что когда на сцене выпивший актер, то за кулисами это воспринимается подчас как цирк. Все почему-то веселятся, комментируют. А здесь все были в отчаянии...»

Любимов отстранил Высоцкого от ближайших спектаклей, но на репрессиях не настаивал. **29 января**, по причине болезни Высоцкого, была отменена съемка в «Служили два товарища» – там должны были снимать разговор Брусенцова в блиндаже. К слову, срыв Высоцкого породил целую эпидемию срывов и у других участников съемок: спустя несколько дней из-за любви к «зеленому змию» не явились на съемки режиссер фильма Евгений Карелов и актер Ролан Быков.

1 февраля В. Золотухин записал в своем дневнике следующие строчки: «Запил Высоцкий – это трагедия. Надо видеть, во что превратился этот подтянутый и почти всегда бодрый артист. Не идет в больницу, очевидно, напуган: первый раз он лежал в буйном отделении и насмотрелся. А пока он сам не захочет, его не положат...»

И все же **2 февраля** родные уговаривают Высоцкого лечь в «Соловьевку». В театр на спектакли его возят оттуда на служебной машине. С Золотухиным отношения у него разладились: кто-то из завистников нашептал ему, будто Золотухин заявил, что ему одно противно – играть вместо Высоцкого с больной ногой. Однако чуть позже недоразумение между друзьями будет улажено.

7 февраля Высоцкий вновь объявился на съемочной площадке фильма «Служили два товарища». В тот день прошли досъемки его эпизодов в декорациях «гостиница „Париж“ и „блиндаж“.

11 февраля Высоцкий играл в «Антимирах» и «Павших и живых», **12-го** – в «Пугачеве», **13-го** – в «Жизни Галилея», **15-го** – в «Десяти днях...», **16-го и 19-го** – в «Пугачеве».

19 февраля по ТВ показывают фильм «Живые и мертвые», где у Высоцкого всего лишь коротенький эпизод – веселый солдат в грузовике. Этот показ Высоцкий наверняка не видел: в тот день, после «Пугачева», он вместе с Золотухиным едет в Ленинград на озвучку «Интервенции».

21 февраля Высоцкий снова выходит на съемочную площадку фильма «Служили два товарища»: в тот день сняли эпизод «в блиндаже», где Брусенцов прибывает на фронт и представляется полковнику (Р. Янковский), после чего советует направить прожектора на Сиваш. Но полковник поначалу его осаживает – дескать, каждый поручик метит в Бонапарты, – но затем все-таки отдает такую команду.

24 февраля Высоцкий играет в «Послушайте!».

В этот же день в дневнике В. Золотухина появляется запись следующего содержания: «Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет. Буду сам себя кормить, чтоб не зависеть ни от чьего бзика. Теща отделилась по своей воле. А мне надоела временная жена, жена на один день. Я сам себе буду и жена, и мать, и кум, и сват. Не буду приезжать на обед, буду кормиться на стороне и отдыхать между репетициями и спектаклями в театре.

Высоцкий смеется:

– Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу тебя в русскую кухню: блины, пельмени и пр.»

25 февраля Высоцкий играет в «Павших и живых» и в «Пугачеве», **26-го** – в «Десяти днях...»

27 февраля Высоцкий вновь снимается в «Товарищах» – в эпизоде «блиндаж»: сняли второе появление Брусенцова в блиндаже, когда полковник, отбросив спесь, советуется с ним, что делать дальше. В тот день съемки этого объекта были завершены.

28 февраля на Таганке шли «Десять дней, которые потрясли мир».

1 марта приступили к съемкам другого эпизода – «в каюте». Это там поручик Брусенцов объясняется Сашеньке в любви и требует, чтобы она вышла за него замуж. **4 марта** съемки эпизода были продолжены. На следующий день сняли постельную сцену – Брусенцов и Сашенька лежат в постели и мило беседуют. Из окончательного варианта фильма эту сцену вырежут по причине ее «непристойности».

Вечером **5 марта** Высоцкий играл в «Жизни Галилея», а на следующий день отправился в Ленинград, чтобы посмотреть смонтированную «Интервенцию». Попутно он дал концерт в ДК пищевиков, после которого сильно поспорил со своим школьным товарищем и оператором «Интервенции» Евгением Мезенцевым. Последний вспоминает: «Я жил рядом с этим ДК, мы с Володиной сначала зашли ко мне, а потом пошли на концерт. Там была обычная картина: толпа, милиция. Мы еле прошли, я устроился где-то на балконе. Толпа свистела, орала; изгнала со сцены каких-то певцов, которые тоже должны были в этот вечер здесь выступать. Потом пел Володя: неплохо, но не „ах“, и когда мы вышли на улицу, я сказал:

– Володя, ты что-то тут недорабатываешь. Нельзя же быть кумиром толпы!..

Володя очень обиделся, и после этого разговора мы с ним надолго разошлись...»

Вернувшись в Москву, Высоцкий сразу бросился к Золотухину и наговорил ему кучу комплиментов: мол, ты идешь в ленте первым номером, играешь великолепно и все такое прочее. Золотухин был польщен.

Спустя несколько дней наступила очередь уже Золотухину говорить Высоцкому комплименты. Высоцкий дал прочитать другу свой прозаический дебют – рассказ «Репортаж из сумасшедшего дома» (идея его написания пришла к Высоцкому во время пребывания в «Соловьевке») – и Золотухину прочитанное понравилось. О чем он тут же и сообщил автору.

7 марта Высоцкий дал концерт в ленинградском учреждении «Энергосетьпроект». Были исполнены следующие песни: «**Вот разошлись пути-дороги вдруг...**», «**Всего один мотив...**», «**Их восемь – нас двое...**», «**На стол колоду, господа...**», «**Марш аквалангистов**», «**Сколько чудес за туманами кроется**», «**Песня самолета-истребителя**» и др.

8 марта можно смело назвать днем Владимира Высоцкого на ТВ. В тот праздничный день по «ящику» показали сразу два фильма с участием Высоцкого: «Стряпуха» (10.30) и «Саша-Сашенька» (21.15). И хотя сам артист считал роли в этих фильмах своим актерским недоразумением (в обоих его даже озвучивали другие актеры), однако это событие все равно можно считать неординарным – фильмы с участием Высоцкого в те годы по ТВ крутили крайне редко.

12 марта с Высоцким случается новый конфуз. На днях ему предложили написать несколько песен для пектакля Театра сатиры «Поживем дальше, увидим больше», и он соглашается. Однако на читку пьесы приходит подшофе. В процессе чтения Высоцкого так развезло, что дочитать до конца текст он уже не может. Валентин Плучек отбирает у него текст и дочитывает его сам.

Вечером Высоцкий уже «в норме» и играет Хлопушу в «Пугачеве».

13 марта Высоцкий улетает в Архангельск, куда его пригласил старый друг его отца командующий Архангельским гарнизоном генерал-лейтенант Ф. Бондаренко. На постой гость остановился в общежитии обкома комсомола. И в тот же день вечером, в 20.00, состоялся его первый концерт в АЛТИ. На следующий день он уже выступал в другом месте – дал три концерта в Доме офицеров. Как гласит легенда, один из этих концертов был прерван где-то на середине. Вроде бы Высоцкий позволил себе выругаться матом (в строчке «...мне и на фиг не нужна чужая граница» вместо «фиг» сказал слово покрепче), и выступление было прервано.

15 марта Высоцкий уже в Москве – играет в «Десяти днях...».

16 марта в главной газете страны «Правде» было опубликовано короткое сообщение о съемках фильма «Сюжет для небольшого рассказа». На фотографии, сопутствующей заметке, была запечатлена Марина Влади в роскошной белой шубе в окружении двух известных советских актеров: Юрия Яковлева и Николая Гринько.

18 марта Высоцкий играет Маяковского в «Послушайте!».

20 марта Высоцкий учудил уже в родном театре: явился нетрезвым на «Десять дней...». Директор театра Николай Дупак запретил ему выходить на сцену, и Любимов назначил вместо Высоцкого Золотухина. А того будто черт дернул за язык сказать: «Буду играть только за 100 рублей». Это была шутка, но многие расценили это как предательство. Высоцкий стал срывать с себя костюм Керенского: «Я ухожу... Отстаньте от меня...» Золотухин бросился за другом, а тот у самого выхода его буквально ошарашил: показал ему записку, где черным по белому было написано: «В моей смерти прошу никого не винить!..» К счастью, у Высоцкого это был всего лишь секундный порыв отчаяния: на следующий день он уже протрезвел и улетел с концертами в Куйбышев.

Между тем в театре его отъезд был расценен как издевательство. Вместо того чтобы прийти и покаяться за вчерашнее, он, видите ли, вздумал концерты давать. **22 марта** в театре был вывешен приказ об увольнении Высоцкого по статье 47 КЗоТ. Перед этим Золотухин ходил к Дупаку, чуть ли не в коленях у него валялся, умоляя не вешать приказ до появления Высоцкого, но директор и слышать ничего об этом не хотел. «Вот он у меня уже где! – резанул себя ладонью по горлу Дупак. – Хватит с ним нянчиться, хватит!»

23 марта Высоцкий объявился в Магадане. Попал он туда случайно: ждал в аэропорту самолет на Одессу, чтобы продолжить там съемки в «Служили два товарища», но, как пелось в его же знаменитой песне «Москва – Одесса», «опять не выпускают самолет». А вот на Магадан самолет почему-то пустили. Вот Высоцкий и улетел туда, благо в Магадане у него и друг закадычный имелся – Игорь Кохановский. Он работал в газете «Магаданский комсомолец», куда Высоцкий первым делом и направился. Но друга на месте не оказалось. Тогда кто-то из сотрудников дал Высоцкому домашний телефон Н. Кошелевой, которая могла знать, где находится Кохановский. И та действительно помогла – разыскала Игоря. Вечером того же дня у него в доме Высоцкий пел для доброго десятка человек. Пел всю ночь. А утром друзья отправились гулять по Магадану, зашли в редакцию того же «Магаданского комсомольца». Потом они хотели найти какой-нибудь залычик, где Высоцкий мог бы выступить с концертом (очень деньги были нужны), но ни одна организация пустить к себе Высоцкого не захотела – все испугались возможного гнева властей. А вечером Высоцкому сообщили, что в городской Театр имени Горького из Одессы пришла срочная телеграмма, где его срочно просили вылететь на съемки. Но как вылететь, если денег на билет у Высоцкого не было? Выручили магаданские товарищи – сложились по чуть-чуть и вожделенный билет купили. Но прежде чем улететь, Высоцкий успел дать еще один концерт – на квартире у Н. Кошелевой. По словам ее мужа Виктора: «Все знали, что после ужина Владимир Семенович улетает. Было грустновато, простыл и след от вчерашнего безудержного веселья, хохота, шуток... Сначала пел Кохановский, потом гитару взял Высоцкий. Спел песни Кохановского „Бабые лето“, „Как у Волги иволга“, затем читал стихи – Есенина, Шекспира, Вознесенского...»

На съемочной площадке фильма «Служили два товарища» Высоцкий объявился **24 марта**. В тот день в одном из павильонов Одесской киностудии был доснята постельная сцена в эпизоде «в каюте» (Брусенцов ночует у Сашеньки). А **25 марта** съемки были перенесены в порт: там сняли эпизод, где у Брусенцова хотят отнять Абрека, а он защищает его с такой яростью, что отниматели в панике разбегаются. В этой сцене Высоцкий выглядел очень убедительно: разозленный последними событиями в театре, он с такой яростью размахивал плетью, что режиссер был просто счастлив, отсняв эпизод чуть ли не с первого дубля.

26 марта съемки в порту продолжились: сняли сцену, где Брусенцов и Сашенька пробиваются сквозь толпу к пароходу. В тот же день сняли трюковой эпизод: падение Брусенцова в воду. Причем поначалу в планах режиссера было, что вместо Высоцкого в воду будет падать дублер, но актер настоял: только я! И после каждого падения его растирали спиртом, что Высоцкому нравилось больше всего.

28 марта, отснявшись в очередном эпизоде «в порту», Высоцкий улетел в Москву. Там его поджидали плохие новости. На Галилея вместо него приглашен Николай Губенко, готовятся замены и в другие спектакли с его участием. Кажется, приказ об увольнении – не шутка.

Утром **27 марта 1968 года** в дождливом московском поднебесье нашел свою погибель первый космонавт Земли Юрий Гагарин. Вместе с ним в испытательном самолете погиб летчик Серегин. Официальная версия гласила, что авария произошла из-за неисправности самолета. Но в народе упорно ходили слухи о том, что летчики погибли по пьянке. Сегодня уже трудно определить первоисточник возникновения этого слуха, но держался он довольно долго и стойко и, может быть, специально распространялся теми, кто хотел оставить в тайне истинную причину этой трагедии. Через четыре года после гибели Ю. Гагарина Владимир Высоцкий посвятил ему стихотворение:

Я первый смерил жизнь обратным счетом.
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом

И задымилась, поры разрядив.
Я затаился, и затих, и замер,
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг...

Тем временем друзья Высоцкого предпринимают очередные шаги по его спасению. **31 марта** Золотухин и еще несколько актеров Таганки были у его отца, пытались выработать вместе с ним план совместных действий. План такой: уговорить Высоцкого принять амбулаторное лечение у профессора Рябоконя. Высоцкий на это предложение соглашается: по нему лучше Рябоконь, чем ненавистная «Соловьевка». К тому же Рябоконь – единственный шанс не вылететь из театра.

Я лежу в изоляторе —
Здесь кругом резонаторы, —
Если что-то случается —
Тут же врач появляется...
У них лапы косматые,
у них рожи усатые,
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали...

2 апреля Высоцкий принял первый сеанс лечения. Еле живого его отвез из клиники домой Вениамин Смехов. К вечеру Высоцкий уже оклемался и всю шутил с коллегами, обсуждая перипетии утреннего сеанса. Шутки не вышли боком: спустя несколько дней администрация Таганки согласилась оставить Высоцкого в труппе. Правда, его заставили подписать договор с разного рода унижительными поправками. **9 апреля** состоялся первый выход Высоцкого на сцену театра после длительного перерыва: он играл Маяковского в «Послушайте!». **14-го** он уже играл Галилея. И снова – буря оваций, рукопожатия, тюльпаны. А вот другая роль – Мотяков в спектакле «Живой» – от Высоцкого в те дни уплыла – его с нее сняли в приказном порядке.

14 апреля Высоцкий играет в «Жизни Галилея».

16 апреля Высоцкий вышел на съемочную площадку фильма «Служили два товарища». Съемочная группа уже вернулась в столицу, и на «Мосфильме» в тот день сняли эпизод, где Брусенцов и Сашенька венчаются в храме. Съемки шли с половины восьмого утра до пяти вечера. **22–23 апреля** были сняты крупные планы Высоцкого и Саввиной для эпизода «в храме». На этом съемки фильма были благополучно завершены.

Вечером того же дня Высоцкий играл в «Пугачеве».

А Театр на Таганке, между тем, лихорадит. **23 апреля**, вместо отмечаемая четвертой годовщины, Юрию Любимову приходится идти на городскую конференцию театрального актива, которая проходит в помещении Театра имени Ленинского комсомола. Там ему вставляют по первое число за его упорство в постановке «чуждого социалистическому искусству» спектакля «Живой». **28 апреля** на Таганке проходит собрание коллектива, который единогласно выражает доверие своему руководителю.

26 апреля фильм «Служили два товарища» смотрела генеральная дирекция «Мосфильма». Нареканий не было, кроме одного: было приказано вырезать постельную сцену с Брусенцовым и Сашенькой.

1 мая, сразу после спектакля, Смехов пригласил к себе домой Высоцкого и Золотухина. Однако настроение у гостей отнюдь не праздничное. Как пишет Золотухин: «Грустно.

Некоммуникабельность. Люся (жена Высоцкого. – Ф. Р.) очень изменилась, нервная, подозрительная. Сплетни о Высоцком: застрелился, последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился.

Звонок:

– Вы еще живы? А я слышала, вы повесились.

– Нет, я вскрыл себе вены.

– Какой у вас красивый голос, спойте что-нибудь, пожалуйста...»

2 мая Высоцкий играет в «Павших и живых» роль Кульчицкого. **7-го и 16-го** выходит на сцену в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир».

22 мая Высоцкий в компании со своей женой отправился в Киев, чтобы на тамошней Киностудии имени Довженко записать к фильму «Карантин» песню «**Давно смолкли залпы орудий**». Вечером того же дня они были в гостях у руководителя местной печати Г. Лубенца, где Высоцкий дал домашний концерт. Там Высоцкий так перебрал, что наутро не сумел подняться. И Людмила Абрамова улетела в Москву одна. Спустя несколько часов Высоцкий пришел-таки в норму, сел в самолет и успел на вечерний спектакль «Послушайте!».

Два дня спустя он отправился в Ленинград, чтобы увидеть перезапись «Интервенции» (фильм буквально замордовали поправками). Увиденное его расстроило: цензоры заставили Полоку вырезать многие эпизоды с его участием. Уже в Москве Высоцкий жаловался Золотухину: «Нету меня в картине, нету – все вырезали! Так надеялся я на этот фильм, так надеялся!» «А фильм-то получился?» – спросил Золотухин. «Конечно, получился. И Полока говорит, что все в порядке. А Высоцкого нету». Эх, знал бы Высоцкий, какие неприятности ждут его в скором будущем...

27 мая Высоцкий играет в «Десяти днях...», **28-го** – в «Павших и живых», **30-го** – в «Жизни Галилея». После чего угодил в люблинскую больницу. Там его застал выход зубодробительной заметки о нем в газете «Советская Россия» (**31 мая**). В заголовок ее была вынесена строчка из его песни – «Если друг оказался вдруг...». Авторы публикации, некие Потапенко и Черняев, комментировали недавние гастроли Высоцкого в Куйбышеве и при этом оскорбительных эпитетов не жалели. Так и заявляли, что вместо горячо любимых народом песен из фильма «Вертикаль» Высоцкий исполнял песни, которые обычно крутят на магнитофоне во время разного рода пьянок и вечеринок.

Высоцкий продолжает находиться в больнице и на спектакли ездит оттуда. Так, **4 июня** он участвовал сразу в двух представлениях: «Антимиры» и «Павшие и живые».

5 июня в Госкино СССР смотрели «Интервенцию». Высоцкий тоже там был, причем не один, а со своей супругой. Обсуждение, которое состоялось сразу после просмотра, супругов обнадежило: фильм если и критиковали, так только малость. Во всяком случае, «Короткие встречи» долбали куда круче, а он в прокат все-таки вышел. Пусть и малым экраном.

9 июня Высоцкий играет в «Пугачеве». Играет на пределе своих сил и возможностей, поскольку за несколько часов до представления получил очередную публичную оплеуху. В тот день все в той же «Советской России» была опубликована очередная неллицеприятная публикация о нем. Название у нее было хлесткое – «О чем поет Высоцкий», и авторов опять двое: преподаватель консультационного пункта Госинститута культуры города Саратова Г. Мушта и журналист А. Бондарюк. Судя по тексту, с творчеством Высоцкого оба автора были знакомы понаслышке, иначе не приписали бы ему две чужие песни – одну Кукина, другую – Визбора. Но и в той части, где речь шла о песнях Высоцкого, у них тоже было перевернуто все с ног на голову. Приведу лишь несколько отрывков из статьи: «Мы очень внимательно прослушали, например, многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными. Скажем прямо: те песни, которые он поет с эстрады, у нас сомнения не вызывают, и не о них мы хотим говорить. Есть у этого актера песни другие, которые он исполняет только для „избранных“. В них под видом

искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью („Ну, ничего, я им создам уют, живо он квартиру обменяет...“).

Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: «Ради справедливости и только». Но на поверку оказывается, что эта справедливость – клевета на нашу действительность. У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину... Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется за ним». И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью...

Все это совсем не так наивно, как может показаться на первый взгляд: ржавчина не вдруг поражает металл, а исподволь, незаметно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чужие взгляды. Сначала это просто сочувствие преступникам на том основании, что они тоже люди. Сначала – вроде шутя о милиции, которая «заламывает руки» и «с размаху бросает больного», а потом возникает недовольство законом, правосудием.

«Различие между ядами вещественными и умственными, – писал Лев Толстой, – в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные... к несчастью, часто привлекательны».

Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого. Но вдумайтесь в текст, и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью.

Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса».

Высоцкий принял статью близко к сердцу, хотя его приятель Кохановский и сообщил ему, что никаких оргвыводов она не повлечет: один его знакомый, работавший в «Совраске», по секрету сказал, что Высоцкого велено «только припугнуть». Но Высоцкий-то знал, что такие публикации бесследно не проходят. Поэтому без ответа это дело решил не оставлять и стал обдумывать письмо в свою защиту.

10 июня Высоцкий вместе с Золотухиным пробовался на главные роли в картину «Хозяин тайги», которую на «Мосфильме» собирался снимать Владимир Назаров. Золотухину предстояло сыграть роль участкового милиционера Сережкина, Высоцкому его антипода – бригадира сплавщиков с криминальным прошлым Николаева. Пробы проходили в 13-м павильоне с 11.00 до 23.50.

11 июня Высоцкий в очередной раз лег в больницу. Выписался он **15-го** и предстал перед коллегами не в лучшем виде – сильно похудевшим. Однако на следующий день уже вышел на сцену Таганки в спектакле «Жизнь Галилея». После чего пару дней отлеживался дома. А по его души повадились приходить ходоки аж из других концов страны, обеспокоенные очередными слухами, что Высоцкого посадили, он повесился, утопился. Вот как об этом вспоминает А. Чердынин:

«Володя жил тогда с Ниной Максимовной на улице Телевидения в экспериментальной пятиэтажке, у них там было что-то вроде кондиционера... Однажды звонит Нина Максимовна и просит, чтобы я посидел с Володей. Приезжаю к ним... Вдруг звонок. Открываю – два человека. Один у двери, второй – ниже, на лестнице.

– Здесь живет Высоцкий?

– А в чем дело, ребята?

– Мы сами с Дальнего Востока, нас ребята делегировали... Просили узнать, как дела у Высоцкого. А то у нас ходят слухи, что его посадили...

– Да нет, ребята... Я вам точно говорю, что все в порядке...

Они не верят... А у Володи на столе лежала кipa свежих фотографий...

– Ну ладно, подождите... Вот смотрите – это снимали неделю назад... А это возьмите себе.

– Ну хорошо. А вот это передайте Высоцкому.

И подают довольно большой пакет.

Володя проснулся, мы развернули пакет—там оказалась семга...»

16 июня по Высоцкому снова ударила центральная пресса. На этот раз это была «Комсомольская правда», в которой была опубликована статья «Что за песней», где Высоцкому ставились в вину песни «блатного цикла» (правда, в заметке не упоминалось его имя, но большинство читателей прекрасно поняли, о ком идет речь, поскольку песни Высоцкого у многих были на слуху).

18 июня на ЦТ состоялась премьера фильма «Я родом из детства» (повтор утром **21-го**). Впервые с голубого экрана звучал голос Высоцкого, исполнявшего свои собственные песни.

В среду, **19 июня**, Высоцкий, Золотухин и Кохановский отправились в Ленинград смотреть «Интервенцию». Для Высоцкого это уже не первый просмотр, но он так влюблен в эту картину, что готов ее смотреть бесконечно.

Тем временем подходит к концу подготовительный период по фильму «Хозяин тайги». Практически все исполнители на главные роли уже выбраны, и только актера на роль бригадира сплавщиков Николаева нет. Сам режиссер фильма Назаров хочет снимать Высоцкого, но руководство студии против, напуганное статьями в «Советской России» и «Комсомольской правде». Тогда Назаров решил использовать последний шанс – отправился за поддержкой в райком партии, к его секретарю Шабанову. Тот сказал кучу лестных слов про Золотухина, но когда речь зашла о Высоцком, буквально изменился в лице. И сказал уже диаметрально противоположное: «Высоцкий – это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна. Он может подвести вас, взять и просто куда-нибудь уехать. Он на Таганке поступает так чуть ли не ежедневно. Вы этого хотите? Вот почему я не рекомендую вам брать Высоцкого». Но Назаров стоял на своем: «Я вам обещаю, что в моей картине Высоцкий будет вести себя нормально. Ведь сумел же он продержаться на „Вертикали“. Вот и у меня будет ходить как шелковый...»

Новость о том, что их тандем в «Хозяине тайги» утвержден, Высоцкий и Золотухин узнали **20 июня**, когда вернулись в Москву.

23 июня Высоцкий играл в «Антимирах» и «Пугачеве».

24 июня он написал письмо в ЦК КПСС, в котором попытался защитить свое честное имя, так беззастенчиво обогнанное со страниц сразу двух печатных изданий – «Советской России» и «Комсомольской правды». Письмо адресовалось руководителю отдела агитации и пропаганды ЦК В. Степакову. Вот его полный текст:

«Уважаемый Владимир Ильич!

За последнее время в нашей печати появились материалы, которые прямо или косвенно касаются моего творчества. Я имею в виду песни. 9 июня с. г. в газете «Советская Россия» напечатана статья, озаглавленная «О чем поет Высоцкий». Я не берусь спорить с авторами статьи об оценке моих песен. Это дело их вкуса, а также дело редакции. Тем более я не собираюсь оправдываться, ибо мои песни могут нравиться или не нравиться, как и любое другое произведение. Мне бы хотелось только указать на ряд, мягко говоря, неточностей. В статье указывается, что в «программной песне „Я – старый сказочник“ – Высоцкий говорит: „Я не несу с собой ни зла, ни ласки, я сам себе рассказываю сказки“, и далее говорится, что, дескать, как раз зла-то много». Может быть, это и так, но я не знаю этой песни, потому что она мне не принадлежит.

Автор обвиняет меня в том, что я издеваюсь над завоеваниями нашего народа, иначе как расценить песню, поющуюся от имени технолога Петухова: «Зачем мы делаем

ракеты...» и т. д. Обвинение очень серьезно, но оно опять не по адресу, ибо эта песня не моя. Обе эти песни я никогда не исполнял ни с эстрады, ни в компаниях.

В-третьих, авторами указывается, что у меня не нашлось слов, чтобы написать о героях войны, и я будто бы написал о штрафниках как о единственных защитниках Родины. Это — неправда. И прежде чем писать и печатать статью, авторы и редакция могли бы выяснить, что мною написано много песен о войне, о павших бойцах, о подводниках и летчиках. Песни эти звучали в фильмах, в спектаклях и исполнялись мною с эстрады.

И, наконец, мои песни, к которым предъявляются претензии, написаны 6–7 лет назад и исполнялись в обществе моих друзей как шутки. Последние годы я не пою этих песен. Мне кажется, что такая серьезная редакция, как «Советская Россия», должна была бы сначала проверить факты, а затем уже печатать материалы.

В статье от 31 мая с. г. в той же газете «Советская Россия» под заголовком «Если друг оказался вдруг» напечатана статья о молодежном клубе г. Куйбышева. Название статьи — это строка из моей песни «О друге». И опять авторы говорят о моем прошлогоднем выступлении в г. Куйбышеве, организованном клубом. Они пишут, что зрители пришли на 2 моих концерта не затем, чтобы послушать хорошие песни из фильма «Вертикаль» и других, которые я исполнял в концертах, а затем, чтобы услышать песни, которые крутят на магнитофоне на пьянках и вечеринках. На обоих концертах было около 14 тысяч человек, а заявок около сорока тысяч. Так неужели же 40 тысяч человек пришли за этими песнями. Я видел в зале лица всех возрастов, разговаривал и с рабочими, и со студентами, и с пенсионерами — и все они пришли слушать именно те песни, которые я пел. Странное ощущение у авторов к труженикам города Куйбышева.

И, наконец, статья в газете «Комсомольская правда» от 16 июня с. г., где не упоминается моя фамилия, но упоминаются мои песни. Могу только сказать, что все песни, приведенные в этой статье, озаглавленной «Что за песней», написаны 7–8 лет назад. В статье говорится, что даже почитатели мои осудили эти песни. Ну что же, мне остается только радоваться, ибо я этих песен никогда не пел с эстрады и не пою даже друзьям уже несколько лет.

Во всех этих выступлениях сквозит одна мысль, что мои песни, повторяю — речь идет о старых, тысячекратно переписанных, исковерканных, старых записях, что эти песни вредны, особенно молодежи. Почему же ни в одной из статей не говорится о песнях последних трех лет? Я получаю огромное количество писем и абсолютно ответственно заявляю, что именно эти последние нравятся и полюбились молодежи.

И, наконец, почему во всех этих выступлениях говорится о магнитофонных записях? Я знаю сам очень много записей, которые приписываются мне и которые мне не принадлежат. Сам я записей не распространяю, не имею магнитофона, а следить за тем, чтобы они не расходились, у меня нет возможности. Мне кажется, что эти статьи создают нездоровый ажиотаж вокруг моей фамилии и в них подчас — тенденциозность и необъективность, а также частый вымысел. Убедительно прошу не оставить без ответа это письмо и дать возможность выступить на страницах печати. В. Высоцкий».

В тот же день Высоцкий лично отвез письмо на Старую площадь, но в окошке регистрации его буквально убили новостью, что ответ придет... в течение месяца. Да за месяц его успеют еще раз двадцать с грязью смешать!

Тем временем вот уже месяц в Москве находится Марина Влади — она снимается на «Мосфильме» в картине Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа» в роли возлюбленной А. Чехова Лики Мизиновой. Влади приехала в Москву не одна, а привезла с собой маму и трех сыновей, которых сразу пристроила в пионерский лагерь. После расставания с Аврамом Влади уже успела оправиться, сердце ее было свободно, и ухаживания Высоцкого уже не вызывали у нее снисходительную улыбку, как это было год назад. Однако из-за напряженного графика съемок видаться с Высоцким дольше, чем ей хотелось бы, возмож-

ности пока нет. Но **19 июня** исполнитель роли Чехова Николай Гринько слег на две недели, и в съемках наступил простой. Именно тогда Высоцкий и Влади смогли выкроить время для общения. Оно произошло в гостинице «Советская», где Влади жила вдвоем со своей матерью. В первые минуты новый ухажер дочери матери не показался (у Влади бывали кавалеры и покруче), но после нескольких минут общения с Высоцким пожилая женщина поняла – у этого кавалера вся его сила кроется не во внешности. Между тем ни жена артиста, ни его любовница Татьяна про эту встречу ничего не ведали.

29 июня Высоцкий играет в «Павших и живых», **30-го** – в «Пугачеве» и «Десяти днях...».

1 июля Высоцкий вновь играл в двух спектаклях: «Павшие и живые» и «Антимиры».

2 июля на «Мосфильме» начались съемки «Хозяина тайги». Начались без Высоцкого, но не из-за запрета верхов – просто эпизоды с его участием начнут снимать чуть позже. А пока снимали Золотухина из начала фильма: Сережкин и его жена спят в собственной избе.

2 июля Высоцкий был занят в «Послушайте!».

5 июля стало первым днем работы Высоцкого в «Хозяине тайги». С 12 дня до 9 вечера в 6-м павильоне главной студии страны прошло освоение декорации «изба Семенихи». Помимо Высоцкого на съемочной площадке в тот день работали: Валерий Золотухин, Дмитрий Масанов, Эдуард Бредун, Михаил Кокшенов и др.

6 июля Высоцкий играл в «Павших и живых» и «Антимирах». В тот же день артистам Таганки сделали противостолбнячные уколы, и хуже всех укол перенес Высоцкий. Как пишет В. Золотухин: «Когда вышел из машины перед театром, я его (Высоцкого) испугался – бледный, с закатывающимися глазами, руки трясутся, сам качается. „В машине, – говорит, – потерял сознание. Аллергия“. Меня пока пронесло...»

7 июля Высоцкий был занят в спектаклях «Антимиры» и «Послушайте!».

В этот же день в «Тюменской правде» появилась статья за подписью второго секретаря Тюменского горкома ВЛКСМ Е. Безрукова, в которой автор припечатывал к позорному столбу и песни Высоцкого, и его самого. Вот как это выглядело в натуре:

«У Высоцкого есть несколько песен, которые имеют общественное звучание, но не о них речь. К сожалению, сегодня приходится говорить о Высоцком как об авторе грязных и пошлых песенок, воспевающих уголовщину и аполитичность.

Но есть у бардов и творения «интеллектуальные», так сказать, с идейной направленностью. Но с какой? Они из кожи лезут, чтобы утащить своих почитателей в сторону от идеологической борьбы, социального прогресса и империалистической реакции. Они вроде бы не замечают, как обострилась классовая борьба на международной арене, как наши враги пытаются изнутри подорвать социалистический строй, отравить сознание отдельных неустойчивых людей. «Пусть другие спорят, отстаивая правоту советских взглядов» – вот суть таких призывов. Они поучают:

А на нейтральной полосе цветы —
необычайной красоты.

«Антисемиты», «Миражи», «Нечисть», «На кладбище» – целый набор творений, заражающих молодых вирусами недоверия, скепсиса, равнодушия ко всему, что дорого и близко советским людям.

Так Высоцкий, Кукин, Клячкин, Ножкин вольно или невольно становятся идеологическими диверсантами, пытающимися калечить души наших подростков, юношей и девушек».

Трудно сказать, видел ли Высоцкий эту статью – все-таки Тюмень от Москвы далеко. Зато другое известно точно: в те дни он был приглашен в ЦК КПСС, где ему был дан официальный ответ на его письмо от 24 июня. Высоцкому сообщили, что копия его письма

отправлена в редакции обеих упомянутых им газет – «Советская Россия» и «Комсомольская правда» – и оттуда поступили ответы, что отныне они в своих публикациях о творчестве Высоцкого будут более точны. Что касается просьбы артиста предоставить ему место на печатных страницах для более детального ответа, то в этой просьбе ему отказали.

8 июля стало первым съемочным днем Высоцкого в «Хозяине тайги». В 11 утра в декорации «изба Семенихи» сняли эпизоды из начала фильма, где сплавщики отдыхают, а их бригадир Николаев поет своей зазнобе Нюрке (Лионелла Пырьева) песню «Дом хрустальный». Вечером Высоцкий был занят в спектакле «Добрый человек из Сезуана».

В тот же день на «Ленфильме» в очередной раз был принят латаный-перелатанный фильм «Интервенция». Однако это было только полдела, поскольку впереди еще предстояла приемка в Госкино. А ее-то как раз картина и не прошла: Полоку заставят вносить новые поправки.

10 июля с 8 утра Высоцкий снова снимался: продолжали снимать объект «изба Семенихи». Съемки закончились в пять вечера.

12 июля в первой половине дня Высоцкий снова снимался в «избе Семенихи», а вечером играл в «Послушайте!». На следующий день его участие в съемках не потребовалось, и он играл сразу в двух спектаклях: «Павшие и живые» и «Антимиры».

13 июля Высоцкий опять не снимался, и тот день стал последним съемочным днем в павильонах: теперь группе предстояла экспедиция в Красноярский край.

16 июля Высоцкий отыграл на сцене Таганки Керенского в «Десяти днях...» и три дня спустя отправился на съемки «Хозяина тайги». Они проходили в Сибири, в 300 километрах от Красноярска, в селе с дивным названием Выезжий Лог. Высоцкого и Золотухина пустила на постой местная жительница Анна Филипповна, у которой пустовал дом ее давно уехавшего в город сына.

Натурные съемки начались **18 июля**, но без участия Высоцкого: в Хабайдаке снимали эпизод «конный двор в Переваловском» с участием Кмита и Масанова. А Высоцкий и Золотухин включились в съемочный процесс **22 июля**, когда в том же Хабайдаке снимали объект «коса»: один из сплавщиков догадывается, кто ограбил магазин, и Рябой подговаривает остальных сплавщиков его избить.

23 июля – выходной день.

24 июля снимали объекты «последний пережат» и «коса» с участием Высоцкого, Золотухина, Пырьевой и Кмита. Съемки длились с семи утра до восьми вечера.

25 июля Высоцкий снова снимался в эпизоде «коса» (Рябой с пакетом, где находятся вещи из магазина, идет к своей палатке), а Золотухин в «косе» (Сережкин разговаривает с Нюркой у бревен) и еще в «таежной дороге» (Сережкин гонится по тайге за Николаевым и Нюркой, которые уходят по реке на лодке). На этом съемки с участием Высоцкого временно прекратились, и он взял небольшой тайм-аут. Однако без работы не сидел – он учился сплавлять лес по реке Мана и ловко скакать по плывущим бревнам, что было необходимо для будущих съемок. Надо отметить, что всему этому он настрополился довольно быстро. Еще быстрее он сдружился с самими сплавщиками, а особенно с их бригадиром. Тот был рябой на лицо, что в итоге и подвигло Высоцкого обратиться к режиссеру с просьбой поменять имя своему герою. Назаров согласился. Так из Николаева герой Высоцкого был переименован в Ивана Рябого.

Вспоминает В. Шестерня (консультант фильма): «Я консультировал все действия Сережкина и Рябого. А вечерами был отдых. Высоцкий много пел. Мы собирались в поселке, так как в городке, где разместилась съемочная группа, не было света. Слух о Высоцком разнесся по всем леспромхозам, и в Выезжий Лог стали собираться люди из поселков, расположенных от нас за десять-пятнадцать километров. Приходили послушать Высоцкого. Приглашали Высоцкого и других актеров к себе. Выступления проходили в сельских клубах.

Причем бескорыстно, никаких билетов не продавалось. С Высоцким ездили Золотухин, мосфильмовский шофер Усов, исполнявший чечетку на руках.

Помню, когда Золотухин разучивал песню «Ой, мороз, мороз...», Высоцкий предложил спеть ее иначе, ближе к ткани фильма. Режиссеру этот вариант понравился, и в таком виде песня вошла в фильм. А вечерами мы трое – Высоцкий, Золотухин и я – устраивались на крылечке дома, где жили Валерий и Владимир, и пели полюбившуюся песню».

Как утверждают очевидцы, у Высоцкого и Пыревой (как мы помним, она исполняла роль возлюбленной Рябого Нюры) во время съемок был роман. Лионелла была давней знакомой Высоцкого. Они познакомились еще в 1957 году, когда она, еще будучи Скирдой, а не Пыревой, училась в ГИТИСе и жила в студенческом общежитии на Трифоновке, а Высоцкий жил напротив этого общежития на Первой Мещанской, возле Рижского вокзала. Вместе их свела общая студенческая компания, завсегдатаями которой они тогда были. Потом их пути-дороги разошлись. Но в «Хозяине тайги» они снова встретились. В Выезжем Логе их частенько видели целующимися и обнимающимися у всех на виду. А когда между ними произошла какая-то серьезная размолвка, то Пырева якобы даже травилась таблетками. За ней из Красноярска специально прилетал вертолет. На основе этого романа Высоцкий сочинил песню-шутку «**Ой, где был я вчера**», где есть такие строчки: «Молодая вдова пожалела меня и взяла к себе жить». Молодая вдова – это Лионелла Пырева, которая в феврале 68-го потеряла своего именитого мужа режиссера Ивана Пырева.

Между тем то лето для Высоцкого было «трезвым». Как вспоминает все та же Л. Пырева: «Сибирь, природа, деревня, далеко от Москвы. Да, вот то, что это было далеко от Москвы, так далеко от цивилизации, от глаз людских, могло размагнитить многих, хоть, казалось бы, тут мог быть и отдых для души, отвлеченной от „суеты городов“... Размагнитченность – значит, ничего не стоило и запить тем, кто этому подвержен. Многие так и „отдыхали“. Но не Володя. Он был тогда в каком-то ожесточении против пьянства. Он совсем не пил, даже когда хотелось согреться от холода, вечером, в дождь. Он стремился навсегда покончить с этим. И просто с возмущением ко всякой принимаемой кем-то рюмке водки относился, чем вызывал мое, в частности, глубокое восхищение, потому что я знала, сколько силы воли для этого надо было ему проявлять. И, что было уж совсем забавно, он свирепел и налетал как ураган на тех, кто принимал „ее, проклятую“!..

В то время он называл пьющих «эти алкоголики», убеждал очень всерьез, произносил ну просто пламенные речи против алкоголизма. И прямо как врач-профессионал находил убедительные аргументы против возлияний. И так было в продолжении всего съемочного периода в нашем Выезжем Логе...»

В мире искусства существует мнение, что под водочку всегда хорошо сочиняется. И правда, есть много примеров такого сочинительства. Но не меньше примеров и другого рода – когда прекрасные творения появляются на свет на трезвую голову. Высоцкий образца лета 68-го это прекрасно доказал. Именно в Выезжем Логе к нему приходит небывалое вдохновение и как результат – на свет родились две гениальные песни: «**Охота на волков**» и «**Банька по-белому**». Как пишет В. Новиков: «Сочинилось в одно мгновение, когда он сидел за столом под светом гигантской лампочки. Золотухин был выпивши, уже спал. Вдруг поднялся: „Не сиди под светом, тебя застрелят!“ – „С чего ты взял?“ – „Мне Паустовский сказал, что в Лермонтова стрелял пьяный прапорщик“. И снова заснул.

А что утром выяснилось? Оказывается, Валера вчера за бутылку медовухи разрешил местным ребятишкам залечь неподалеку от дома и разглядывать в окне живого Высоцкого! Что-то чувствовалось такое, когда писал под дулами этих глаз...»

Но вернемся на съемочную площадку. Высоцкий вновь включился в съемочный процесс **4 августа** (в последний раз снимался 25 июля) и снялся в эпизоде, который относился

к концу фильма: Рябой и Нюрка убегают от Сережкина по реке на моторной лодке. Съемки длились с шести утра до пяти вечера.

5 августа Высоцкий снова снимался: в эпизоде, ради которого тренировался все предыдущие дни, – сплав леса по реке Мане. На следующий день снимали погоню Сережкина за Рябым и Нюркой.

7 августа Высоцкий отдыхал, а на следующий день снова вышел на съемочную площадку в эпизодах «сплав» и «бегство Рябого». Золотухин в тот день не снимался – вместе с Масановым, с которым ему вскоре предстояло сниматься в финальной драке, он брал уроки самбо у капитана милиции Крюкова.

9 августа снимали кульминацию погони – Сережкин догнал-таки Рябого и Нюрку у переправы. Съемки шли с 6.30 до 18.00. На следующий день снимали кадры из других эпизодов: «Рябой среди сплавщиков» и др.

11 августа съемки не проводились.

12 августа с участием Высоцкого снимали сплав леса по реке.

13 августа были отсняты еще несколько кадров «сплава», «погони Сережкина за Рябым», а также эпизод, где Сережкин едва не погибает, когда на него сбрасывают бревна. Съемочный день длился с 8.30 до 17.00.

14 августа снимали все ту же «погоню за Рябым» и тот же «сплав».

15 августа Высоцкий отдыхал.

Между тем фильм снимался уже второй месяц, однако ни Высоцкому, ни Золотухину большой радости этот процесс не приносит. Если на стадии прочтения сценария им виделась вещь серьезная, объемная, то в процессе съемок выяснилось, что режиссер эту идею просто выхолощивает. Как пишет сам В. Золотухин: «Высоцкий так определил наш бросок с „Хозяином“: „Пропало лето. Пропал отпуск. Пропало настроение“. И все из-за того, что не складываются наши творческие надежды. Снимается медленно, красивенько и не то. Назаров переделал сценарий, но взамен ничего интересного не предложил. Вся последняя часть – погоня, драка и пр. – выхолощена, стала пресной и неинтересной. На площадке постоянно плохое, халтурное настроение весь месяц и ругань Высоцкого с режиссером и оператором. Случалось, что Назаров не ездил на съемки сцен с Высоцким, что бесило Володичку невообразимо. Оператор-композитор: симфония кашеварства, сюита умывания, прелюдия проплывов и т. д. А где люди, где характеры и взаимоотношения наши?..»

В середине августа навестить Высоцкого в Сибирь приехал Станислав Говорухин. Этот приезд хоть как-то разнообразил жизнь обоих таганковцев, заставил их на несколько дней забыть о дрязгах на съемочной площадке. Говорухин тут же наладил в их доме быт: раздобыл молоко, мед, гуся и даже устроил им баньку и по-белому и по-черному.

16 августа Высоцкий вновь вышел на съемочную площадку: сняли несколько кадров из «сплава» и один кадр из «погони», когда Сережкин потрошит рюкзаки Рябого в моторной лодке.

17 августа с участием нашего героя снимали «сплав», «тайгу» и «погоню».

18 августа вернулись к задержанию Рябого у переправы. Однако успели отснять всего лишь три кадра, после чего зарядил дождь, и дальнейшую съемку отменили.

19 августа сняли несколько кадров из эпизода, когда Сережкин пробирается по тайге в погоне за Рябым, а тот убегает на лодке (в частности, сняли кадр, где Сережкин настигает Рябого у переправы). Съемки длились до семи вечера, после чего Высоцкий и Говорухин уехали из Выезжего Лога – отправились на концерты в Новосибирск.

Вернулся Высоцкий **22 августа**, но уже не в Выезжий Лог, а в Дивногорск, куда к тому времени перебралась съемочная группа. Причем вернулся не с пустыми руками – привез подарки от художников, в числе которых была и бутылка доброго армянского коньяка. Тем же вечером она была «раздавлена».

24 августа Высоцкий снова предстал перед объективом кинокамеры: в Усть-Мане снимались эпизоды из начала фильма, когда сплавщики гонят лес по реке. На следующий день снимали то же самое плюс эпизод из конца фильма – Сережкин гонится по тайге за Рябым.

26 августа Высоцкий, Пырьева и Золотухин участвовали в съемках эпизода, где Сережкин поймал-таки Рябого и сопровождает его на лодке в Переваловское. Работали с семи утра до пяти вечера. На этом красноярская эпопея Высоцкого и Золотухина закончилась: **27-го** Высоцкий дал два концерта в Дивногорске, а на следующий день они с Золотухиным улетели в Москву (Золотухин спустя несколько дней опять вернется в Дивногорск).

Высоцкий специально подгадал свой приезд к **28 августа**, чтобы попасть на премьеру спектакля «Последний парад» А. Штейна в Театре сатиры, в котором звучали его песни («Утренняя гимнастика», «Жираф»). После спектакля Высоцкий был приглашен на банкет, который состоялся в фойе театра. Там произошел неприятный инцидент, когда Андрей Миронов внезапно приревновал свою тогдашнюю возлюбленную Татьяну Егорову к Высоцкому. Все произошло спонтанно. Егорова, которая была уязвлена тем, что Миронов минувшие выходные провел на своей даче на Пахре с какой-то незнакомой девицей, решила ему отомстить – стала флиртовать с Высоцким. А тот, взяв гитару, стал петь одну песню за другой, всем своим видом показывая, что песни эти предназначены ей, Егоровой. Миронов, естественно, это заметил. И когда после очередной песни Высоцкий взял тайм-аут, Миронов попросил Егорову выйти с ним в коридор. Девушка пошла, поскольку даже в мыслях не могла предположить, что ее там ожидает. А ожидало ее ужасное. Едва они оказались в коридоре, как Миронов развернулся и со всей силы заехал ей кулаком в лицо. Из носа Егоровой хлынула кровь, заливая ее белоснежную кофточку. Увидев это, Миронов мгновенно опомнился. Он схватил Татьяну за руку и поволок ее в мужской туалет. Там смочил платок в холодной воде и приложил к больному месту. Кровь остановилась. Поскольку возвращаться в зал было уже нельзя, они незаметно покинули театр. Высоцкий про этот инцидент, естественно, ничего не знал.

К слову, именно на том банкете состоялась премьера песни «Охота на волков». Когда отзвучала последняя строчка и смолкла гитарная струна, в зале в течение нескольких секунд стояла мертвая тишина. Затем – гром аплодисментов. Если по правде, то мало кто из присутствующих ожидал от автора «Утренней гимнастики» такого прорыва совсем в иные измерения.

В воскресенье, **1 сентября**, Театр на Таганке открыл новый сезон: в тот день на его сцене шел спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Высоцкий играл Керенского. На следующий день он играл в «Добром человеке из Сезуана», **3-го** – в «Павших и живых», **5-го** – в «Пугачеве», **6-го** – в «Послушайте!», **7-го** – в «Антимирах», **9-го** – в «Жизни Галилея», **10-го** – в «Пугачеве».

В эти же дни Марина Влади завершила съемки в «Сюжете для небольшого рассказа». Группе предстоял выезд во Францию, но он состоится только в конце ноября. А пока Влади упаковала вещи и была готова к отъезду. Но прежде чем покинуть гостеприимную Москву, она встречается с Высоцким. Марина Влади вспоминает: «В один из осенних вечеров я прошу друзей оставить нас одних в доме. Это может показаться бесцеремонным, но в Москве, где люди не могут пойти в гостиницу – туда пускают только иностранцев и жителей других городов, – никого не удивит подобная просьба. Хозяйка дома исчезает к соседке. Друзья молча обнимают нас и уходят.

Закрыв за ними дверь, я оборачиваюсь и смотрю на тебя. В луче света, идущем из кухни, мне хорошо видно твое лицо. Ты дрожишь, ты шепчешь слова, которых я не могу разобрать, я протягиваю к тебе руки и слышу обрывки фраз: «На всю жизнь... уже так давно... моя жена!»

Всей ночи нам не хватило, чтобы до конца понять глубину нашего чувства. Долгие месяцы заигрываний, лукавых взглядов и нежностей были как бы прелюдией к чему-то неизмеримо большому. Каждый нашел в другом недостающую половину. Мы тонем в бесконечном пространстве, где нет ничего, кроме любви. Наши дыхания стихают на мгновение, чтобы слиться затем воедино в долгой жалобе вырвавшейся на волю любви...»

В эти же дни от Высоцкого окончательно уходит его жена Людмила Абрамова. Вот как она об этом вспоминает: «Давно это было – осенью 1968-го. Недели две или чуть больше прошло с того дня, когда с грехом пополам, собрав силы и вещи, я, наконец, ушла от Володи. Поступок был нужный и умный, и я это понимала. Но в голове стоял туман: ноги-то ушли, а душа там осталась...»

Кроме всего прочего – еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его уже все любили, он уже был Высоцким... Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше все, я бы ушла раньше...»

11–12 сентября Высоцкий был в Ленинграде, где Геннадий Полока с болью в сердце продолжает кромсать «Интервенцию» в тайной надежде, что эти купюры позволят пробиться фильму на экран. В те дни были сняты новые сцены с участием Высоцкого. Однако сам он в хорошие перспективы фильма уже не верит. И Полока потом жаловался Золотухину: «Володя был не в форме, скучный и безынициативный».

13 сентября Высоцкий играет в «Пугачеве», **15-го** – в «Антимирах» и «Добром человеке из Сезуана», **17-го** – в «Послушайте!».

20 сентября из Ленинграда пришла новость, которая большинством ожидалась давно: высоким повелением Полоку отстранили от съемок фильма «Интервенция». Стало окончательно ясно, что картина на экраны не выйдет. Говорят, Брежнев посмотрел «Интервенцию», но она ему не понравилась. Буффонада, да еще решенная в театральном ключе, его не вдохновила. Он любил кино прямолинейное, лихо закрученное – недаром его любимым жанром был вестерн. А «Интервенция» была далека от всего этого, как небо от земли. И если год спустя Брежнев спасет от «полки» «Белое солнце пустыни», то по поводу «Интервенции» даже пальцем не пошевелит.

Что касается Высоцкого, то для него единственным утешением будет только гонорар, полученный им за роль Бродского, – 1500 рублей (остальные гонорары распределились следующим образом: О. Аросева – 1800 руб., Е. Копелян – 1388 руб., В. Золотухин – 1140 руб., Ю. Буркина – 840 руб., С. Юрский – 840 руб.).

21 сентября Высоцкий играл в «Антимирах», **23-го** – в «Десяти днях...», **24-го и 27-го** – в «Жизни Галилея».

Между тем дела Высоцкого в родном театре складываются не лучшим образом. Роль Оргона в «Тартюфе» ему не нравилась изначально, но он репетировал, пока хватало терпения. В сентябре оно иссякло, и он из проекта вышел. Любимов за это на него так осерчал, что перестал с ним здороваться. А чуть позже стал жаловаться на него другим актерам. Например, в разговоре со Смеховым Любимов признался, что Высоцкий ему разонравился. «Он потерпел банкротство как актер, – говорил Любимов. – Нет, я люблю его по-человечески, за его песни, за отношение к театру, но как актер Театра на Таганке он для меня уже не существует. Галилея он стал играть хуже, и тот же Губенко его бы прекрасно заменил. А от Оргона он отказался, потому что отвратительно репетировал. Он разменивает себя по пустякам, истаскался и потерял форму. Кроме этого, своими периодическими пьянками он разлагает коллектив. Надо либо закрывать театр, либо освобождать Высоцкого, потому что из-за него я не могу прижать других, и разваливается все по частям».

Единственная радость Высоцкого в те дни – приглашение режиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича на главную роль в фильме «Опасные гастроли». Роль замечательная

– артист варьете Бенгальский, который помогает большевикам и водит за нос царскую охранку. Поскольку фильм музыкальный, под это дело можно сочинить несколько классных песен. Лишь бы «наверху» не артачились. В те октябрьские дни шли подготовительные работы по фильму (начались **30 августа**), и Хилькевич, дабы обмануть чиновников из Госкино, у которых все еще стоял перед глазами большевик Бродский из «Интервенции», пошел на хитрость. Он пригласил на роль Бенгальского еще нескольких актеров (Евгения Жарикова, Юрия Каморного, Романа Громадского, Вячеслава Шалевича), но честно признался им, что видит в этой роли только Высоцкого, и попросил их на пробах играть вполсилы. Те отнеслись к его просьбе с пониманием и свои пробы заporоли.

30 сентября Высоцкий снова вернулся на съемки «Хозяина тайги». В тот день с 8 утра на «Мосфильме» он участвовал в репетициях новых сцен фильма, которые должны были сниматься в павильонах студии. Эти съемки начались еще **16 сентября**, но наш герой включился в них только теперь.

Утром **1 октября** Высоцкий снова был на «Мосфильме», где прошли очередные репетиции, а вечером играл Хлопушу в «Пугачеве».

3 октября Высоцкий возобновил съемки: в 1-м павильоне студии снимали начало разговора Сережкина и Рябого в палатке. Вечером Высоцкий играет в «Галилее».

На следующий день в «Хозяине тайги» сняли концовку разговора в палатке: Рябой поет под гитару песню «**На реке ль, на озере...**», а Сережкин замечает на штопоре пробку от бутылки с характерным проколом и догадывается, кто именно ограбил магазин. Вечером того же дня Высоцкий играет в «Добром человеке из Сезуана».

С **7 октября** начали снимать объект «магазин», но Высоцкий в первые дни не снимается. Он включается в съемочный процесс **10-го** и снимается в эпизоде, где Рябой приходит в магазин и шантажирует Носкова (Дмитрий Масанов). В этот же день по ТВ показали «Стряпуху», причем опять утром – в 11.30, когда Высоцкий снимался на «Мосфильме».

Закончив съемки около трех часов дня, Высоцкий в компании своих коллег по театру – Золотухина и Смехова – отправился давать концерт в ДК Трехгорной мануфактуры. Заработали они по 30 рублей на брата. Вечером на Таганке состоялось сотое представление «Галилея». После спектакля был устроен импровизированный банкет с речами и шампанским. Однако Любимов с Высоцким по-прежнему не разговаривает. Вечером этого же дня Высоцкий вновь играл Хлопушу в «Пугачеве». В этой же роли он вышел на сцену Таганки и три дня спустя, **14 октября**.

20 октября вновь игралась «Жизнь Галилея». Перед вторым актом в театр позвонил Полока, который, даже будучи снятым с должности режиссера, все еще не утратил последней надежды найти справедливость. Он сообщил, что приехал в Москву в надежде все-таки «пробить» «Интервенцию» в Госкино, и пригласил друзей встретиться после спектакля в ресторане ВТО. Высоцкий и Золотухин пришли. Высоцкому жуть как хотелось хлебнуть вина, но его сотрапезники зорко за ним следили – чуть ли за руки не держали. Высоцкий обижался: «Почему я не могу выпить с друзьями сухого вина? Я же не больной, я себя контролирую. Мне и Люся сказала, что после спектакля я могу немножко выпить...» «Знаем мы твое немножко», – отвечали друзья. Короче, самым трезвым на той встрече оказался Высоцкий.

Утром **21 октября** Высоцкий снова был на «Мосфильме», но не для съемок, а для первой сессии озвучания роли Рябого. Озвучка проходила в 4-м тонателе с 7.30 до 16.00. Вечером Высоцкий играл Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир».

22 октября в Госкино состоялся просмотр чернового материала фильма «Хозяин тайги». Материал был признан неудовлетворительным, и режиссеру было предложено произвести досъемки целого ряда новых эпизодов. Больше всего критике был подвергнут герой Золотухина, а вот Рябого – Высоцкого хвалили. Сам замминистра сказал Золотухину: «Ты

меня извини, но вот этот Рябой, он тебя перекрыл... он сильнее, умнее... У тебя философия зыбкая... Истина, власть – тут что-то ты запутался, а у него все ясно». Золотухин хотел было объяснить, что эти претензии не по адресу – это режиссер сценарий перекроил по своему разумению, но потом махнул рукой. Все равно ничего уже не докажешь, да и поздно уже кулаками махать.

25 октября после «Антимиров» на Таганке было устроено производственное собрание. В роли докладчика выступал директор театра Николай Дупак, который буквально закидал актеров цифрами. Быстрее всех это надоело Высоцкому, который в разгар директорской речи поднялся со своего места и стал толкать ответную речь. Она была куда более содержательной, чем выступление докладчика: Высоцкий цифрами не сыпал, а говорил о конкретных вещах, в частности требовал, чтобы Николаю Губенко наконец-то предоставили отдельную квартиру. «Сколько можно человеку по чужим углам мыкаться?» – вопрошал Высоцкий. Дупак замахал на него руками, и Высоцкого быстренько усадили на место.

28 октября Высоцкий играл в «Жизни Галилея».

29 октября Высоцкий участвовал в очередной сессии озвучания «Хозяина тайги» вместе с Золотухиным и Пыревой. Работали с двенадцати дня до четырех вечера. Два последующих дня Высоцкий занимался тем же.

2 ноября Высоцкий был занят сразу в двух представлениях: «Павшие и живые» и «Антимиры».

4 ноября Высоцкий вновь играл в двух спектаклях: в «Антимирах» и «Жизни Галилея».

6 ноября Высоцкий снова занят в двух спектаклях: «Пугачев» и «Павшие и живые». На следующий день он улетел на пару дней в Киев, где неожиданно встретил девушку, которая два месяца назад, во время его короткого пребывания в Ленинграде (во время съемок в «Хозяине тайги»), нагадала ему любовь с эффектной блондинкой, женитьбу на ней, известность и богатство. Звали девушку Елена Богатырева. Далее послушаем ее собственный рассказ: «Перед **7 ноября** в кафе «Эврика» на бульваре Леси Украинки возле Печерского моста в течение нескольких дней проводились вечера отдыха для студентов. Кто-то из моих соседей по комнате в общежитии взял билеты на столик, и мы вчетвером отправились туда.

Сидели мы у самой эстрады (я – лицом к ней), угощались: столики с самого начала были накрыты. Играл оркестр, кто-то пел, были танцы.

Вдруг по залу от дверей покатилась волна аплодисментов. Видно было, что они адресованы вошедшей группе людей. И, обгоняя аплодисменты, зашуршал шепоток: «Высоцкий! Высоцкий!»

Высоцкий, в коричневой кожаной куртке и вельветовых брюках, отделился от компании, поднялся на эстраду и с ходу спел – причем мне запомнилось, что сказал перед этим: «Я вам не спою, я вам покажу песню – **«Охоту на волков»**».

Подружки стали меня подзуживать:

– Ты же знакома с Высоцким – вот и подойди к нему!

А мне, конечно, неудобно было вылазить, тем более без уверенности, что он меня вспомнит.

Тем временем Высоцкий спустился с эстрады, куда-то отошел со своими спутниками. Затем появился с бутылкой шампанского – и неожиданно направился к нашему столу.

Я была потрясена! А он, подойдя, встал между моими соседками и заявил:

– Вот эта девушка мне как погадала – все сбылось! Как в воду смотрела.

(Кстати, про его отношения с Мариной Влади мы тогда и не слышали).

Разлил по нашим бокалам шампанское, посидел минут пять, побалагурил. А после говорит:

– Я ведь еще отблагодарить тебя должен! Какую хочешь благодарность?

Я ответила что-то в том смысле, что лучшей благодарностью с его стороны будет песня. Вставая из-за столика, он попросил мой адрес. Я на салфетке записала...

– Я для тебя пою, – сказал Высоцкий и вернулся на эстраду.

Спел еще пару песен. Шуточную (я практически ее не запомнила) и **«Здесь вам не равнина...»**. После этого под аплодисменты вставшей с мест публики вышел из кафе...

9 ноября на Таганке состоялась премьера «Тартюфа». Причем совершенно неожиданно, по вине Высоцкого. Тот должен был играть Галилея, но утром позвонил в театр и сообщил, что у него пропал голос. Затем днем он вновь позвонил и сказал, что играть в состоянии. Но вечером, за час до спектакля, Высоцкий появился в театре и взял предыдущие слова назад – играть он не может. За кулисами поднимается гвалт. Стали перебирать, чем можно заменить «Галилея». Получилось, что заменить нечем, кроме «Тартюфа» (только актеры, занятые в этом спектакле, имелись в наличии). Но «Тартюфа» еще не принимали вышестоящие инстанции, а без их разрешения играть спектакль себе дороже – могут враз режиссера с работы уволить. Тем более что несколько месяцев назад, из-за «Живого», Любимова уже исключали из партии и выгоняли из театра. И только заступничество Брежнева помогло ему восстановиться на прежнем месте работы. Второго раза власти могут не простить. Но и делать что-то надо – публика-то в зале уже расселась.

В итоге Дупак все-таки решается выпустить «Тартюфа». Но перед этим он хочет объясниться с публикой. Он выходит на сцену, но не один – в качестве громоотвода выступает главный виновник происшедшего Высоцкий. «Товарищи, – обращается Дупак к зрителям, – у нас произошли непредвиденные обстоятельства. Артист Высоцкий потерял голос...» Тут в зале послышался смех, стали раздаваться реплики: «Пить надо меньше». Дупак продолжал: «Вместо объявленного „Галилея“ мы покажем вам новый спектакль – „Тартюф“. Но нам необходимо заменить декорации, поэтому администрация театра обращается к вам с просьбой: покиньте на двадцать минут зал». Публика радостно зааплодировала и потянулась к выходу: увидеть премьерный спектакль на Таганке считалось большой удачей. Ведь за билетами на такие спектакли люди ночами у касс стоят, а тут само свалилось.

В те же дни Высоцкий съездил в Дубну, где дал один домашний концерт. Вот как об этом вспоминает И. Кухтина: «Андрей Вознесенский очень любил у нас в городе заниматься написанием стихов – в это время он жил в гостинице „Дубна“. Ему вечером после спектакля позвонил Высоцкий и сказал, что очень соскучился и едет на такси в Дубну. В гостинице Вознесенский принять его не мог – был уже поздний вечер, а в те времена в гостинице строго следили, чтобы „нежелательные элементы“ там не появлялись, особенно по вечерам. Вознесенский позвонил своим дубнинским знакомым и попросил принять их с Высоцким. Друзья его, однако, не могли это сделать, так как давно были „на заметке“ и на них могли донести соседи. Эти люди были нашими друзьями, они позвонили нам домой и попросили принять поэтов. Не думая ни минуты, мы сразу согласились. Нам еще пришлось найти гитару у наших знакомых. Заодно мы позвали и своих близких друзей и стали ждать.

Мы накрыли стол. К счастью, дома были какие-то напитки и закуски. Для меня и моего тогдашнего мужа В. Мельникова было большой честью принимать такого гостя, как Высоцкий.

После полуночи первыми появились жена Вознесенского Богуславская и друг Высоцкого (кажется, Кохановский). Они посмотрели на стол и велели все убрать. Нам пришлось убрать абсолютно все, оставить стол чистым. (Мы тогда не знали о проблемах со спиртным у Высоцкого).

...Затем пришли Высоцкий с Вознесенским и их дубнинские друзья. Высоцкий попросил убрать магнитофон и вообще все, что могло дать какую-то информацию о его визите. Поэтому, кроме наших воспоминаний, ничего не осталось.

Высоцкий усадил Вознесенского напротив себя и стал петь свои песни – новые и старые. Пел он часа два, а мы слушали его как замороженные. Он не сдерживал себя, пел очень громко. Наши соседи, видимо, поняли, что поет сам Высоцкий, что это не магнитофонная запись, иначе они бы устроили нам скандал, как не раз бывало во время вечеринок в нашем доме. А тут, видимо, не решились: Высоцкого в те времена любили все, кто хоть как-то мог воспринимать песни...»

Тем временем на «Мосфильме» начались досъемки в «Хозяине тайги». **13 ноября** в 1-м павильоне снимали сцену с Рябым и Нюркой перед бегством. Съёмки длились с 8.00 до 20.44. На следующий день снимали «погоню за Рябым».

15 ноября сняли пленение Сережкиным Рябого и Носкова и их водружение на лошадь.

В тот же день по Высоцкому вновь долбанула «Советская Россия». На этот раз устами мэтра советской музыки композитора В. Соловьева-Седого. Цитирую: «После опубликования в „Советской России“ статьи „О чем поет Высоцкий“ читатели прислали в газету много откликов. Получаю письма и я. Они дают возможность установить диаметрально противоположные мнения о творчестве бардов и менестрелей. Особенно тронуло меня письмо матери. Она пишет, что ее сын – молодой парень – забросил учебу, не ходит в театр, не читает книг и газет, а вместе с десятком таких же парней целыми днями „крутит“ пленку с записями Высоцкого. Молодая девушка, которой одно время очень нравились некоторые песни Высоцкого, разочаровалась в нем и жалуется, что молодые подвыпившие оболтусы у дверей местного кинотеатра горланят под гитару его песенки и в исступлении рвут уже не паруса, а гитарные струны. Таких писем много.

Что же касается поклонников Высоцкого, то мне показалось, что, судя по всему, они плохо представляют себе, о чем идет речь. Я симпатизирую Высоцкому как актеру, но ведь, как говорится, симпатии к человеку не в состоянии отменить «приговор истории над его делом».

18–19 ноября Высоцкий снова озвучивал Рябого на «Мосфильме».

19 ноября на Одесской киностудии состоялся худсовет по кинопробам к фильму «Опасные гастроли». Поскольку воспроизвести всю стенограмму заседания не представляется возможным (это займет несколько страниц), приведу лишь те отрывки, где речь идет о нашем герое – Владимире Высоцком.

Ошеровский: «Уже в пробах видно, что группа отдает свои симпатии актеру В. Высоцкому, которого представляет на роль Бенгальского. Высоцкий показан в пробах выгоднее, чем Е. Жариков, но в последнем есть интеллигентность, которой нет в Высоцком. Преимущество Высоцкого в его актерских данных, он будет прекрасно петь куплеты и танцевать...»

П. Тодоровский: «Что касается актеров, то я всегда смотрю в глаза. У В. Высоцкого умный глаз, он думающий человек, и даже если на экране он ничего не делает, на него интересно смотреть. Он всегда настолько органичен и естественен, что режиссеру нужно просто направить его по нужному пути. Е. Жариков по своим возможностям ниже».

И. Неверов: «Я понимаю желание группы пригласить на роль Бенгальского В. Высоцкого, но в этом ансамбле он „выпадает из тележки“. Он настолько современен по актерской манере, что даже его имя сразу разрушает то, чем интересна картина. Кроме того, в Высоцком отсутствует героическое начало, у него усталый, грустный взгляд. Я думаю, что к этому актеру надо отнестись с раздумьем. В пробах Е. Жариков показан хуже...»

Козачков: «Я думаю, что не стоит сравнивать Е. Жарикова и В. Высоцкого. В Жарикове нет той пластичности, такого острого рисунка роли, как у Высоцкого. Не стоит забывать, что Высоцкий актер любимовского театра. Неверова смутила современность Высоцкого, но это прекрасно. Достоверность эпохи в том, чтобы люди были живыми, чтобы идеи, которые волновали их, волновали бы и нас...»

С. Говорухин: «Мне кажется, что В. Высоцкий в роли Бенгальского интереснее, чем Е. Жариков, и фильм с его участием будет более популярным. Оператор, который будет снимать Высоцкого, берет на себя большую ответственность. Актер это сложный, и никому не удавалось хорошо его снять...»

Березинский: «Чрезвычайно интересен характер, созданный В. Высоцким на экране, и современность его заложена не в сценарии, а в Высоцком – человеке. Я думаю, что Высоцкий придаст фильму серьезность...»

Г. Юнгвальд-Хилькевич (режиссер фильма): «Я не согласен с мнением Неверова по поводу В. Высоцкого. Сценарий писался на него, и сам он принимал активное участие в его написании. Я не собираюсь снимать этнографический фильм о 1910 году. Искусство этого периода бездумно, эклектично и пошло. Мы остановились на этом времени, потому что силуэт его необычен и не отыгран в кино...»

Неверов говорил, что у Высоцкого усталый взгляд, но снимать просто красивого артиста я не хочу. Когда Высоцкий поет, любой попадает под его обаяние, потому что делает он это мастерски. Бенгальскому и невесело, потому что вся жизнь на острие ножа...»

Г. Збандут (директор киностудии): «Что касается В. Высоцкого, то я не знаю, лучший ли это вариант. Настоящего поиска главного героя не было. Я бы советовал до конца подготовительного периода искать актера. Может быть интересным фильм с участием Высоцкого, интересно было бы увидеть его в новом качестве. Но для этого надо, чтобы режиссер был убежден, что это именно тот человек, который ему нужен...»

В тот же день, **19 ноября**, на Таганке показывали «Послушайте!». Высоцкий не играл: во-первых, запретил Любимов, во-вторых, опять были нелады с голосом. В тот же вечер состоялся резкий разговор режиссера с артистом. Любимов бушевал: «Если ты не будешь нормально работать, я выгоню тебя из театра. Я лично пойду к Романову (министр кино) и добьюсь, что тебя и в кино перестанут приглашать. Ты доиграешься...»

Спустя несколько дней Высоцкий пришел на прием к профессору клиники имени Семашко. Тот внимательно обследовал артиста и нашел у него разрыв голосовых связок. Необходимо делать операцию, а это значит – на полгода уходить из профессии. Высоцкий на это пойти не мог. И **28 ноября** отправился на «Мосфильм», чтобы провести последнюю сессию озвучания роли Рябого в «Хозяине тайги». Его партнерами в тот день были Золотухин и Пырьева. Работа длилась с 7.30 до 20.00. На этом работа Высоцкого над этой ролью была закончена. К слову, за Рябого Высоцкий получил гонорар в сумме 1519 рублей, Золотухину за исполнение роли милиционера Сережкина обломилось на 11 рублей больше.

29 ноября Высоцкий отправился играть концерт, вместо того чтобы выйти в роли Маяковского в «Послушайте!». Когда об этом узнал Любимов, он чуть не задохнулся от гнева. Даже Золотухин этого не понял, выведя в своем дневнике лаконичную строку: «Это уже хамство со стороны друга». Вообще, в те дни Золотухин старался избегать встреч с Высоцким. Единственное, на что его хватало, – сказать ему на бегу пару слов и побежать дальше. А ведь как они дружили совсем недавно, в том же Выезде Лог!

2 декабря Высоцкий играл в «Жизни Галилея».

Тогда же Золотухин записал в дневнике слова, услышанные им в тот день от Любимова. Главреж Таганки изрек следующее: «Беда Высоцкого не в том, что он пьет. На него противно смотреть, когда он играет трезвый: у него рвется мысль, нет голоса. Искусства бесформенного нет, и если вы чему-нибудь и научились за 4 года, то благодаря жесткой требовательности моей, жесткой форме, в которой я приучаю вас работать. Он обалдел от славы, не выдержали мозги. От чего обалдел? Подумаешь, сочинил 5 хороших песен, ну и что? Солженицын ходит трезвый, спокойный; человек действительно испытывает трудности и, однако, работает. Пусть учится или что. Он а-ля Есенин, с чего он пьет? Затопнут под забор,

пройдут мимо и забудут эти 5 песен, вот и вся хитрость. Жизнь – жестокая штука. Вот я уйду, и вы поймете, что вы потеряли...»

3 декабря Высоцкий вновь угодил в больницу. Причем доставил его туда родственник Павел Леонидов. Вот его собственный рассказ: «Володя лежит на диване в доме, что наискосок от Киевского вокзала. В этой квартире не так давно умер Пырьев. У молодой его вдовы Лионеллы Пырьевой – Скирды, когда она открывала мне дверь – пустое зазывное лицо.

Вова лежит с открытыми глазами, с безумными глазами, с остановившимися глазами. Он неподвижен. Дом набит пустой посудой. Лионелла Пырьева – Скирда стоит у него в ногах и монотонно говорит: «Володя, завтра съемка». Я ее тихо ненавижу. Володя пробыл у нее весь запой, а сейчас его надо везти в больницу в Люблино...»

Как мы помним, Пырьева играла роль возлюбленной Ивана Рябого Ньюры в фильме «Хозяин тайги», а вскоре должна была сыграть еще одну пассию Высоцкого – в фильме «Опасные гастроли».

Врачи ставят Высоцкому неутешительный диагноз: общее расстройство психики, перебойную работу сердца. Клятвенно заверили родных артиста, что продержат его в больнице минимум два месяца. Высоцкий хотел схитрить: стал уговаривать положить его в 5-е отделение, где у него давно все было схвачено, – врачи молодые, и он ими манипулировал как хотел. Но про это известно и руководству клиники, поэтому хитрость не прошла.

Между тем **10 декабря** в Одессе должны были начаться съемки «Опасных гастролей». Понимая, что если они начнутся, то Высоцкого в больнице не удержать, его друзья предпринимают отчаянные попытки съемки перенести. Золотухин просит Пырьеву – Скирду поговорить с Хилькевичем. Та просьбу выполняет. Хилькевич относится к проблеме со всем пониманием и уговаривает-таки руководство студии повременить со съемками хотя бы месяц.

8 декабря Любимов едет к Высоцкому и пытается уговорить его вшить «торпеду». «Ведь раньше тебе это здорово помогало», – аргументирует свою просьбу режиссер. Но Высоцкий отказывается: «Юрий Петрович, я здоровый человек». «Ну да, здоровый...» – в бессилии разводит руками Любимов.

11 декабря Высоцкого уже пытаются обработать его друзья: Золотухин, Полока, Кохановский. Все убеждают его не уходить из театра и написать труппе покаянное письмо. Причем Золотухин согласен написать текст письма за Высоцкого. Тот обещает подумать.

Вечером с Высоцким вновь беседует Любимов. И вновь шеф настроен благожелательно. Позднее он признается, что перемена к лучшему в его отношении к Высоцкому произошла после встречи с лечащим врачом. Тот рассказал Любимову, что Высоцкий во многом пьет не потому, что человек слабовольный (хотя и это в нем есть), а потому что наследственность плохая. А это уже совсем иной взгляд на проблему. Поэтому Любимов уже не клянет Высоцкого на чем свет стоит и на худсовете театра **13 декабря** выступает на его стороне. Итог – Высоцкого восстанавливают в правах артиста Таганки. Как сказал сам Любимов: «Есть принципиальная разница между Губенко и Высоцким. Губенко – гангстер, Высоцкий – несчастный человек, любящий, при всех отклонениях, театр и желающий в нем работать».

А вот другое мнение – артиста Таганки Анатолия Васильева: «Я был, наверное, единственным человеком, который с пеной у рта орал: „Уволить! Выгнать!“»

И скорее всего был прав. Потому что все эти выговоры – строгие, нестрогие – мало что давали. Если бы выгнали тогда – это могло подействовать. Ведь когда он «завязывал», год-два бывали потрясающе плодотворными.

Потом, когда Высоцкий стал лидером, солистом, а театр был гнездом, куда он только изредка залетал, это уже было невозможно. А тогда без театра Владимир просто не мыслил своей жизни. И если бы мы совершили эту жестокую акцию, то, может быть, продлили бы ему жизнь...»

19 декабря на «Мосфильме» был принят фильм «Хозяин тайги».

В эти же дни в Москве проходит очередной съезд Союза композиторов СССР. Один из ораторов – Дмитрий Кабалевский – помянул недобрым словом в своей речи и Высоцкого. Он заявил, что **«Песня о друге»** прививает молодежи дурные эстетические вкусы, и упрекнул Всесоюзное радио в том, что оно чересчур часто транслирует эту песню. Наверное, была бы воля Кабалевского, он бы и пластинку «Мелодии» с песнями из «Вертикали» прилюдно сжег на площади.

28 декабря Высоцкий дал концерт в столичном кинотеатре «Арктика», а два дня спустя – в Московском институте инженеров землеустройства, что на улице Казакова (напротив Театра имени Гоголя). Наравне со старыми песнями впервые для слушателей звучали новые: **«Жираф»**, **«Милицкий протокол»**, **«Москва – Одесса»**, **«Утренняя гимнастика»**. Уже два месяца подряд на экранах союзных кинотеатров шел фильм Евгения Карелова «Служили два товарища», одну из ролей в котором великолепно сыграл Владимир Высоцкий.

Лично для меня именно с поручика Брусенцова началось истинное осмысление трагедии Белого движения. Я впервые увидел на экране не подлого и коварного, а порой и придурковатого «беляка», а человека, для которого потеря Родины – истинная трагедия, пережить которую он не в силах. Не сумев примкнуть к двухмиллионной волне россиян, покидавших Россию, герой Высоцкого предпочитает один путь – пустить себе пулю в висок.

Старый год Высоцкий провожал вместе с труппой родного театра. И, как утверждают очевидцы, был мрачнее тучи. Вспоминает Л. Георгиев: «Возле столика Володи стоял пустой стул. Должна была приехать Марина Влади (два или три раза он выходил куда-то звонить по телефону), но так и не приехала. И Володя был мрачным и молчаливым...»

1969

8 января в Одессе начались съемки фильма «Опасные гастроли». Но Высоцкого на них пока нет – он долечивается в больнице. Поэтому пока снимают эпизоды без его участия: «кабинет Каульбарса», «артистическую уборную Софи». Как вспоминает Г. Юнгвальд-Хилькевич: «Первые дни я не снимал, а „отдавал метраж“. Делал вид, будто снимаю. А Володя в это время был в больнице. И если бы с Высоцким, не дай бог, что-то случилось и все бы раскрылось – меня могли посадить за очковтирательство. По закону за приписки, очковтирательство давали от пяти до семи лет тюрьмы...»

Высоцкий объявился на съемках после **10 января** и с ходу включился в работу. За несколько дней сняли все его сцены в декорациях «артистическая уборная Бенгальского» и «склад в Питере». В перерывах между съемками Высоцкий названивает в Париж Марине Влади.

18 января в краснодарской газете «Комсомолец Кубани» была напечатана статья музыкального руководителя всероссийского пионерского лагеря «Орленок» В. Малова, где он рассуждает об авторской песне и весьма нелестно отзывается о песнях Высоцкого. Цитирую: «Особенно бросается в глаза эта пошлость в так называемых „магнитофонных песнях“. Здесь, как правило, откровенный цинизм уже не прикрывается ложной романтикой... Вот и не люблю я песен Высоцкого. Недобрые они. Нехорошо он думает в этих песнях...»

Тем временем съемки «Опасных гастролей» продолжают. Почти за две недели работы были сняты следующие эпизоды с участием Высоцкого: «склад Харьковского театра», «склад Одесского театра», «типография и кабинет Борисова», «квартира в Париже». В эти же дни Высоцкий записал в тонателье студии все песни к фильму, однако в окончательный вариант войдут только три: «**Дамы, господа...**», «**Было так: я любил и страдал**», «**В томлении одиноком...**». В картину не вошли следующие песни: «**Я не люблю**», «**Вариация на цыганские темы**». До **20 января** был снят музыкальный эпизод с участием Высоцкого: в гостинной генерал-губернатора он исполняет заводной канкан «**Дамы, господа...**».

Вспоминает Л. Пыррева: «Мы с Володией снимались мирно, дружно. Однажды, правда, я огорчила его. Я была нарядной в одной из сцен, на высоких каблуках, в огромной шляпе с мощно поднятыми страусовыми перьями – по моде начала века. Он попросил: „Сними каблуки!“ Я ответила: „Как?! Что это будет за туалет, что за вид будет у меня?!“ Он предложил второй вариант: „Тогда сними эти перья! Таковую высокую прическу себе устроила!“ Но я снова отказалась: и перья со шляпы не стала снимать. Что делать? Он попросил меня немного изогнуться вбок, чтобы я все-таки смотрелась ниже ростом. И я – припала на одну ногу... Так нас и сняли...»

21 января Высоцкий играет в «Пугачеве».

22 января Высоцкий в компании своих коллег по Таганке – Золотухина, Смехова, Васильева – выступал в Дубне. После концерта их принимал у себя дома лауреат Ленинской премии академик Георгий Флеров. Там Высоцкий и Золотухин дуэтом исполнили «**Баньку**». Понравилось не всем. Так, жена Любимова Людмила Целиковская посетовала: «Петь вдвоем – получается пьяный ор. Подголосок должен быть еле слышен. Лучше бы, Володя, ты один пел...»

Всю первую половину февраля Высоцкий разрывался между Москвой и Одессой, успевая и в театре сыграть, и в кино отсняться. Так, **3 февраля** он играл в «Павших и живых» и «Добром человеке из Сезуна», после чего два дня снимался в Одессе. **6 февраля** вновь вышел на сцену Таганки в двух тех же спектаклях. После чего почти на неделю укатил на съемки. Вот как вспоминает о тех днях Г. Юнгвальд-Хилькевич: «Все артисты – и великие и не великие – жили в гостинице „Аркадия“. В то время Высоцкий был в самой крутой опале у

властей. Когда я начал снимать, секретарь местного обкома издал распоряжение „не пускать в Одессу Высоцкого“. Правдами и неправдами Высоцкого поселили в „Аркадии“. Я сильно тогда намучился с этими делами.

Внизу располагался ресторан. Как-то одновременно приехали Рада и Коля Волшаниновы – цыгане, исполняющие в фильме романсы, Высоцкий, Копелян, Переверзев, Брондуков, Лина Пырьева. Вся эта компания спустилась в ресторан. Меня там уже хорошо знали, я пользовался «пьяным» кредитом. Мне давали пить столько, сколько хочу. А потом, когда я наконец получал деньги, то отдавал долги. Мне верили...

В разгар застолья Володя взял гитару и вышел на сцену. И пошло: **«Охота на волков», «Протопи ты мне баньку по-белому»**. Люди снаружи, услышав его голос, как завороченные мчались к «Аркадии». Привалило столько народу, что выдавили витринное стекло ресторана. Но администрация слова не сказала. Народ тут же собрал деньги и отдал директору ресторана. Все было сделано тихо и без участия милиции.

Вся улица была полностью запружена. Останавливались с двух сторон трамваи, люди выскакивали и бежали к ресторану послушать. Песня через микрофон разносилась по улице. Через разбитое окно.

Потом стали петь Волшаниновы, потом опять Высоцкий. Люди орали и бесновались, хлопали, плакали. Каждый, кто там был, запомнил это на всю жизнь...»

17 февраля Высоцкий уже в Москве и играет Хлопушу в «Пугачеве». **20-го** надевает на себя френч Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир». После чего вновь срывается в «пике». На этот раз со своим закадычным другом Кохановским. Причем жили они в те дни у Лионеллы Пырьевой. Вот как сама актриса вспоминает об этом: «Наступил день, когда я уезжала в Ленинград на премьеру в Доме кино фильма „Братья Карамазовы“. В квартире моей я оставила Володю Высоцкого и Игоря Кохановского, не боясь никаких нежелательных последствий, а даже радуясь тому, что в квартире кто-то проживет в мое отсутствие. Когда я вернулась – очень скоро! – в Москву, я не поняла, в чей же дом я попала, – такой вид имело мое жилище. Володя отчаянно извинялся, показывал стихи, которые мне посвятил, пока я была в краткой отлучке, но я молчала и только руками отмахивалась. Потом он ушел, и я принялась за уборку. Выбросила массу бутылок из-под шампанского, кучи окурков, подмела пол, помыла пепельницы. Увидела и стихи, посвященные мне и лежащие возле телефона. Но я так была на Володю сердита, что изорвала листок в мелкие клочья...»

Пока я была в Ленинграде, Володя не только «забавлялся» шампанским. И не только писал стихи. Счета, которые я вынуждена была оплатить за его телефонные разговоры с Парижем, достигли сотни рублей. Сейчас это смотрится небольшой суммой, но в те времена это было очень существенно, можно было купить, например, две пары лучших импортных туфель...»

В те дни, устав от художеств Высоцкого, родные решили уложить его в больницу. Причем поступили хитро: сказали, что повезут его к друзьям, а привезли к людям в белых халатах. Высоцкий тогда очень сильно обиделся на своих родственников. Хотя их чувства вполне можно понять.

И душа, и голова, кажись, болит,
верьте мне, что я не притворяюсь.
Двести тыщ – тому, кто меня вызволит!
Ну и я, конечно, постараюсь.
Дайте мне глоток другого воздуха!
Смею ли роптать... Наверно, смею...
Не глядите на меня, что губы сжал, —
если слово вылетит, то злое,

я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал, —
где-нибудь зарююсь и завою...

Врач Е. Садовникова, вспоминая те дни, рассказывает: «Мы познакомились с Володей в 1969 году при довольно грустных обстоятельствах. Я заведовала отделением в Институте скорой помощи им. Склифосовского и по своему профилю консультировала всех, кто попадал в реанимацию. Володя находился в очень тяжелом состоянии: у него был тромбоз мелких вен предплечий, шалило сердце. Он то приходил в себя, то сознание его вновь сужалось. Ему нельзя было двигаться, резко подниматься, а он нервничал, торопился поскорее выпиться из больницы.

В то время мне был знаком только его голос — я услышала, как он поет, в 1966 году и была потрясена. Фотографий его тогда еще не было, и я, конечно, не знала, кто этот пациент, к которому меня подвели. По профессиональной привычке спросила, знают ли родные, что он здесь.

— Мама знает... — услышала я в ответ.

— А жена?

— Жена в Париже.

Я не поняла и решила, что это опять галлюцинации. Но тут меня буквально оттащил кто-то из сотрудников:

— Это же Владимир Высоцкий!

И тогда у меня в голове мгновенно пронеслось все, что я раньше мельком слышала: Высоцкий, Марина Влади, даже песня какая-то есть.

Володя не сразу принял меня, был сдержан, холоден, удивлялся моему участию. Спрашивал у мамы: что это за дама, которая ежедневно приходит меня смотреть?

Нина Максимовна, мать Володи, попросила меня поговорить с Мариной Влади. Я прекрасно помнила ее по «Колдунье» и была поражена, что такая знаменитая красивая актриса и обаятельная женщина выбрала Высоцкого. Для меня это явилось своего рода знамением.

Она позвонила из Парижа рано утром, и я услышала чудесный мелодичный голос, великолепную русскую речь, а в голосе — страдание, боль, любовь, тревогу:

— Елена Давыдовна, если нужно что-то из лекарств, я немедленно вышлю, а если вы считаете необходимым, я тут же вылетаю. Как Володя себя чувствует?..»

Тем временем съемочную группу фильма «Опасные гастроли» вот уже несколько дней лихорадит — на них пришел письменный поклев. Причем в роли его получателя выступало не руководство студии, а сам министр кинематографии СССР А. Романов. Именно на его имя **19 февраля** было получено письмо за подписью студента Одесского политехнического института Т. Донцова, в котором выражалось коллективное возмущение (якобы от лица всех студентов института) в связи со съемками фильма «Опасные гастроли». В письме сообщалось следующее: «Как Вы могли разрешить снимать такую белиберду (Донцов читал в журнале сценарий фильма. — Ф. Р.), да еще посвящать ее ленинской дате. Это же кощунство. Пошлая литературная стряпня, банальный сюжет, дешевые куплеты, канканчики и «одесский колорит» и прочее — на какого зрителя это рассчитано?

Нам обидно и за зрителей, которых авторы считают дураками, и за государственные деньги — наверное, большие, которые тратятся на этот фильм-«супербоевик». Лучше бы построили на них студенческое общежитие или жилой дом.

Мы слышали, что фильм «Интервенция», снимавшийся «Ленфильмом» у нас в Одессе, не получился. Но ведь у него была хорошая основа — известный роман хорошего писателя. Что же может получиться из этой халтуры? Ее не спасут ни цветная пленка, ни участие Высоцкого...»

По тем временам на каждое такое письмо следовало отреагировать. И реакция последовала: в Одессу пришла директива из Госкино с предупреждением о скорой проверке. Группа стала готовиться к самому худшему. Как вдруг в ситуацию вмешались непредвиденные обстоятельства. На студии решили проверить подлинность авторства злополучного письма. И что же выяснилось? Оказалось, что в Одесском политехническом институте учились два студента по фамилии Донцов, но ни один из них к письму на имя министра отношения не имел. И Госкино умыло руки.

20 февраля Высоцкий был у Любимова и сообщил ему, что полностью здоров и готов работать. Но шеф посоветовал ему сначала закрыть больничный и ждать вызова в театр.

28 февраля Высоцкий был в гостях у Андрея Вознесенского, где дал домашний концерт. В нем были исполнены следующие песни: «**Про любовь в каменном веке**», «**Будут и стихи, и математика...**», «**Вина налиты, карты розданы...**», «**И вкусы, и запросы мои странны...**», «**Как-то вечером патриции...**», «**Может быть, выпив поллитру...**», «**Ну вот, исчезла дрожь в руках...**», «**Песенка о слухах**», «**Сто сарацинов я убил во славу ей...**», «**В темноте**», «**Ты идешь по кромке ледника...**», «**Я не люблю**», «**Поездка в город**».

1 марта на Таганке состоялась первая репетиция спектакля «Час пик» по пьесе польского драматурга Е. Ставинского. Высоцкий играл Обуховского.

В воскресенье, **2 марта**, на Таганке играли 300-е представление спектакля «Анти-миры». После спектакля все его участники дружной гурьбой отправились в ресторан ВТО. Высоцкий и Золотухин затянули «**Баньку**», но Золотухин вскоре не выдержал бешеного ритма партнера, сбился и затих. И Высоцкий в одиночку допел песню до конца. Да еще как допел – весь зал слушал не шелохнувшись.

6 марта на Таганке «зарубили» «Живого», где Высоцкий играл роль Мотякова. Палачом выступила сама министр культуры Екатерина Фурцева. Вот как описывает происходящее Ю. Любимов: «На прогоне не позволили присутствовать ни художнику Давиду Боровскому, ни композитору Эдисону Денисову. Случайно пробрался Вознесенский. Сидел заместитель министра Владыкин, еще кто-то. Был еще молодой чиновник Чаусов. И сидела уважаемая Екатерина Алексеевна...

После последней сцены первого акта, когда артист Джабраилов в роли ангела пролетал над Кузькиным, Фурцева прервала прогон. Джабраилов был в мятном, рваном трико (это, конечно, было сделано сознательно). Он летел через деревню Рудки и останавливался над Кузькиным, который рассматривал вещи, присланные приодеть его голодных и холодных ребятишек. Кузькин комментировал, увидев фуражки: «А это уже ни к чему. По весне-то можно и без них обойтись. Лучше бы шапки положили». Ангел ему так говорил, посыпая его манной небесной из банки, на которой было написано: «Манна», ну манка, крупа: «Зажрался ты, Федор. Нехорошо». И тут, значит, Екатерина Алексеевна хлопнула ручкой и сказала: «Есть здесь партийная организация?» Встал бледный, белый Глаголин. Она посмотрела и говорит: «Ясно! Нет партийной организации! Сядьте! Артист, вы там, эй, вы там, артист!» Высунулся Джабраилов. Она ему: «И вам не стыдно участвовать во всем этом безобразии?!» Тот маленький, клочки волос торчат, и он испуганно отвечает: «Нет, не стыдно». «Вот видите, – обратилась она ко мне, – до чего вы всех довели». Потом поэт Вознесенский пытался что-то сказать: Екатерина Алексеевна, все мы как художники...» Она ему: «Да сядьте вы, ваша позиция давно всем ясна! И вообще, как вы сюда пробрались? Одна это все компания. Ясно. Что это такое нам показывают! Это же ведь иностранцам никуда даже ездить не надо, а просто прийти сюда (а они любят сюда приходить) и посмотреть, вот они все увидят. Не надо ездить по стране. Здесь все показано. Можно сразу писать». Она очень разволновалась...

Потом выступил автор повести Борис Можаяев, который вмазал им целую речугу. Екатерина Алексеевна очухалась и сказала: «Ладно, с вами тоже все ясно, садитесь». И тогда

она обернулась ко мне: «Что вы можете сказать на все это? Вы что думаете: подняли „Новый мир“ на березу и хотите далеко с ним ушагать?» А я не подумал, и у меня с языка сорвалось: «А вы что думаете, с вашим „Октябрем“ далеко уйдете?» И тут она замкнулась. Она не поняла, что я имел в виду журнал «Октябрь», руководимый Кочетовым. Потому что тогда было такое противостояние: «Новый мир» Твардовского – и «Октябрь» Кочетова. А у нее сработало, что это я про Октябрьскую революцию сказал. И она сорвалась с места: «Ах, вы так... Я сейчас же еду к Генеральному секретарю и буду с ним разговаривать о вашем поведении. Это что такое... это до чего мы дошли...» И побежала... С ее плеч упало красивое большое каракулевое манто. Кто-то подхватил его, и они исчезли...

С ними исчез спектакль «Живой».

11 марта Высоцкий играл в «Добром человеке из Сезуана». После чего отправился на несколько дней в Одессу, сниматься в «Опасных гастролях». В те дни там снимали следующие эпизоды: «купе вагона», «перрон Одесского вокзала», «варьете „Модерн“, „вход в Одесский театр“ и др. В эпизодической роли танцора в фильме снимался Владимир Шубарин, который вспоминает:

«В одесской гостинице нас с Высоцким поселили в соседних номерах. Поздно вечером приходит ко мне Высоцкий и предлагает поменяться комнатами. Заказал, говорит, телефонный разговор с Мариной Влади, только прокричу в трубку „Здравствуй, это я!“ – обрыв на линии, попробую с твоего телефона, авось получится. Я не возражал. Часов в пять утра влетает: дозвонился-таки! И показывает новую песню. Конечно, это была знаменитая „Ноль семь“.

«Девушка, здравствуйте! Как вас звать?» —
«Тома».
«Семьдесят вторая! Жду, дыханье затаю...
Быть не может, повторите, я уверен – дома!..
Вот уже ответили.
Ну здравствуй, это я!»

Через четыре дня прилетела в Одессу Марина Влади. Володя предложил вечером посидеть где-нибудь... Поехали на Морвокзал. Мы с Мариной пили «Пшеничную». Высоцкий ничего не пил. Актриса сетовала, что Володя давно не пишет ничего нового. Вот тебе, говорит, тема: «От жажды умираю над ручьем». Высоцкий улыбнулся и на меня кивает: вон Володька напишет. А я после «Пшеничной» «завелся»: и напишу! Ночь не спал. Утром показал стихи Высоцкому. Он прочитал, посмотрел удивленно: «Это про меня». Так он меня приобщил к сочинительству...»

Вспоминает Л. Пырьева: «Когда мы снимались с Высоцким в „Опасных гастролях“, в Одессу приехала Марина Влади. Подкатила на „Волге“. Володя тотчас увидел ее, подлетел к ней, затем последовал долгий-долгий поцелуй, как иной раз бывает в фильмах. Одесситы, окружившие их, были в полнейшем восторге: „Ой, вы посмотрите сюда, это же Марина Влади!“ Поселилась наша романтическая пара не в гостинице, а на даче – или у Говорухина, или у Юнгвальд-Хилькевича. И вот когда они после недавней встречи, сидя на скамейке, радостно ворковали о чем-то своем, я торжественно подошла к ним с пачкой телефонных счетов, которые Володя наговорил с моего телефона, и произнесла: „А за любовь надо платить, ребята!“ Марина тотчас отреагировала: „Конечно, конечно...“

Из Одессы в Москву Высоцкий и Влади вернулись **19 марта**. На следующий день Высоцкий играл в «Пугачеве», а **23 марта** вышел на сцену в 300-м представлении спектакля «Десять дней, которые потрясли мир». После спектакля состоялся импровизированный концерт Высоцкого, который он решил дать от широты душевной.

Однако спустя два дня случилось новое ЧП с участием Высоцкого. В тот вечер, **25-го**, на Таганке должен был пройти спектакль «Жизнь Галилея», но Высоцкий в театр не явился. Дупак был в смятении, поскольку ни одним спектаклем заменить «Галилея» было невозможно – не было в наличии нужных актеров. Позвонил Любимову, чтобы узнать, что обещать зрителям: будет «Галилей» 1 апреля с новым исполнителем или не будет? Любимов в ответ ни бе ни ме. В итоге Дупаку пришлось утрясать скандал самолично. Он вышел на сцену и объявил публике, что сегодня спектакль отменяется из-за болезни Высоцкого. Будет ли этот спектакль играть в ближайшее время, неизвестно, но 1 апреля желающие могут прийти по этим же билетам либо на «Тартюфа», либо на «Мокинпотта». В результате голосования, которое состоялось тут же, было решено, что 1-го пойдет «Тартюф». Ничего подобного история столичного театра вроде бы еще не знала. Как пишет В. Золотухин: «Но странное дело, мы все – его (Высоцкого) друзья, его товарищи – переносим это уже теперь довольно спокойно. Володя привил нам иммунитет, уже никто ничему не удивляется, все привыкли. Вчера была история ужасная, но что можно спросить, требовать с больного, пьяного человека. Все наши охи, ахи – как мертвому припарка, все наши негодования, возмущения, уговоры, просьбы – все на хрен. А что мы должны после этого переживать, почему мы должны мучиться и сгорать перед зрителем от стыда?..»

26 марта по Таганке в который уже раз пошли слухи, что Высоцкого из театра выгоняют. Раз и навсегда. Но актеры в это мало верят – сколько раз такое бывало ранее, а Высоцкий будто крейсер непотопляемый. И даже вывешивание на доску объявлений приказа об его увольнении не поколебало скепсиса актеров.

А герой скандала тем временем лежит все в той же люблинской больнице. Из театра его никто не навещает, поскольку даже близкие друзья от него отвернулись. Одна из немногих, кто ходит, – Марина Влади. С ней он в эти же дни приезжает на «Мосфильм», чтобы присутствовать на предварительном просмотре фильма «Сюжет для небольшого рассказа». Причем Высоцкий чувствует себя неважно, но все равно едет. Те, кто видел его в тот раз, окрестили его «приукрашенным покойником».

15 апреля Высоцкий впервые за это время позвонил Золотухину. Поинтересовался, как идут дела. Золотухин ответил, что нормально, в «Галилея» ввели другого актера – Бориса Хмельницкого. Поскольку звонок раздался аккуратно в момент показа «Галилея», Золотухин подносит телефонную трубку к репродуктору. Но услышать ничего не удастся – раздаются аплодисменты зрителей. Разговор длится еще пару минут. Высоцкий говорит, что понимает свою вину, что ему противно. Но вернется ли назад в театр, пока не знает.

В следующий раз Высоцкий позвонил в театр **21 апреля**. И снова в тот момент, когда на сцене шел «Галилей». Расспросил о житье-бытье, поздравил с надвигающимся юбилеем – 5-летием со дня рождения Таганки, которое намечалось на завтра. К этому торжеству Высоцкий написал несколько шуточных реприз-песенок на тему таганковских зонгов, которые отправил в театр загодя, несколько дней назад. Таким образом, впервые с момента создания Таганки Высоцкий лишь косвенно участвовал в праздновании дня рождения своего театра.

В этот день мне так не повезло —
я лежу в больнице, как назло.
В этот день все отдыхают,
пятилетие справляют
и спиртного никогда
в рот не брать торжественно решают...
В этот день – будь счастлив, кто успел!
Ну а я бы в этот день вам спел...

Высоцкий объявился в театре **28 апреля**. Прямоком прошел в кабинет к Любимову и просидел там больше часа. Любимов отнесся к нему благожелательно, сказал, что совсем не против его возвращения. Но важно еще мнение директора. Поэтому на следующий день Высоцкий имел разговор и с Дупаком. Тот вроде тоже оттаял, но сослался на мнение партбюро – мол, как оно решит, так и будет.

3 мая на Таганке заседало партбюро. Сильнее всех Высоцкого защищал Любимов, что, собственно, и предопределило исход собрания. Шеф сказал буквально следующее: «Я снимаю шляпу перед Высоцким. Ведущий артист, я ни разу от него не услышал какие-нибудь возражения на мои замечания. Они не всегда бывают в нужной, приемлемой форме, и, может быть, он и обидится где-то на меня, но никогда не покажет этого, на следующий день приходит и выполняет мои замечания... В „Матери“ стоит в любой массовке, за ним не приходится ходить, звать. Он первый на сцене... Я уважаю этого человека. Профессионал, которому дорого то место, где он работает. Он не гнушается никакой работы, все делает, что бы его ни попросили в спектакле...»

В итоге партбюро простило Высоцкого и вынесло окончательное решение по его судьбе на общее собрание труппы. Первым, кому Высоцкий сообщил об этом, был Золотухин, к которому он пришел домой **4 мая**. Еще Высоцкий рассказал, что вскоре в Москву вновь приезжает Марина Влади и они собираются купить дачу под Москвой в пределах 7 тысяч рублей. «У меня будет возможность там работать, писать, – сказал Высоцкий. – Марина действует на меня успокаивающе».

8 мая на общем собрании труппы Высоцкого окончательно простили. И это несмотря на то, что в родном театре у него хватало недоброжелателей, но, видимо, даже они понимали, что без Высоцкого Таганка уже не Таганка. Как сказал Любимов: «Я знаю, что в театре много шутят по этому поводу. Но мне показалось, что Высоцкий понял, что наступила та черта, которую переступать нельзя. Пьяница проспится, дурак никогда. Я не хочу сказать про Высоцкого, что он дурак, но он должен понимать, что театр идет ему навстречу, и ответственно к этому подойти...»

12 мая Высоцкий впервые после долгого перерыва вышел на сцену родного театра – он играл Галилея. Играл хорошо, так, будто и не было этого почти двухмесячного простоя.

Тем временем в Москву собирается приехать Марина Влади. Но пока ее нет, Высоцкий продолжает крутить «амуры» с Татьяной Иваненко. Они, не стеснясь, вместе ходят по городу, посещают знакомых. Как пишет Д. Карапетян: «Судя по всему, в Марине Влади серьезной соперницы Татьяна никогда не видела и поступаться своим в угоду суровой реальности не намеревалась...»

Но когда приехала Влади, Высоцкий тут же приклеился уже к ней. Вообще, была бы его воля, он бы официально жил с двумя женщинами, но в Советском Союзе многоженство было под запретом. Поэтому ему приходилось скрывать свои связи. Во всяком случае, от Марины, поскольку Татьяна прекрасно знала о его связи с французской звездой.

Тем временем по стране все активнее расползаются слухи о том, что Высоцкий женится на знаменитой Колдунье. **26 мая**, когда актеры Таганки были с концертами в Ленинграде, им всем буквально не давали проходу вопросами об этом. Один из актеров сунулся было к Высоцкому за объяснениями, поскольку сам ничего об этом не знал. Высоцкий в ответ рассвирепел: «Ну и что, что спрашивают? Мне самому по 500 раз за день такие вопросы задают, да еще вы приставать будете...»

Вернувшись из Ленинграда, Высоцкий и Золотухин отправились в Дом кино, где **29 мая** состоялась премьера «Хозяина тайги». Вечер прошел прекрасно. Представители МВД, бывшие на нем, вручили двум актерам награды от лица своего ведомства: Золотухин получил именные часы, Высоцкий, поскольку играл героя с криминальным уклоном, всего лишь почетную грамоту за активную пропаганду (!) работы милиции. Тем же вечером это дело

было «обмыто» в ресторане того же Дома кино. Все присутствующие просили Высоцкого спеть, но, поскольку не нашлось гитары, эти просьбы в реальность так и не воплотились.

30 мая Высоцкий играл в «Десяти днях, которые потрясли мир».

В конце мая в Одессе были завершены съемки фильма «Опасные гастроли», хотя ряд съемочных смен будет проведен в июне (6 дней) и в июле (2 дня). За роль Бенгальского Высоцкий получил, согласно ведомости, 2000 рублей (больше было только у Ивана Перверзева – 2137 рублей: тот хоть и играл эпизод, но актером был куда более титулованным, чем Высоцкий).

2 июня Высоцкий после долгого перерыва вновь репетирует роль Обуховского в пьесе «Час пик», но до премьеры эту роль не доведет – соскочит с нее незадолго до премьеры.

В эти же дни от Высоцкого уйдет еще одна роль, но в кино. Речь идет о фильме «Сирано де Бержерак», который на «Мосфильме» собирался снимать Эльдар Рязанов (с **31 марта** начался подготовительный период). Первоначально на роль Сирано пробовались многие замечательные актеры – Андрей Миронов, Олег Ефремов, Андрей Мягков и др. – но ни один Рязанову не подошел. И тогда он обратил свой взор к неожиданной кандидатуре – поэту Евгению Евтушенко. Аккурат в эти дни судьба подбросила режиссеру встречу с Высоцким. Вот как об этом вспоминает сам Э. Рязанов: «Я был на премьере в театре, сейчас уж не припомню, в каком. Мы были с женой, и вдруг я увидел, что впереди сидят Владимир Высоцкий и Марина Влади. Володя перегнулся, поздоровался. Вообще у нас как-то принято (ну, я был, правда, и постарше), что режиссерам артисты говорят „вы“, а те говорят актерам „ты“. Володя обратился ко мне: „Эльдар Александрович, это правда, что вы собираетесь ставить „Сирано де Бержерака“?“ Я отвечаю: „Правда“. „Вы знаете, мне очень бы хотелось попробовать“, – сказал Володя. Думаю, ему было сказать это непросто. У нас не принято, чтобы артисты просились на роли, и он, обращаясь ко мне, конечно, наступил на собственное чувство гордости. И тут я совершил невероятную бестактность. Я сказал: „Понимаете, Володя, я не хочу снимать в этой роли актера, мне хотелось бы снять поэта...“ Я знал, конечно, что Володя сочиняет песни. Правда, он мне был известен, да тогда не только мне, по песням блатным, жаргонным, „лагерным“, уличным, в общем, по своим ранним произведениям. Кроме того, ничего не было напечатано, поэтому я ничего не читал. И главное, он еще только подбирался, только приступал к тем произведениям, которые создали ему имя, принесли ему славу, настоящую, крупную, великую. Этим песням еще предстояло родиться в будущем. „Но я же пишу. Стихи“, – сказал Володя, застенчиво улынувшись. Я про себя подумал: „Да, конечно. И очень славные песни. Но все-таки это не очень большая поэзия“.

Относился я к Высоцкому с огромным уважением как к артисту, и вообще он мне был крайне симпатичен. Мы договорились, что сделаем пробу. Мы репетировали, он отдавался этому делу очень страстно, очень темпераментно. Сняли кинопробу. Но Высоцкого на роль я не взял. А потом и сам проект мне закрыли...»

14 июня Золотухин в компании с Высоцким и другими актерами Таганки ездили в роддом, чтобы забрать оттуда жену Золотухина Нину Шацкую с первенцем – сыном Денисом.

Спустя неделю в прокат вышел фильм «Хозяин тайги». По этому случаю В. Золотухин записал в свой дневник следующие строчки: «В 28 лет сбылась моя тайная мечта – увидеть свою нарисованную гуашью рожу на большом рекламном щите. И вот, наконец... повесили... над общественными уборными в проезде Художественного театра. Сам не видел. Вика сказала: похож. Я и Высоцкий, а между – тайга...»

24 июня на Таганке играли «Доброго человека из Сезуана». Высоцкий впервые вышел в роли главного героя – летчика Янг Суна (до этого он играл в этом спектакле роли рангом поменьше – Второго Бога и Мужа). **29 июня** Высоцкий был занят в двух спектаклях: «Пугачев» и «Десять дней, которые потрясли мир».

С7 по 20 июля в Москве проходил очередной Международный кинофестиваль. Марина Влади как звезда мирового масштаба плюс к тому член компартии Франции была приглашена на него как почетный гость, а вот Высоцкий... Короче, его организаторы фестиваля видеть среди участников не желали. На этой почве уже в самом конце работы фестиваля – 18 июля – произошел неприятный инцидент. Но сначала не о нем.

18 июля в Киеве, в Комитете по кинематографии при Совете Министров Украинской ССР, состоялся просмотр фильма «Опасные гастроли». Фильм был разрешен к выпуску с одним «но»: режиссеру было предписано убрать из титров «красную строку» Высоцкого и указать его фамилию в общем списке актеров, а не отдельно. Это указание будет выполнено. А теперь вновь вернемся в Москву.

В тот день, **18 июля**, Влади должна была участвовать в очередном фестивальном мероприятии и взяла с собой мужа. Но когда Высоцкий попытался пройти вместе с ней в фестивальнй автобус, ретивый контролер актрису пропустил, а ее супруга бесцеремонно выставил за дверь. Через минуту автобус уехал, а Высоцкий, униженный и оскорбленный, остался один на пустынном тротуаре. Домой он вернулся поздно ночью совершенно пьяным. Вспоминая события того дня, Марина Влади пишет: «Через некоторое время, проходя мимо ванной, я слышу стоны. Ты нагнулся над раковиной, тебя рвет. Я холодею от ужаса: у тебя идет кровь горлом, забрызгивая все вокруг. Спазм успокаивается, но ты едва держишься на ногах, и я тащу тебя к дивану...»

Влади тут же вызывает врачей, но те, осмотрев больного, наотрез отказываются увозить его с собой. «Слишком поздно, слишком большой риск, – им не нужен покойник в машине – это повредит плану», – пишет Влади.

Честь и хвала ей, но она проявляет непреклонную решимость и грозит врачам всеми небесными карами, включая и международный скандал. Осознав, наконец, кто перед ними, врачи соглашаются.

Высоцкого привозят в Институт скорой помощи имени Склифосовского и тут же завозят в операционную. Влади осталась в коридоре, ей целых шестнадцать часов предстоит провести в коридоре в ожидании хоть каких-нибудь вестей.

Наконец появляется врач и успокаивает Влади: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь – все в порядке». Влади счастлива и отныне всю заботу о больном берет на себя. Два дня она приходит в больницу и пичкает Высоцкого мясными бульонами, полусырыми бифштексами, свежими овощами и фруктами.

Как оказалось, в горле у Высоцкого прорвался сосуд, во время труднейшей операции у него наступила клиническая смерть, но благодаря профессионализму врачей жизнь артиста была спасена: он сумел выкарабкаться с того света. Слишком рано смерть за ним пришла – ему едва исполнился 31 год.

Твоею песнею гремя
под маскою,
Врачи произвели реанимацию...
Вернулась снова жизнь в тебя,
И ты, отудобев,
Нам всем сказал: «Вы все – туда,
А я – оттудова...»

Эти строки были написаны А. Вознесенским по горячим следам тех событий. Сам поэт вспоминал: «В 69-м у Высоцкого вдруг пошла горлом кровь, и его вернули к жизни в реанимационной камере. Мы все тогда были молоды, и стихи свои я назвал „Оптимистиче-

ский реквием, посвященный Владимиру Высоцкому“. Помнится, газеты и журналы тогда отказывались их печатать: как об актере о нем еще можно было писать, а вот как о певце и авторе песен... Против его имени стояла стена запрета. Да и я сам был отнюдь не в фаворе, невозможно было пробить эту стену. Тем не менее стихи удалось напечатать в журнале „Дружба народов“, который и тогда был смелее других. Все же пришлось изменить название на „Оптимистический реквием, посвященный Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу“. Вместо „Высоцкий воскрес“ пришлось напечатать „Владимир воскрес“. Стихи встретили кто с ненавистью, кто с радостью... Как Володя радовался этому стихотворению! Как ему была необходима душевная теплота...»

Вспоминая те же июльские дни 69-го, Алла Демидова рассказывала: «После первой клинической смерти я спросила Высоцкого, какие ощущения у него были, когда он возвращался к жизни. „Сначала темнота, потом ощущение коридора, я несусь в этом коридоре, вернее, меня несет к какому-то просвету, свет ближе, ближе, превращается в светлое пятно: потом боль во всем теле, я открываю глаза – надо мной склонившееся лицо Марины...“

23 июля Высоцкий был уже дома. На следующий день его навестил Золотухин. А когда вернулся домой, записал в своем дневнике следующие впечатления: «Когда я был у него, он чувствовал себя „прекрасно“, по его словам, но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина. А по Москве снова слухи, слухи... Подвезли меня до „Склифосовского“. Пошел сдавать кровь на анализ. Володя худой, бледный... в белых штанах с широким поясом, в белой под горло водолазке и невероятной замшевой куртке. „Марина на мне...“ – „Моя кожа на нем...“

Из-за свалившейся на него болезни Высоцкий потеряет роль в фильме Василия Ордынского «Красная площадь», съемки которого начались аккурат **в середине июля**. Высоцкому предназначалась роль матроса Володи. Вот как об этом вспоминает один из сценаристов фильма – Валерий Фрид: «После фильма „Служили два товарища“ нам уже не хотелось расставаться с Володей и почти в каждом новом сценарии мы с Юлием Дунским пытались заготовить роль специально для него. Роль матроса в „Красной площади“ мы сочиняли в расчете на Высоцкого. Уже в заявке мы нарочно называли матроса Володей и даже пообещали, что „он будет сочинять странные песни и петь их“. Пробы были блестящими. Но это был единственный персонаж, по поводу которого у нас возникли разногласия с режиссером Ордынским. В этой роли он хотел снимать Сережу Никоненко. К тому же не снимать Высоцкого советовал худрук объединения Юлий Райзман. Почему? Он видел пробы Высоцкого и сказал, что этот актер экстракласса забудет в фильме всех остальных. Но мы продолжали уламывать режиссера. И он, человек жесткий, принципиальный, нам все-таки уступил. Было решено снимать Высоцкого. Но фокус все равно не получился. Именно в это время Володя уехал в круиз с Мариной Влади. И роль сыграл Сережа Никоненко. Причем здорово сыграл...»

В воскресенье, **27 июля**, по ТВ показали очередной фильм с участием Высоцкого – «Увольнение на берег».

Вскоре после выписки из больницы, **в начале августа**, лечение Высоцкого продолжается в Белоруссии, куда его и Марину Влади пригласил кинорежиссер Виктор Туров. Последний вспоминает: «Мы снимали „Сыновья уходят в бой“ под Новогрудком, у озера Свитязь. Встретил я Володю и Марину в Барановичах и привез на это озеро. Было воскресенье, из Барановичей и Новогрудка понаехало много отдыхающих. Ну, и как это всегда в группе бывает, кто-то похвалился перед отдыхающими, что к нам приедут Высоцкий и Марина Влади. И так по пляжу, по озеру пошел такой шорох, взволнованность некоторая.

Они приехали, измученные фестивалем и дорогой. У меня был съемочный день, кроме того, нужно было сделать какие-то дела... Я оставил их одних погулять в лесу вдоль озера. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: «Знаешь, там бить собираются Высоцкого и Влади!» – «Почему? Что случилось?» – «А их, говорят, приняли за самозванцев, потому что никто не поверил, что вот эти два обыкновенных, в общем, человека – Высоцкий

и Влади». Почему-то у тогдашней публики бытовало мнение, что Высоцкий – это бывший белогвардеец, со шрамом на лице, огромного роста и прочее, и прочее, и прочее. Марина Влади в своем скромном неброском наряде выглядела просто обаятельной женщиной. Естественно, они далеко не тянули на таких суперменов, какими они были в воображении какой-то части публики. Это зародило подозрительность, вот за «самозванство» моих гостей чуть было не отколодили. К счастью, все обошлось...»

Вспоминает Е. Ганкин: «Высоцкого люди узнали сразу. Я тогда воочию убедился, насколько популярен и любим Владимир Семенович в народе. Атака желающих увидеть наших гостей, поговорить с ними была такая упорная, что пришлось скорей посадить артистов в машину и отвезти в деревню километров за десять от Святизи. Там Володя и Марина поселились у доброй старушки, которая угощала их белорусскими драниками, поила молоком. Они спали на сеновале, о чем часто вспоминала потом Марина Влади. Там они прожили дней десять, потом вернулись в Новогрудок, чтобы записать песни Высоцкого к фильму. Запись делалась в помещении районного Дома культуры. Неизвестно, как молодежь Новогрудка про это узнала, но Дом культуры окружили поклонники Высоцкого. Их собралось так много, и увлеченность событием была настолько бурной, они так атаковали парадный вход помещения, что Высоцкого и Марину Влади пришлось тихо вывести на улицу черным ходом...»

Из Белоруссии звездная чета отправилась продолжать отдых в Крым. В Алуште в те дни друг Высоцкого кинорежиссер Станислав Говорухин снимал свой очередной фильм – «Белый взрыв», поэтому Высоцкий не мог его не навестить. Вот как об этом вспоминает Л. Елисеев (он был знаком с Высоцким еще со съемок «Вертикали»): «Мы были рады приезду Высоцкого и Влади. Слава проявил большую заботу, чтобы как можно лучше их устроить. Встреча моя с ними произошла в гостинице (название не помню), куда я тут же приехал. Мы обнялись, пожали друг другу руки, а потом он представил меня Марине, сказав, что это „тот самый Леня Елисеев“.

Присматриваясь к Марине, я менял свое представление об ее красоте. Во-первых, у нее не было той юности, которая так очаровала нас всех в «Колдунье»; во-вторых, на первый взгляд это была обычная, умудренная большим жизненным опытом женщина, в облике которой присутствовало много русского. Было видно, что Марина устала с дороги. Володя находился в заботах об устройстве, Слава тоже суетился... Чтобы не мешать им, я стал прощаться, Володя дал мне паспорта, свой и Маринин, и попросил передать их администратору. Передав паспорта, я поехал в гостиницу...

На следующий день, во второй половине, мы вчетвером (на моей машине) поехали на один из пляжей недалеко от Алушты. Володя и Марина сидели сзади. Проезжая мимо лотка, где торговали молоком, Володя сказал, что хочет молока. Остановились, я взял две литровые бутылки. На пляже купающихся оказалось не так много, Володю и Марину никто не узнавал. Марина блистала своей фигурой, несмотря на то что родила троих детей, на ней был модный розовый купальник. Володя меня тоже поразила своей фигурой: за полтора года она стала более атлетической, и в движениях он стал более спортивным. Без всякого сомнения, он занимался атлетической гимнастикой. У него стала более мощная грудь, накачанные плечи, походка стала более легкой и спортивной. Раньше у него в походке было что-то от Карандаша, знаменитого нашего клоуна.

Пока мы купались, мне была интересна реакция окружающих нас мужчин на известную кинозвезду. Никто из них долго свой взгляд на Марине не задерживал. Все они воспринимали ее как обычную красивую женщину. Но не как «сногшибающую», от которой, как говорят, глаз не отвести. Слава говорил об эпизодической роли, сыграть которую предложил Володе, на что он тут же дал согласие. (В «Белом взрыве» Высоцкий сыграет роль комбата. – Ф. Р.) А я думал, что если бы не Марина, то Володя был бы сейчас в «Белом взрыве» на

главной роли... К тому же у меня перед глазами, как назло, стояла Маринина старая продуктовая капроновая сумка типа авоськи, которая была аккуратно залатана во многих местах. И эти латки почему-то раздражали меня.

На пляже никто есть не стал, даже Володя, который захотел молока, не выпил и глотка. И что самое главное, отсутствовало радушие... «Пристегнутый» к Влади Володя был не тот парень-рубаха с душой нараспашку, готовый первым оказаться там, где труднее и опаснее, как это было в горах. А здесь что-то надломилось. Может быть, эта натянутость была еще оттого, что Слава высказал свои сомнения по поводу двух, на мой взгляд, хороших песен, которые Володя специально написал к нашему фильму...»

Натурные съемки эпизода, где должен был сниматься Высоцкий (командный пункт батальона), проходили недалеко от перевала, через который проходит дорога Алушта – Симферополь. Однако они едва не сорвались из-за аварии, которая произошла на горной трассе. В тот день за рулем машины, которая везла Говорухина, Высоцкого и Влади к месту съемок, сидел Елисеев. Где-то на середине пути он на большой скорости обогнал грузовик, за что был немедленно остановлен инспектором ГАИ, вынырнувшим из-за укрытия. Елисеев стал прижиматься к обочине, как вдруг тот самый грузовик, который он обогнал ранее, догнал их и ударил бампером в багажник. Хорошо, что удар пришелся вскольз, иначе кто-нибудь из находившихся в машине людей наверняка бы пострадал. А так все они отделались только испугом. Инспектор, узнав, кто едет в остановленной им машине, не стал «качать права» и отпустил киношников с миром.

Вспоминает Л. Елисеев: «На съемочной площадке все было уже готово: сделано небольшое укрытие, изображающее командный пункт батальона. Пока актеров готовили к репетиции и съемке, я немного отрихтовал смятое крыло, а когда пришел на съемочную площадку, Говорухин с оператором заканчивали отработку и репетицию встречи Артема (Армен Джигарханян) с комбатом (Высоцкий) и рядовым Спичкиным (Сергей Никоненко). Меня поразило, как правдиво, легко, уверенно работал Высоцкий. Это был актер, совершенно не похожий на того, каким я его видел в „Вертикали“ или на первом его творческом вечере в ВТО в 1967 году...»

Слава снял два или три дубля, все они были удачными. На этом съемки закончились, стали собираться в обратную дорогу. Мне было не по себе, когда Марина, одна из первых, села в киношный автобус, а следом, естественно, рядом с ней, сел и Володя. После того как уехал автобус, я подумал, что это не он, а Марина увозит Высоцкого.

В Алушту мы возвращались вдвоем с Говорухиным. Видя мое настроение, Слава рассказал мне, что Марина недавно была в довольно крупной автоаварии, а потом, после длительного молчания, смеясь, добавил: «А знаешь, мы с тобой могли бы прогреметь на весь мир! Представляешь, как завтра многие газеты мира напечатали бы: „Вчера на горной дороге Алушта – Симферополь в автокатастрофе погибла звезда французского кино Марина Влади и известный певец-поэт Владимир Высоцкий, а также режиссер-постановщик Говорухин и консультант фильма Елисеев“.

10 сентября Таганка открыла новый сезон: шел спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Однако Высоцкий в нем не играл по причине своего отсутствия в Москве – он был еще в отпуске. В Москву они с Влади вернутся спустя несколько дней, но впрягаться в работу Высоцкий все еще не торопится. Несмотря на то что его физическое состояние уже пришло в норму, поэтический запал оставлял желать лучшего. Не случайно именно в том году из-под его пера появляется стихотворение «**И не пишется, и не поется**». И действительно, в тот год количество песен, написанных им, едва перевалило за два десятка (в 67-м их было чуть больше сорока, в 68-м – около шестидесяти), а количество концертов и вовсе было минимальным – три концерта за весь год. Правда, Высоцкий тогда снялся в трех фильмах: «**Опасные гастроли**», «**Белый взрыв**» и «**Эхо далеких снегов**» (роль Серого). Кроме

этого Высоцкий дебютировал на радио, озвучив главную роль – Шольт – в радиоспектакле И. Навотного «Моя знакомая».

В сентябре режиссер Геннадий Полока предложил Высоцкому главную роль в очередном своем фильме – шпионском боевике «Один из нас» (постановку этой картины Полоке доверили для того, чтобы он реабилитировал себя после скандала с «Интервенцией»). Здесь нашему герою предстояло сыграть роль лихого кавалериста Бирюкова, которому НКВД дает важное задание – разоблачить фашистский заговор. **20 сентября** Полока представил пробы Высоцкого и других актеров худсовету киностудии, но большинство присутствующих высказались против Высоцкого. Но Полока наотрез не соглашался отказываться от кандидатуры Высоцкого. Ему дали подумать неделю – до следующего заседания.

Первое появление Высоцкого на сцене Таганки в новом сезоне было датировано **26 сентября**: он играл в «Жизни Галилея». Играл с упоением, поскольку на спектакле присутствовала Марина Влади.

30 сентября на «Мосфильме» состоялось очередное заседание худсовета по пробам к фильму «Один из нас». В эти часы Высоцкий вновь играл Галилея и с нетерпением ждал звонка от Полоки (ждал его и Золотухин, которому тоже была предложена роль в этом фильме – Громов). Но звонка они так и не дождались, поскольку обрадовать артистов режиссеру было нечем – их кандидатуры не утвердили.

Вечером того же дня Высоцкий и Влади были приглашены на день рождения Юрия Любимова. Настроение у Высоцкого было хорошее – он не знал о том, что происходило на худсовете крупнейшей киностудии страны. А если бы узнал, наверняка расстроился бы. Там секретарь Союза кинематографистов Всеволод Санаев гневно заявил: «Только через мой труп в этом фильме будет играть Высоцкий! Надо будет, мы и до ЦК дойдем!» Но в ЦК идти не пришлось, так как и там сторонников Владимира Высоцкого не нашлось. К тому же свое веское слово сказал и КГБ, курировавший съемки фильма подобной тематики. Допустить, чтобы советского разведчика играл алкоголик, человек, бросивший семью и заведший амурную связь с иностранкой, КГБ, естественно, не мог. Восходящая звезда 5-го Идеологического управления, в скором времени его руководитель Филипп Денисович Бобков так и заявил в те дни: «Я головы поотрываю руководителям Госкино, если они утвердят кандидатуру Высоцкого!» Головы отрывать никому не пришлось – Высоцкого не утвердили.

О своей неудаче в фильме Полоки Высоцкий узнал **4 октября**. Тут еще и в театре произошёл скандал: Борис Хмельницкий стал требовать, чтобы его поставили в очередь на роль Галилея, а когда ему отказали, заявил, что не будет разговаривать с Высоцким. Под впечатлением этих неудач Высоцкий в тот же день напился. Чем окончательно похоронил надежды Полоки, который еще лелеял мечту бороться за его кандидатуру. На следующий день режиссер жаловался Золотухину: «Володя подвел и меня, и себя. Два дня не мог подождать. Ты знаешь, сколько я сделал для того, чтобы он сыграл Бирюкова. Но человек не понимает. Он ведь проживет на своих песенках, в театре с ним носятся как с писаной торбой... А для меня закроются все двери в кино, если я потеряю эту картину. Я не могу даже и заикнуться теперь о какой-нибудь роли для него. Там уже знают, что он развязал, когда это случилось, что он не играл второй спектакль...»

5 октября Высоцкий привел себя в порядок и уехал в Батуми на четыре дня. **9-го** он уже играл Керенского в «Десяти днях...». А спустя несколько дней пришел к Полоке и посоветовал взять на роль Бирюкова своего друга и собутыльника Георгия Юматова. Против этой кандидатуры никто уже не возражал, хотя Юматов по части любви к «зеленому змию» ни в чем не уступал своему протеже. Съемки фильма начались **17 октября**. Вечером того же дня Высоцкий играл в «Десяти днях...» (и **27-го** тоже).

В среду, **5 ноября**, на ЦТ состоялась премьера фильма «Служили два товарища». Фильм показали в самый прайм-тайм – в 21.15.

6 ноября Высоцкий играл Хлопушу в «Пугачеве» и Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир». **7-го** – в «Антимирах», **17-го** – в «Добром человеке из Сезуана».

24 ноября ТВ вновь напомнило о Высоцком – крутануло «Стряпуху». И в этот раз показ состоялся не в самое удачное время – в 11.10 утра, в понедельник.

Между тем, как только Влади уехала в Париж, Высоцкий вновь сошелся с Татьяной Иваненко. В ноябре он отправился с ней и со своим приятелем Давидом Карапетяном в ресторан «Арабат», и там произошел забавный случай. Метрдотель ресторана по имени Марат, который знал Карапетяна, но не узнал в лицо Высоцкого, отказался пропускать последнего в зал. А когда Карапетян раскрыл инкогнито друга, Марат покрылся красными пятнами. Ему стало так неловко перед знаменитым артистом, что он в знак искупления своей вины хотел было грохнуться перед ним на колени. Но Высоцкий его остановил. Тогда Марат торжественно сообщил ему, что тот может приходить в его заведение в любое время – двери для него будут всегда открыты.

28 ноября Высоцкий играл в «Десяти днях...», 30-го – в «Жизни Галилея».

В декабре на Таганке начались репетиции нового спектакля – «Берегите ваши лица» по произведениям А. Вознесенского. **11 и 12 декабря** состоялась читка пьесы с участием автора, а **13 декабря** прошла первая репетиция. Высоцкий в ней участвовал, как и во всех остальных, состоявшихся до конца года.

1970

Год начался с премьеры: **5 января** на широкий экран вышел фильм Георгия Юнгвальд-Хилькевича «**Опасные гастроли**». Работа над фильмом была завершена еще полгода назад, однако на экраны он пробился только сейчас, в январе. Причем помог этому случай. Вот что вспоминает об этом сам режиссер картины Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Когда мы закончили работу, ее не приняли. Мы сидели в Москве и не знали, что делать. Только что закрыли „Интервенцию“ Г. Полоки (еще один фильм, в котором Высоцкий сыграл главную роль. – Ф. Р.), мы понимали, что будем следующими. А дальше произошла история, о которой я узнал через много лет, познакомившись с внучкой Микояна. Оказывается, картину показали в ЦК, и на просмотре оказался Анастас Иванович Микоян. А в картине были танцы, девочки в прозрачных костюмах. И он заплакал: «Боже мой! Это же я их привозил. Я тогда был мальчиком, был рядом с Коллонтай!» Действительно, Коллонтай и Литвинов были прообразами двух большевиков в фильме. Вот из-за слез Микояна картину выпустили в прокат. Без каких-либо поправок».

Народ повалил на фильм валом, главным образом, конечно, потому, что в главной роли – артиста Бенгальского – был занят запрещенный везде и всюду Высоцкий. Я смотрел «Гастроли» несколько месяцев спустя в Летнем кинотеатре Сада имени Баумана и помню, что огромный зал кинотеатра был забит битком, и чтобы достать билеты, надо было отстоять длиннющую очередь. Да и то не всем повезло. Нас же выручило лишь то, что билетершей в кинотеатре работала хорошо знакомая нам женщина, которая и достала билеты, минуя очередь. Но вернемся в январь 70-го.

12 января Высоцкий играл Янг Суна в «Добром человеке из Сезуана», **13-го** – Галилея в «Жизни Галилея».

21 января В. Золотухин записал в своем дневнике следующие строчки: «Почему-то все ругают „Опасные гастроли“, а мне понравилось. Мне было тихо-грустно на фильме, я очень понимал, про что хочет сыграть Высоцкий».

В отличие от рядового зрителя, киношная критика картину безжалостно ругала, уличая ее в дурновкусии, примитивизме и т. д., и т. п. К примеру, **22 января** в «Вечерней Москве» была помещена заметка критика В. Кичина под названием «Осторожно: „Опасные гастроли“». Приведу лишь отрывок из нее: «Владимир Высоцкий наполненно произносит банальности, не без успеха имитируя значительность происходящего. Иван Переверзев действует в лучших традициях водевиля, полностью реализуя предложенные сценарием сюжетные коллизии. Ефим Копелян, как всегда, умеет создавать иллюзию второго плана даже там, где это, увы, только иллюзия...»

Только крайней неразборчивостью проката можно объяснить тот факт, что этому фильму предоставлены экраны столичных кинотеатров».

В другом популярном издании – «Комсомольской правде» – А. Аронов задавался вопросом: «Зачем подавать одесское варьете „XX век“ под революционным соусом? Зачем маскировать музыкально-развлекательную ленту под фильм о революции, зачем разминать на это серьезную тему?»

Между тем Высоцкого в те дни ругали не только за Жоржа Бенгальского из «Гастролей». Например, в «Советской культуре» Юрий Калешук лягнул актера и за другую, годичной давности роль в ленте «Хозяин тайги». Критик писал: «Многое здесь „разрушает“ В. Высоцкий, которому отведена роль „преступника с философией“. Он с таким мелодраматическим надрывом произносит даже самые невзрачные сентенции, что это почти невозможно изобразить словесно... Благодаря Высоцкому образ Рябого получился карикатурным. Это

звено, по существу, выпало из добротного сделанного фильма, в котором есть жизненные ситуации и подлинные характеры...»

Несмотря на все нападки критиков, «Опасным гастролям» будет сопутствовать хорошая прокатная судьба: в годовом рейтинге они займут 9-е место (36,9 млн зрителей), обогнав явных фаворитов, в числе которых значилось даже «Белое солнце пустыни» (34,5 млн).

27 января Высоцкий играет в «Жизни Галилея», 30-го – в «Пугачеве» и «Антимирах». **3 февраля** вновь выходит в «Пугачеве».

Тем временем в феврале нешуточные страсти разгорелись вокруг спектакля Таганки «Берегите ваши лица» по стихам Андрея Вознесенского. Как и большинство творений Любимова, этот спектакль тоже являл собой нечто необычное: в нем не было жесткой драматургии, он игрался импровизационно, как открытая репетиция. Прямо по его ходу Любимов вмешивался в ход спектакля, делал замечания актерам. Эта необычность весьма импонировала зрителям, которые ничего подобного до этого еще не видели. Премьеру спектакля предполагалось сыграть в середине февраля, однако в ход событий вмешались непредвиденные события. Известный драматург Петер Вайс в каком-то интервью выступил с осуждением советских властей, из-за чего «верхи» распорядились убрать из репертуара «Таганки» спектакль по его пьесе «Макинпотт». Любимову пришлось подчиниться, но он решил в отместку выпустить раньше срока «Лица».

Премьеру сыграли **7 февраля**. Спустя три дня эксперимент повторили, да еще показали сразу два представления – днем и вечером. На последнее лично прибыл министр культуры РСФСР Мелентьев. Увиденное привело его в неопишное бешенство. «Это же антисоветчина!» – буквально клокотал он после спектакля в кабинете Любимова. Крамолу министр нашел чуть ли не во всем: и в песне Высоцкого «**Охота на волков**», и в стихах, читаемых со сцены, и даже в невинном плакате над сценой, на котором было написано «А ЛУНА КАНУЛА» (палиндром такой от Вознесенского, который читался в обе стороны одинаково). В этой надписи Мелентьев узрел намек на то, что американцы первыми высадились на Луну, опередив советских космонавтов. Уходя, министр пообещал актерам, что «Лица» они играют в последний раз. Слово свое министр сдержал: эту проблему заставили утрясти столичный горком партии. **21 февраля** там состоялось специальное заседание, на котором были приняты два решения: 1) спектакль закрыть, 2) начальнику Главного управления культуры исполкома Моссовета Родионову Б. объявить взыскание за безответственность и беспринципность. В Общий отдел ЦК КПСС была отправлена бумага следующего содержания:

«Московский театр драмы и комедии показал 7 и 10 февраля с. г. подготовленный им спектакль „Берегите ваши лица“ (автор А. Вознесенский, режиссер Ю. Любимов), имеющий серьезные идейные просчеты. В спектакле отсутствует классовый, конкретно-исторический подход к изображаемым явлениям, многие черты буржуазного образа жизни механически перенесены на советскую действительность. Постановка пронизана двусмысленностями и намеками, с помощью которых проповедуются чуждые идеи и взгляды (о „неудачах“ советских ученых в освоении Луны, о перерождении социализма, о запутавшихся в жизни людях, не ведающих „где левые, где правые“, по какому времени жить: московскому?). Актеры обращаются в зрительный зал с призывом: „Не молчать! Протестовать! Идти на плаху, как Пугачев!“ и т. д.

Как и в прежних постановках, главный режиссер театра Ю. Любимов в спектакле «Берегите ваши лица» продолжает темы «конфликта» между властью и народом, властью и художником, при этом некоторые различные по своей социально-общественной сущности явления преподносятся вне времени и пространства, в результате чего смазываются социальные категории и оценки, искаженно трактуется прошлое и настоящее нашей страны.

Как правило, все спектакли этого театра представляют собой свободную композицию, что дает возможность главному режиссеру тенденциозно, с идейно неверных позиций подбирать материал, в том числе и из классических произведений...

Между тем драматические события вокруг родного театра, кажется, мало волновали самого Владимира Высоцкого. Он в те дни утрясал свои личные проблемы, в частности наконец-то оформил развод со своей бывшей женой Людмилой Абрамовой, с которой разошелся почти два года назад. Л. Абрамова вспоминает: «Мы с Володей по-хорошему расстались... У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Это февраль семидесятого. Я лежала в больнице, но врач разрешил поехать. Я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись... Время до ужина в больнице у меня было, и Володя позвал меня на квартиру Нины Максимовны (мать Высоцкого. — Ф. Р.). Я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице... Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже так отсохло... (Высоцкий и Абрамова расстались еще осенью 68-го. — Ф. Р.) Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было...

13 февраля Высоцкий играл в «Жизни Галилея», **17-го** — в «Десяти днях...», **19-го** — в «Жизни Галилея».

В этом же месяце он дал несколько концертов в Москве: в Онкологическом центре и Госснабе СССР.

В те же дни режиссер Леонид Гайдай готовился к съемкам фильма «12 стульев» и настойчиво искал исполнителя на главную роль — Остапа Бендера. Пробовались 22 актера, среди которых были такие звезды, как: Алексей Баталов, Александр Белявский, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Михаил Ножкин, Николай Губенко, Никита Михалков, Александр Лазарев и другие. Однако ни один из них так и не смог убедить Гайдая в том, что Бендер — именно он (в порыве отчаяния он даже предлагал попробовать на роль турецко-подданного певцу Муслиму Магомаеву, но тот отказался, поскольку, во-первых, прекрасно знал свои возможности, но главное — не любил бессмертное творение двух писателей).

Тем временем подготовительный период, отпущенный Гайдаю, заканчивался, и надо было как-то определяться. В конце концов режиссер остановил свой выбор на Владимире Высоцком. Тот, не избалованный чрезмерным вниманием к себе киношных режиссеров (за 10 лет сыграл в кино всего лишь четыре главные роли, причем один фильм — «Интервенция» — до зрителей при его жизни так и не дошел), поначалу согласился, но потом внезапно передумал. В итоге в назначенное ему время он на «Мосфильм» не явился, а предпочел уйти с приятелями в загул. Гайдай в течение нескольких дней пытался обнаружить его следы, но все было напрасно — Высоцкий как в воду канул. Тогда на роль Остапа был назначен «условный» исполнитель — Александр Белявский. Съемки с ним должны были начаться в марте.

2 марта вечером актриса Ия Саввина собрала у себя дома гостей, в компании которых она решила отметить свой 34-й день рождения. Среди приглашенных были: Владимир Высоцкий, кинорежиссер Герман Климов (брат Элема Климова) и др.

Вспоминает Г. Климов: «Гостей было немного, сидели очень тепло и, что называется, душевно. Володя Высоцкий был в ударе, пел часа три, но не подряд, а с перерывами, с разговорами, то включая, то выключая свое высокое напряжение. И опять была эта магия и страх, что у него вот-вот порвутся жилы, порвется голос. Он был как-то особенно возбужден, и вскоре выяснилось почему: он придумал свою концепцию „Гамлета“ и в конце вечера начал очень увлеченно и подробно ее рассказывать — это был моноспектакль. Краем глаза я отметил, что кто-то пишет на магнитофон, но кто — сейчас не помню. Рассказ был долгий, час поздний, стол начал разбиваться на фракции, а потом и редеть. Володя прощался, почти

не прерывая рассказа, и продолжал свой монолог на той же высокой ноте озарения. Видно было, что этот будущий спектакль – главное его дело. На вопрос: „Когда?“ – он усмехнулся: придумать-то придумал, но теперь предстоит самое сложное – убедить Юрия Петровича, что придумал это сам Юрий Петрович. Только тогда он увлечется постановкой.

Мы договорились работать этой ночью, куда-то ехать, однако сильно пересидели всех гостей и вышли на улицу в четвертом часу. Помню долгое ожидание такси и долгую поездку через всю заснеженную Москву. Говорили о спорте, о сценарии, Володя сказал, что тоже пишет сценарий, – судя по его рассказу, это должен быть весьма хитроумный психологический детектив, действие которого происходит в поезде, – он был увлечен им так же, как и песнями, которые тогда у него были в работе. Они еще не сложились в стихи, ясна была лишь их концепция, которую он и излагал сжатой прозой. Один такой замысел ему самому очень нравился – на ту же тему, что и песня Ножкина «А на кладбище все спокойненько...», впрочем, и песня почти готова. Снова заговорили о Таганке, о знакомых актерах. Внезапно он погрузился, замолчал и отвернулся к окну машины. Устал, решил я, мыслимое ли это дело – быть в таком напряжении столько часов.

– Знаешь, – сказал он, – а ведь по-настоящему друзей у меня нет...

Мы виделись еще не раз, но запомнился почему-то этот его голос, боль, с которой это было сказано, запомнился грустный его профиль на фоне темной, тихой, скользящей мимо Москвы...

6 марта Высоцкий играл в «Десяти днях, которые потрясли мир». А спустя несколько дней он имел честь побывать в гостях у бывшего главы Советского государства, а ныне пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева.

По словам друга Высоцкого Давида Карапетяна, идея навестить бывшего кремлевского небожителя пришла к Высоцкому неожиданно: он заехал к приятелю домой и, будучи навеселе, предложил рвануть к Хрущеву. Самолично позвонил по телефону внучке Никиты Сергеевича Юлии и стал уговаривать ее устроить ему такую встречу немедленно. А поскольку Высоцкий умел уломать кого угодно, девушка согласилась. Через полчаса они с приятелем были в квартире внучки на Кутузовском проспекте, откуда та позвонила деду и предупредила, что выезжает к нему с друзьями (при этом она выдала их за актеров «Современника»). Еще через час они были на даче Хрущева в Петрово-Дальнем.

Эта встреча длилась несколько часов. Высоцкий просил Хрущева посодействовать ему в выборе кого-нибудь из членов Политбюро, кто мог бы помочь ему в его песенном творчестве. Так и сказал: «Песни мои ругают, выступать не дают, на каждом шагу ставят палки в колеса. А люди хотят слушать мои песни. К кому из руководства мне лучше всего обратиться?» Хрущев был поставлен в непростое положение, поскольку вот уже шесть лет как ушел из власти. Но все же одну кандидатуру он назвал – секретаря ЦК КПСС Петра Демичева, который из всего руководства был более-менее молодым.

Спустя какое-то время хозяин пригласил гостей за стол. Высоцкий довольно бесцеремонно спросил: «Никита Сергеевич, а у вас не найдется чего-нибудь выпить?» Хрущев извлек из шкафчика бутылку «Московской особой». При этом сам от выпивки отказался: мол, врачи не разрешают. Поэтому бутылку гости «приговорили» на двоих. После чего беседа полилась пуще прежнего. Говорили в основном о политике: о Сталине, Бери, десталинизации. Хрущев рассказывал настолько интересные вещи, что Высоцкий не сдержался: «Никита Сергеевич, и почему вы не напишете мемуары?» На что Хрущев резонно заметил: «А вы мне можете назвать издательство, которое бы их напечатало?» Высоцкий осекся: сам был точно в такой же ситуации, что и Хрущев.

Вспоминает Д. Карапетян: «Володя вел себя так, как будто рядом с ним сидел не бывший руководитель страны, а обыкновенный пенсионер. Он не испытывал какого-то пиетета или трепета по отношению к Хрущеву, скорее – снисходительность. Было видно, что Высоц-

кий отдает ему должное, но в то же время за его словами как бы стояло: „Как же это вы прозевали, и мы опять в это дерьмо окунулись?“

Мне показалось, что Никита Сергеевич уже был как бы в отключке от общественной ситуации, у него было совершенно другое состояние – что-то типа прострации. Нужно учесть и его возраст – ему было тогда 76 лет: он выглядел окончательно разуверившимся в «предустановленной гармонии», одряхлевшим Кандидом, который на склоне лет принялся «возделывать свой сад». О событиях своей жизни он говорил без сопереживания, как о чем-то фатальном. Живая обида чувствовалась только в его словах относительно «хрущоб»: «Я же пытался сделать людям лучше... где же благодарность людская?... Подняли их из дерьма, и они же еще обзывают». И, пожалуй, в его рассказе о «заговоре» тоже звучало живое недоумение по поводу собственной близорукости...»

16 марта Высоцкий играл в «Добром человеке из Сезуана». А спустя день в его доме разгорелись поистине шекспировские страсти. Вот уже почти три месяца у него гостит его Марина Влади, гостила бы и дольше, если бы не очередной срыв супруга. Тот хотел выпить водки, но жена буквально вырвала у него из рук бутылку и вылила ее содержимое в раковину. Этот демарш настолько возмутил Высоцкого, что он устроил в квартире форменный дебош. О результатах его можно судить по рассказу самого актера, который в те дни жаловался своему приятелю и коллеге Валерию Золотухину: «У меня такая трагедия. Я ее (Влади. – Ф. Р.) вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...»

В итоге Влади улетела в Париж, а Высоцкий, прихватив с собой приятеля Давида Карапетяна, решил развеять грусть-тоску, поехав в Минск, к кинорежиссеру Владимиру Турову (именно в его фильме «Я родом из детства» впервые в кино прозвучали песни Высоцкого). Поскольку до отправления поезда было еще несколько часов, друзья решили скоротать время неподалеку – в ресторане ВТО, что в пяти-семи минутах езды от Белорусского вокзала. Там с Высоцким приключилась забавная история. К ним за столик подсадили смутного возраста даму из театральных кругов, которая с места в карьер обрушила свое раздражение на артиста. Она заявила, что только что приехала из Ленинграда, но уже сыта по горло разговорами про Высоцкого. «Надоели эти бесконечные слухи о вашей персоне, – клокотала дама. – То вы вешаетесь, то режете себе вены, но почему-то до сих пор живы. Когда вы утомитесь? Почему все должно вращаться вокруг вас? Чего вы добиваетесь? Дайте людям спокойно жить!»

Как ни странно, но эта гневная речь не возымела на виновника происходящего никакого действия – видимо, он уже привык к подобного рода выпадам. Высоцкий только добродушно ухмылялся и кивал головой. В этот момент мысли его были далеко: то ли в Париже, куда укатила его супруга, то ли в Минске.

Когда друзья приехали к Турову, тот был приятно удивлен – он совершенно не ожидал приезда Высоцкого, да еще в компании с приятелем. Но, согласно законам гостеприимства, встретил их хлебом-солью. Отмечать приезд сели в кухне. Вскоре к режиссеру один за другим стали приходить друзья и коллеги, прослышавшие откуда-то о приезде столичной знаменитости. Батарея пустых бутылок угрожающе росла. Так продолжалось до вечера. Затем было решено продолжить застолье в каком-нибудь ресторане возле вокзала (обратный поезд в Москву отходил ночью **22 марта**). Когда Высоцкий садился в поезд, он уже был прилично «нагружен», однако чувство реальности еще не потерял. Карапетян, который хорошо знал привычки своего друга, понял, что ночь ему предстоит адова. Так и вышло.

Едва поезд тронулся, как Высоцкий стал буквально насаждать на приятеля: мол, найди что-нибудь выпить. Тот юлил, как мог: дескать, где же я найду выпить ночью? Но Высоцкий был неумолим. В итоге Карапетяну пришлось делать вид, что он пошел переговорить с проводником. Вернувшись, объяснил: проводник – женщина, надо терпеть до утра. Высоц-

кий вроде бы утомился и лег на полку. Но каждые полчаса просыпался, громко стонал, после чего хватался за сигареты. Пассажиры их купе (а с ними ехали девушка и какой-то командировочный мужчина) то и дело просили прекратить это безобразие. Но Высоцкий их мало слушал.

Утром, мучимый похмельным синдромом, артист опять насел на друга: найди мне выпить. «Потерпи до Москвы», – отбрыкивался Карапетян. «Не буду», – упрямо бубнил Высоцкий. Затем предложил: «Займи у нашего соседа. Объясни, что вопрос жизни и смерти». Карапетян вышел в коридор, где находился их сосед по купе. «Выручите нас, пожалуйста, – обратился он к мужчине. – Это артист Высоцкий. Ему очень худо. Одолжите десятку и оставьте адрес. Мы обязательно вышлем сегодня же телеграфом». Но сосед оказался настолько далек от творчества Высоцкого, что наотрез отказался одалживать не то что десятку, но даже захудалую трешку. Тогда Высоцкий стал уговаривать друга отдать ему по дешевке свою электробритву «Филишейв». Карапетян согласился. Но сосед продолжал артачиться. Тогда Высоцкий, трубы которого к тому моменту уже представляли чуть ли не раскаленные сопла космической ракеты, кинул в бой последний козырь – свою пыжиковую шапку. Козырь сработал. Что вполне объяснимо: мало того, что такая шапка по тем временам была вещью остродефицитной, так она стоила несколько сот рублей, а Высоцкий согласился продать ее за пару червонцев. Допекла, видно, жажда.

Между тем приключения друзей на этом не закончились. Приехав в Москву, вечером того же дня Высоцкий потащил друга все в тот же ресторан ВТО. Там они мило посидели, после чего завалились домой к Карапетяну на Ленинский проспект (возле универсама «Москва»). Уложив гостя в гостиной на диване, хозяин вместе с женой удалились в крохотную спальню. Однако под утро их разбудил Высоцкий, который сообщил, что... спалил матрац. Оказывается, он лег спать с сигаретой в руке, и та упала на диван. Огонь тлеющей сигареты насквозь прожег матрац и перекинулся на обивку дивана. К счастью, Высоцкий в этот миг проснулся и принялся в одиночку бороться с огнем. Сначала он стал бегать на кухню за водой (он носил ее в ладошках), а когда это не помогло, схватил матрац в охапку и выпихнул в узенькую боковую створку окна. И только потом помчался оповещать о случившемся хозяев.

24 марта Высоцкий вновь выходит на сцену Таганки. Он играет сразу в двух спектаклях: «Пугачев» и «Антимиры». После чего вновь срывается из Москвы, будто у него шило в одном месте. И снова в качестве сопровождающего с ним отправляется его друг Давид. На этот раз их пути-дороги ведут в Ялту. Вот как вспоминает об этой поездке Д. Карапетян: «В один из вечеров мы спустились в гостиничный ресторан. Оркестр в это время играл неувядаемый альпийский шлягер Высоцкого „Если друг оказался вдруг“. Володя тут же сорвался с места и засеменял к эстраде. Встав к ней вполоборота, он замер с приоткрытым ртом, словно хотел убедиться, что исполняют именно его песню. В этот момент ко мне подошел кинооператор Павел Лебешев и, не скрывая раздражения, бросил:

– Он с тобой, что ли? Убери его! Неудобно!

То был взгляд со стороны абсолютно трезвого человека, обеспокоенного, видимо, «имиджем» Володи, и пренебречь им было нельзя. И впрямь что-то неловкое, даже нелепое было в этом зрелище. В позе Володи, в выражении его лица словно читалось: «Неужели все это – не сон, и я – это явь?»

Друзья планировали после Ялты отправиться догуливать в Одессу, но этим планам не суждено было осуществиться: за три дня Высоцкий настолько потерял форму, что ни о каком «продолжении банкета» речи идти не могло. Да и деньги почти все закончились. Однако возвращение в столицу было тоже сопряжено с приключениями. Два (!) раза рейс самолета откладывали из-за непогоды, и оба раза Высоцкий и Карапетян возвращались в Ялту, в гостиничный номер Виктора Турова и его жены Ольги Лысенко. Для супругов, кото-

рые приехали на юг отдохнуть от мирских забот, оба этих возвращения были равносильны стихийному бедствию: Высоцкий подшофе покладистым характером никогда не отличался. Наконец только с третьего раза артиста и его приятеля удалось благополучно отправить по месту их жительства.

Они вернулись в Москву **30 марта**, и вечером того же дня Высоцкий дал домашний концерт в доме своего приятеля В. Савича. Песни были относительно старые (годовой и чуть меньшей давности), поскольку новых Высоцкий к этому времени не написал. Среди исполненных им тогда произведений были: **«Песенка о слухах» («И словно мухи тут и там...»)**, **«Я не люблю»**, **«Я раздул плечо, трибуны замерли...»**, **«Я самый непьющий из всехмужиков...»** и др.

В начале апреля Высоцкий вновь сорвался из Москвы – на этот раз в Сочи. Компанию ему в этой поездке составил все тот же Давид Карапетян, с которым он буквально не расстается, считая его, видимо, своим талисманом. **7 апреля** друзья благополучно приземлились в адлерском аэропорту, откуда на такси добрались до Сочи. Там они без особого труда устроились в интуристовской гостинице. После утреннего шампанского Высоцкий тут же увлек друга на безлюдный пляж, где они совершили свой первый морской моцион. Выглядел он более чем странно. Высоцкий внезапно предложил другу лечь на песок и подышать воздухом. Причем не раздеваясь. Так они и сделали, улегшись в чем были: Высоцкий в коричневой, до колен, куртке (подарок жены, купленный в парижском бутике), Карапетян – в короткой бежевой дубленке. Так, под шум прибоя, они и пролежали в бодрящей полудреме несколько часов кряду.

В Сочи относительный покой приятелей длился недолго: уже на третьи сутки у них кончились деньги, и надо было срочно придумывать, где достать энную сумму для продолжения отдыха. Высоцкий, недолго думая, предложил продать его куртку – подарок Марины Влади. Но друг воспротивился: мол, это же кощунство – продавать подарок! И предложил иной вариант: позвонить его жене в Москву (кстати, вторая половина Карапетяна тоже была француженка – Мишель Кан). Но Высоцкого этот план не вдохновил, и он, гордый на выдумки, придумал новый способ добычи средств. Он увлек приятеля в порт, где они стали один за другим обходить тамошние суда в надежде, что их капитаны, узнав в просителе Высоцкого, одолжат ему необходимую сумму. Трюк удался: капитан теплохода «Шота Руставели» Александр Назаренко признался, что его сын буквально тащится от песен Высоцкого, и на этой почве одолжил кумиру своего отпрыска 40 рублей. Забегая вперед сообщу, что этот долг Высоцкий вернет ровно через год – когда вместе с женой совершит на этом теплоходе многодневный круиз.

Пробыв в Сочи несколько дней, Высоцкий внезапно предложил другу «сменить обстановку» – съездить в Армению. Резон в этом предложении был: там можно было и отдохнуть, и денег концертами заработать. Карапетяну это предложение понравилось, и он в тот же день позвонил в Ереван, чтобы прозондировать почву на предмет возможной халтуры для Высоцкого. Абонентом звонившего была его пассия Алла Тер-Акопян. Она сообщила, что ей вполне по силам организовать концерт Высоцкого в Малом зале филармонии, где директовала его приятельница.

До вылета оставалось несколько часов, и приятели какое-то время убивали время, слоняясь по аэропорту. Затем стали искать, где бы заморить червячка. Сделать это удалось в столовой для летного состава, куда они проникли благодаря очаровательной стюардессе, с которой познакомились на летном поле. Денег хватило лишь на макароны по-флотски и компот, а с алкоголем вышла накладка – его в этой столовой употреблять не полагалось. Но Высоцкий и здесь нашел выход. Подскочил к какому-то молодому пилоту и, едва тот узнал его, предложил пообщаться в более приличествующей случаю обстановке – в ресторане. Платить, естественно, должен был парень. Он же после ужина посадил своих новых знако-

мых и в самолет, дав соответствующие пояснения экипажу. Этим же рейсом в Ереван возвращалась футбольная команда «Арабат», и Высоцкий практически весь полет проговорил с ее тренером Александром Пономаревым о футболе (кстати, как ни странно, но любимой команды у Высоцкого никогда не было).

В Ереване гости остановились на квартире средней сестры Карапетяна Вари и ее мужа – кинорежиссера Баграта Оганесяна. Оттуда Карапетян сделал телефонный звонок в Союз кинематографистов Армении и договорился сразу о трех концертах Высоцкого под эгидой этого учреждения. Причем концерты должны были состояться в тот же день, чего гости явно не ожидали, – они рассчитывали хоть немного отдохнуть с дороги. Но делать было нечего, поскольку они сами до этого просили побыстрее все организовать. В итоге свой первый концерт Высоцкий дал в 16.00 (а прилетели они в 4 утра) в клубе какого-то завода. Перед его началом между Карапетяном и Высоцким возникли разногласия. Если первый настаивал на том, чтобы в концерте были исполнены самые острые песни («Охота на волков», «Банька» и др.), то второй хотел обойтись более выдержанным с идеологической точки зрения репертуаром. Победил Высоцкий.

Два других концерта состоялись в центре города (клуб завода находился на окраине), причем не где-нибудь, а в клубе... КГБ. Карапетян и здесь стал склонять друга исполнить «что-нибудь этакое», но Высоцкий вновь сделал по-своему – не спел даже «Нейтральную полосу», которая при такой публике была бы вполне уместна. Концерты строились по одной и той же схеме: сначала крутился киноролик с отрывком из фильма с участием Высоцкого, затем он исполнял монолог Хлопуши из спектакля «Пугачев» и, только потом шли песни (начинал Высоцкий с «На братских могилах...»). Во время третьего концерта произошел забавный эпизод, который затем был истолкован против Высоцкого. В перерыве между песнями он подошел к столу, на котором стоял графин с водой, и промочил горло. При этом не применил заметить: «Вот сейчас выпью и – пойдем дальше. Ваше здоровье!» Кому-то в зале показалось, что в графине была не вода, а водка, после чего уже на следующий день по городу пошли слухи, что Высоцкий играл концерт пьяным. На самом деле он был слегка навеселе, употребив в перерыве некоторое количество коньяка для бодрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.